

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани 8 (4912) 996797

т. 8 961 130 67 97

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс–диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний (в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес–тренеров**

По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты государственного образца

тел.:(495) 683-59-30
E-mail vsnp@psychol.ras.ru
www.vsnp.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел науки –

И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент

Отдел писем –

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук

Отдел международных связей –

Л. Б. Юшкова,
кандидат психологических наук,
доцент

Ответственный секретарь –

Е. А. Щелкушкина

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

С. К. Бондырева,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор

А. Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент

А. А. Крымов,
кандидат юридических наук,
доцент

М. И. Марьин,
доктор психологических наук,
профессор

Н. Н. Нечаев,
академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор

О. В. Старикова,
кандидат психологических наук

А. Н. Сухов,
доктор психологических наук,
профессор

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор

Прикладная юридическая психология

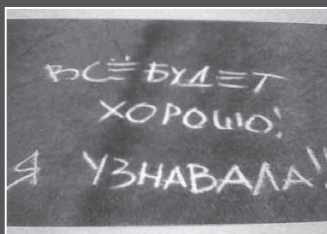
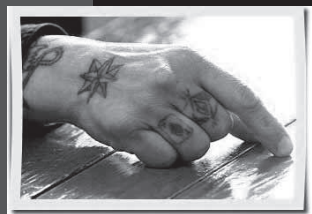
Рецензируемый научный журнал

ТЕМА НОМЕРА: фундаментальная психология и девиантное поведение

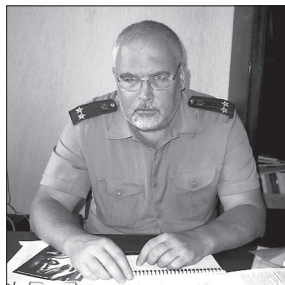
фундаментальная
психология

девиантное
поведение

а пока так

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Настоящий номер посвящен ряду интереснейших проблем юридической психологии, в частности проблеме девиантного поведения, представленного отклонениями в поведении как у современной молодежи, что традиционно, так и у осужденных женщин, что менее традиционно,

но исследуется с использованием именно этого термина. Логично, что указанная проблематика тесно соприкасается с проблемами семьи. В связи с этим логично было бы рассмотреть термин криминальной деструктивности семьи в целом (а не только отдельной личности), вопрос, пока еще малоисследованный, но работы по которому ведутся, и мы ждем от наших авторов новых материалов.

Возникает вопрос, где искать основную проблематику девиантного поведения. Тема этого номера уже предлагает некоторый ответ. В «сфере девиантности», а точнее в развале системы современного образования (о чем и нам и многим средствам массовой информации неоднократно приходилось писать), сфере психологии семейных отношений (в ближайшее время мы планируем открыть дискуссию по ювенальной юстиции, начало которой положат некоторые статьи этого номера) и сфере правоприменительной практики, а также в мерах психологической помощи, коррекции и психотерапии в отношении ЕЩЕ не совершивших, но психологически ГОТОВЫХ совершить противоправный поступок, лиц, что Ваш покорный слуга и называет «криминальная деструктивность личности». Она может быть малой, а может быть большой. Когда она опасна, а когда нет? На этот вопрос можно найти ответ в статье директора Института психологии Российской академии наук А.Л. Журавлева, открывающей этот номер, где он пишет (по аналогии с современной доказательной медициной) о необходимости «доказательной психологической практики». Именно в этом автору видится единение фундаментальной и прикладной науки, что подтверждается и содержанием статей, посвященных теоретическим, прикладным и эмпирическим исследованиям.

Впрочем,ждемся отзывов читателей и приглашаем всех к участию в дискуссиях, публикациях и уже регулярно действующем семинаре «Прикладная юридическая психология» на базе Института психологии РАН.

*Главный редактор
доктор психологических наук Д.В. Сочивко*

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**психология
девиантного
поведения**

**в помощь
руководителю**

**в помощь
исследователю-
практику**

научная жизнь

Преступление и наказание от А до

З
7
Словарь
по пенитенциарной
психологии

Уже в продаже

Готовится второе издание,
существенно исправленное
и дополненное

По вопросам покупки обращайтесь по телефону: 8 910 635-71-55

Методология и теория юридической психологии

- Взаимодействие фундаментальной психологии и психологической практики: направления развития (вступительное слово). **А.Л. Журавлев** 8
- Криминологические и социально-психологические корни преступности в современной России. **А.Я. Гришко** 13
- Уголовно-правовая теория криминализации и востребованность психологии при разработке уголовной и уголовно-исполнительной политики и модернизации законодательства. **В.М. Поздняков** 17
- Теоретико-методологические основы пенитенциарной конфликтологии как науки. **А.П. Детков** 28

Прикладные и экспериментальные исследования

- Причины и условия женского рецидивизма в контексте проблем ресоциализации осужденных женщин. **З.С. Зарипов, М.Ю. Семенец** 41
- Психодинамика личности ВИЧ инфицированных осужденных женщин в местах лишения свободы. **И.Л. Калинова** 45
- Типология сотрудников УИС по взаимосвязи мотивации и профессиональной деформации. **О.А. Рожков** 56
- Самоопределение личности студента в условиях профессионального становления в процессе обучения в вузе. **Г.П. Иванов, Е.Ф. Коваленко** 66
- Особенности семейной идентичности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы. **Н.В. Лукьянченко, Е.А. Новикова** 78
- Психологические особенности родителей и несовершеннолетних из неблагополучных семей. **И.Е. Реуцкая** 85
- Особенности эмоциональной близости в семьях несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. **С.Д. Хачатурян, С.А. Худоконенко** 94
- Психологические особенности «Я концепции» осужденных за преступления против близких родственников. **О.В. Старикова, К.А. Хрушкова** 105

Психопрактики

- Психологическая характеристика типов самореализации лиц с ограниченными возможностями. **П.А. Галушкин** 116

Психология девиантного поведения

- О совершенствовании образовательно-воспитательной системы реабилитационной деятельности ИУ для несовершеннолетних. **О.Г. Ананьев** 121
- Психолого-педагогические проблематика развития системы среднего профессионального образования в современной России. **А.В. Михайлов** 131

В помощь руководителю

- Толерантность как ценность социума и условие развития личности. **С.Н. Толстикова** 141
- Пути повышения эффективности деятельности психолога-практика уголовно-исполнительной системы. **М.Б. Юсова** 147
- Характеристика основных понятий профессионально-ценностного отношения к функциональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы. **М.С. Тарасиков** 155

В помощь исследователю-практику

Некоторые теоретические и прикладные аспекты изучения личности и поведения серийных сексуальных убийц (обзор зарубежных исследований). **О. А. Логунова**

163

Изучение профессионального становления психолога в негосударственном высшем учебном заведении. **Г. П. Иванов**

175

Научная жизнь

Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте».

А. В. Датий

181

История одного бесследно исчезнувшего научно-исследовательского центра МВД России в период распада советской науки (ранее неопубликованное открытое письмо Министру внутренних дел генерал-полковнику Степашину С. В.). **Б. Г. Бовин**

183

Научные проекты

193

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ (ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО)

А. Л. Журавлев

Аннотация: в статье с теоретических позиций изучается проблема взаимодействия прикладной и фундаментальной психологии.

Ключевые слова: прикладная юридическая психология, семинар, фундаментальная психология, научное развитие.

The summary: this article from the theoretical point of view we study the problem of interaction between applied and basic psychology.

Keywords: applied psychology law, seminar, basic psychology, scientific development.

Открывая третье заседание семинара «Прикладная юридическая психология» и приветствуя его участников, хочу напомнить, что одним из важнейших принципов его работы, о которых мы договорились еще на стадии организации первого заседания, является общее стремление организаторов и участников семинара к объединению усилий представителей академической психологии и ее прикладных направлений, главным образом прикладной юридической психологии, в обсуждении общих и наиболее актуальных психологических проблем, возникающих сегодня в сфере юриспруденции и близких к ней областях.

В связи с этим считаю целесообразным поставить и кратко рассмотреть более общие и фундаментальные проблемы, касающиеся *взаимодействия*

академической психологии и психологической практики, оценки современного состояния, перспективы которого постепенно порождались в процессе обсуждений с профессором Д.В. Ушаковым, заведующим лабораторией психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН (ИП РАН). Сформулированные ниже представления фактически являются нашими общими и достаточно быстро обрастают новыми положениями.

В развитии отношений фундаментальной психологической науки и практики в нашей стране можно выделить несколько разных этапов. На *первом*, начавшемся с реального внедрения психологической науки в практику в самом конце 1950-х — начале 1960-х годов и достигшем зрелых форм в 1970-80-х гг., между фундаментальной наукой и практикой предполагались и реализовывались относительно *гармоничные отношения*. Фундаментальная психологическая теория должна верифицироваться в экспериментах и снабжать достоверными, проверенными знаниями практику, а практика, в свою очередь, с одной стороны, способна проявить ценность теории, а с другой — поставить перед теорией такие вопросы, которые будут стимулировать ее развитие. Такие отношения наиболее точно выразил Б.Ф. Ломов: «взаимодействие... теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы

психологических наук» [2, с. 51]. Это же взаимодействие было положено в основу методологического принципа единства теории, эксперимента и практики в психологии [2].

Однако на *втором* этапе, начавшемся в 1990-е гг. и фактически продолжающемся по сегодняшний день, относительная гармония во взаимодействии фундаментальной теоретико-экспериментальной психологии и практики была подвергнута не только сомнению, но и отрицанию. Стали высказываться суждения о том, что практическая психология (хотя речь шла преимущественно о психотерапии) существует сама по себе, без опоры на современную теоретико-экспериментальную науку [1, 3, 4]. Психологический процесс воздействия при этом квалифицируется как «искусство», так как он не подвергается строго научным методам *оценки (измерения)* и главное *проверки*. Дело стало выглядеть так, что по одному и тому же предмету — человеческой психике — стали формироваться по меньшей мере два рода знания: а) экспериментально проверяемое, но по каким-то причинам не отвечающее потребностям психологической практики; б) соответствующее нуждам практикующих психологов и ими порождаемое, но при этом либо плохо поддающееся, либо совсем не поддающееся экспериментальной проверке.

Такое разделение привело к социальному размежеванию профессиональных сообществ, систем образования, научных ориентиров, авторитетов и кругов общения. Наличие большего или меньшего *рассогласования* между фундаментальной психологией и психологической практикой в последние годы ста-

ло общепризнанным и в каком-то смысле даже привычным.

По нашему мнению, сегодня начинают проступать контуры *третьего* этапа, который, хотя и не возвращает к явному оптимизму первого, все же намечает снятие противоречий, характерных для второго этапа. Одним из важнейших предвестников нового этапа выступило, в частности, формирование медицинского направления, получившего по-русски название *доказательной медицины* (Evidence-Based Medicine), то есть медицины, основанной на точных научных исследованиях. Под доказательной медициной понимается строгий подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных процедур принимаются, исходя из имеющихся доказательств их высокой эффективности и безопасности, а такие доказательства подвергаются поиску, сравнению, проверке, обобщению и широкому распространению. Доказательная медицина предполагает также определенный способ взаимодействия с пациентом, в частности сообщение ему отдельных научных данных и даже предоставление возможности выбора некоторых процедур.

Психологическая практика в целом ряде западных стран достаточно быстро оказалась включенной в возникшее так называемое *доказательное движение*. В середине 1990-х годов Американская психологическая ассоциация (АРА) создала по этой проблеме специальную комиссию из профессионалов, начавшую свою работу с выявления тех видов психотерапии, эффективность которых может считаться доказанной с помощью научных исследований. При этом дока-

зательность результатов в пользу или против конкретного вида психотерапии была разделена на несколько уровней, на высшем из которых находились множественные подтверждения эффективности с помощью рандомизированных контрольных испытаний. Многие финансирующие многообразную психологическую практику организации на местном, региональном и федеральном уровнях стали использовать квалификацию «доказательная психологическая практика» для ограничения финансирования теми видами, которые получали такую квалификацию [6].

Популярность *доказательной психологической практики* в настоящее время стала очевидной, о чем свидетельствует, во-первых, быстрый рост числа публикаций в этой сфере, а во-вторых, включение в доказательное движение таких направлений деятельности практических психологов, как: разные виды психологического консультирования и психологической помощи, психопрофилактики и психокоррекции. Практически во всех направлениях деятельности психологов, где используется психологическое воздействие, очень остро встал вопрос о доказательности его эффективности. Таким образом, это имеет самое непосредственное отношение и к работе практических юридических психологов.

АРА в последние годы вновь обратилась к проблеме доказательной психологической практики, опубликовав следующее ее определение: доказательная психологическая практика — это соединение высококачественных научных исследований с клиническим экспертным опытом в контексте особенностей, культур и предпочтений пациента [5].

Очевидно, что доказательная психологическая практика наметила новый тип отношений между психологической практикой и теоретико-экспериментальными исследованиями. Речь не идет о том, что практический метод психологического воздействия конструируется на базе верифицированных в эксперименте моделей, как это предполагалось на выделенном выше первом этапе. Однако эксперимент непосредственно включается в процесс оценки эффективности метода, что позволяет осуществить надежную обратную связь, свободную от субъективного мнения практикующего психолога. Следовательно, *вторичное сближение* теоретико-экспериментальной психологии и психологической практики происходит сегодня принципиально по-новому.

Развитие и распространение доказательной психологической практики серьезно затронуло практическую психологию в западных странах, особенно североамериканских. В России пока она исключительно редко представлена. Следует отметить, что и на Западе проблематика доказательной психологической практики вызвала весьма эмоционально проходившие дискуссии, которые по-прежнему продолжают. Можно выделить несколько групп *оснований*, действующих как за, так и против данного подхода.

В пользу доказательной психологической практики направлено следующее.

Во-первых, для административного регулирования и финансирования психологической практики важным элементом является оценка ее результатов. Правоохранительная система, законодательство, государственные органы,

страховые организации требуют у клиницистов, психотерапевтов и практических психологов обоснования того, что выполняемая ими деятельность безопасна и эффективна. На основании этого доказательная психологическая практика оказывается вполне привлекательной для администрирования.

Во-вторых, обратная связь — получение результатов применения того или иного воздействия является необходимым элементом работы по совершенствованию многообразных практических психологических техник и технологий, методов и программ воздействия. Без понимания и надежной оценки результатов его использования невозможно рациональное совершенствование деятельности практикующего психолога.

В-третьих, идея доказательной психологической практики является хорошо понятной и даже привлекательной для клиентов, которые получают подтверждение надежности и обоснованности предлагаемых им услуг. Тем самым среди практических психологов появляется соблазн объявить, что они практикуют только доказательные методы.

В то же время многие практики относятся к доказательному подходу с большой настороженностью. По их мнению, существенно уменьшается профессиональная свобода вести практическую работу так, как они подготовлены и считают нужным. В некоторых случаях они чувствуют себя финансово задетыми неизбежно вводимыми ограничениями, побуждающими к занятиям доказательной психологической практикой. Порой высказываются предположения, что последняя может быть использована как мощный рычаг воздействий государственных органов власти, а также

манипуляций со стороны страховых компаний в отношении психологов и психотерапевтов.

Конечно, в доказательной психологической практике существуют проблемы, которые имеют *объективные причины* и на которые обращают внимание ее противники. Этому способствует, например, то обстоятельство, что исследования деятельности практических психологов стали развиваться намного позже сформировавшейся практической психологии и психотерапии, и пока они остаются достаточно молодой сферой научной деятельности исследователей.

Важная группа замечаний касается использования *рандомизированных контрольных испытаний*. Этот метод способен работать только в условиях четкого контроля за рядом параметров. Из них, в частности, должны непременно контролироваться типы психологических состояний клиентов, включенных в экспериментальную и контрольную группы. Отбор клиентов в группы предполагает типизацию состояний, отклонение промежуточных и смешанных случаев, что затрудняет использование полученных в исследовании результатов на практике, где «чистые» случаи не так часто встречаются. В результате анализ смешанных и промежуточных состояний чрезвычайно затрудняется. Для проведения же строгого исследования необходима четко определенная группа клиентов. Сами практические психологические методы воздействия должны быть тоже однозначно определены, а желательно — в большой степени даже алгоритмизированы, так как вариации метода воздействия, тем более многочисленные, трудно поддаются строгому изучению. Выдвигается и соображение

о том, что клиенты не определяются на такого рода психологическую практику, включая и психотерапию, связанную с исследованием, случайным образом, поэтому ставится вопрос и о репрезентативности выборки.

Кроме того, для проведения исследований эффективности психологического метода воздействия не так просто определить, а это принципиально важно, что понимается под улучшением психологического состояния клиента (тем более, когда речь идет не об отдельном человеке, а о семье, трудовом коллективе или другой группе). Такого рода соображения очень существенны и могут быть высказаны в отношении любого ориентированного на практику исследования, особенно в сфере наук о человеке, в том числе в психологии. Понятно, что их преодоление возможно на пути дальнейших исследований, выполненных с соблюдением высоких научных стандартов. Некоторые направления такого развития уже достаточно ясно просматриваются. Так, возможны исследования, основанные на анализе динамики интересующего явления (процесса, состояния или свойства) у одного пациента, а не на сравнении разных групп. Разрабатываются методы непрерывной оценки изменения психологического состояния, например психотерапевтического прогресса.

В целом доказательная психологическая практика пока является недостаточно гибким образованием. Однако прогнозы сходятся на том, что в ближайший период ожидается активный рост данного явления в психологии.

В заключение хочется подчеркнуть, что большинство профессиональных психологов хорошо понимают, что се-

годняшнее состояние взаимодействия фундаментальной психологии и психологической практики не сохранится в том виде, как это сложилось в 1990-е годы, причем изменения в очередной раз могут происходить достаточно интенсивно, что не всегда являются желательными. Возможно, в ближайший период постепенно будут развиваться и утверждаться характеристики выделенного ранее третьего этапа анализируемого взаимодействия. В связи с этим целесообразно высказать некоторые комментарии прогностического содержания и отрефлексировать некоторые задачи, которые неизбежно встанут перед профессиональным сообществом психологов.

Во-первых, ожидается интенсивное включение различных отраслей и сфер психологической практики в реализацию основных принципов доказательной практики, так как велико желание практикующих психологов убедить в этом своих потенциальных клиентов, не говоря уже о реальных заказчиках на психологические услуги. И это совершенно естественное желание. При этом важно понимать, что будут необходимы разнообразные формы доказательства эффективности и безопасности конкретных практических методов и психологических технологий, предполагающих прежде всего принципиально разную степень психологического воздействия на человека или группу. Такого содержания разница не должна сказываться на степени ответственности специалиста перед клиентом (заказчиком), но она должна учитываться при разработке способов доказательства эффективности работы практического психолога.

Во-вторых, целесообразно выявлять специфику взаимодействия фундаментальной психологии и психологической практики в ее разных отраслях и сферах, в том числе в практической юридической психологии. Тем самым будет накапливаться новое знание не только об универсальных закономерностях такого взаимодействия, но и об особенном и единичном, то есть неповторимом, уникальном и т. п. Необходимо проанализировать весь континуум возможного взаимодействия, выделяя его закономерно складывающиеся типы.

В-третьих, представителям различных страт профессионального психологического сообщества принципиально важно договариваться и находить более-менее согласованную позицию относительно основных путей и методов доказательства эффективности и безопасности многообразной психологической практики. Альтернативой этому могут стать официальные решения государ-

ственных структур, которые, несомненно, будут более «жесткими» и устанавливающими контроль за деятельностью практических психологов в более широком смысле, что может сказаться на развитии практической психологии в целом. В связи с этим несмотря на полное отсутствие сегодня согласованности мнений самих психологов по этому вопросу, договариваться все-таки придется.

Литература

1. Васильюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопр. психологии. — 1996. — № 6. — С. 25–40.
2. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984.
3. Сосланд А.И. Психотерапия в сети противоречий // Психология: журн. Высш. шк. экономики. — 2006. — Т. 3. — № 1. — С. 46–67.
4. Юревич А.В. Психология и методология // Психол. журн. — 2000. — Т. 21. — № 5. — С. 35–47.
5. Evidence-based practice in psychology // American Psychologist. — 2006. — Vol. 61. — № 4. — P. 271–285.
6. Levant R.F. Evidence-based practice in psychology // Monitor on Psychology. — 2005. — № 36 (2). — P. 5.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. Я. Гришко

Аннотация: в статье представлен криминологический и социально-психологический анализ наиболее часто встречающихся причин преступности в современной России.

Ключевые слова: уровень преступности в России, детерминанты преступности, административный надзор, плотность преступлений, криминальный материал.

Abstract: This paper presents a criminological and socio-psychological analysis of the most frequent causes of crime in modern Russia.

Keywords: crime rate in Russia, the determinants of crime, administrative oversight, the density of crime, criminal stuff.

Обращаясь к вопросу, обозначенному в названии статьи, нельзя не привести несколько основных показателей, характеризующих преступность в современной России.

В 2010 г. было зарегистрировано 2 628 799 преступлений, что на 12,2 % меньше по сравнению с предыдущим годом. Уровень преступности (количество преступлений на 100 тыс. населения) составил 2628,8 (в порядке сопоставления с иными странами: в Северной Америке и Западной Европе — 6–12 тыс., в других развитых странах — 2–4 тыс.). Следует заметить, что данный показатель, в отличие от первого приведенного показателя, по сравнению с 2009 г. вырос (в 2009 г. он составил 2400).

Наряду со снижением общего числа преступлений произошло сокращение и отдельных, наиболее опасных и распространенных преступлений: убийство и покушение на убийство — на 12 %; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 7,8; изнасилование — 9,1; грабежи — 19,9; разбой — 18,4; кражи — 6,7; мошенничество — на 15,2 % [2].

Приведенные показатели на первый взгляд должны были бы свидетельствовать об успехе в деле борьбы с преступностью. Однако другие, также официально зарегистрированные, показатели позволяют усомниться в этом.

Статистические данные указывают на следующее:

1) увеличилась «плотность» преступлений: если в 2009 г. количество совершенных преступлений в расчете на 100 тыс. населения составляло 2400, то в 2010 г. — 2628,8;

2) значительно уменьшилась раскрываемость преступлений: в целом по России — на 13,3 %; по отдельным ви-

дам преступлений: убийство и покушение на убийство — на 14,0 %, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 8,8, изнасилование — 7,5, разбой — 18,3, грабеж — 15,3, кража — 6,8, мошенничество — на 16,1 %;

3) увеличилось количество лиц: а) ранее совершивших преступления — на 1,8 % (удельный вес — на 35,8 %); б) в состоянии алкогольного опьянения — на 8,3 %; в) в состоянии наркотического опьянения — на 11,4 %.

Теперь к вопросу о детерминантах, обуславливающих современную преступность. В.В. Лунеев называет девять особенностей, которые характеризуют ее [1, с. 388–404]. В определенной степени часть из них можно отнести к категории «детерминанты», среди них:

1. Привыкание населения к растущей преступности (терроризм, захват заложников, работоторговля и т. п.). Значительное число людей воспринимают криминальный путь решения жизненных проблем как нормальное явление.

Мы бы еще дополнили этот тезис относительно того, что в идеологии в сфере профилактики преступности в объяснении ее причин превалирует акцент на объективные обстоятельства (слабая экономика, отсутствие условий для проведения досуга и т. д.). Иными словами, роли личности отводится не первая роль.

2. Подача «криминального материала» через СМИ: критерий их успешности — не ближайшие и отдельные криминальные и аморальные разрушительные последствия, а рейтинг, и с ним прибыль, сверхприбыль.

3. Безнаказанность преступников или наказание символическое.

4. Непрерывный процесс криминали-

зации. При этом законодательная деятельность не обеспечена серьезными научными исследованиями, законопроекты не проходят криминологическую экспертизу. Криминализация достигает такого пика, когда требуется уже декриминализация: налоговые преступления; введение норм с административной преемственностью, меры пресечения без фактического лишения свободы (домашний арест и т. п.).

5. Неспособность уголовной юстиции переработать даже регистрируемую преступность: учитывается не более $1/4$ – $1/5$ части реальной преступности, выявляется менее половины виновных по зарегистрированным деяниям и доводятся до суда не более одного из пятидесяти фактических преступников. Необходимы другие подходы, иные стратегии в борьбе с преступностью.

Перестала фактически существовать система предупреждения преступности. Нормы, которые имеют место в данном направлении, часто носят декларативный характер, в них отсутствует конкретика.

В качестве примера можно привести норму, содержащуюся в ст. 182 УИК РФ: «осужденные, освобожденные от ареста или лишения свободы, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи, в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами». На наш взгляд, на сегодняшний день таких законодательных и нормативных правовых актов нет.

Еще один пример: в соответствии с п. 26 ст. 12 Федерального закона «О полиции» полиция обязана участвовать в осуществлении контроля за поведе-

нием осужденных, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы условно.

Возникают вопросы о разграничении, во-первых, понятий «контроль» и «надзор», а во-вторых, аналогичных функций между полицией и уголовно-исполнительными инспекциями (ч. 1 ст. 188 УИК РФ).

6. Направленность системы уголовной юстиции в основном на бедные, слабо адаптированные, маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные преступления (УПК РФ предусматривает особенности производства по уголовным делам в отношении девяти категорий граждан — члены Совета Федерации, депутаты Госдумы и т. п., судьи, аудиторы счетной палаты, уполномоченные по правам человека, прокуроры, следователи, адвокаты, члены избирательной комиссии, референдума, бывшие президенты РФ и кандидаты в президенты).

7. Снижение социально-правового контроля преступности. В настоящее время предпринимаются определенные меры в этой части. Речь идет прежде всего об упомянутом ранее Федеральном законе «О полиции». На осуществление такого контроля направлен и другой Федеральный закон — «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 67-ФЗ. Он определяет категорию лиц, в отношении которых устанавливается административный надзор:

1. Административный надзор устанавливается судом при наличии оснований, предусмотренных частью 3 настоящей статьи, в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или осво-

божденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость, за совершение:

1) тяжкого или особо тяжкого преступления;

2) преступления при рецидиве преступлений;

3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего.

2. В отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, а также за совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений.

При этом в отношении первой категории лиц он устанавливается в случае, если:

1) лицо в период отбывания наказания в местах лишения свободы признавалось злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания;

2) лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

В отношении второй категории лиц административный надзор устанавливается независимо от признания лица злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (во время отбывания наказания) и совершения правонарушений (после освобождения от отбывания наказания, ст. 3).

В то же время из поля зрения законодателя ушла такая категория лиц, как больные социально опасными заболеваниями (в порядке справки: заболеваемость в местах лишения свободы составляет: больных активными формами туберкулеза — 73 тыс., ВИЧ-инфицированных — 55 тыс., осужденных, имеющих психические аномалии, больных наркоманией — 102 тыс., больных алкоголизмом — 55 тыс.

При отсутствии должного лечения, социальной помощи после выхода из исправительного учреждения, наряду с отсутствием за ними соответствующего административного контроля, перечисленные группы «риска» первыми совершают повторные преступления. При совершении преступлений находились в состоянии алкогольного 44,6% либо наркотического 10,9% опьянения или под влиянием других одурманивающих веществ 1,7% лиц [3, с. 33].

Прогнозируется, что доля осужденных, больных социально значимыми заболеваниями, к 2015 г. возрастет до 55–60%. При этом психические расстройства будут встречаться в 27,5–33,5% случаев. В 5–6% случаев он может быть алкоголиком, а в 7,2–8,4% — наркоманом [3, с. 26].

К числу других детерминант, характеризующих преступность в России, мы считаем необходимым отнести:

1. Декларативность относительно привлечения субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, руководителей предприятий к предупреждению преступлений. Это проявляется в первую очередь в их фактическом участии в работе по помилованию осужденных, степени заинтересованности в исполнении наказа-

ний, не связанных с лишением свободы и др.

2. Продолжающаяся практика излишней криминализации деяний, отсутствие системы профилактики преступлений со стороны лиц, больных социально значимыми заболеваниями (алкоголизм, наркомания, токсикомания и др.), отсутствие преюдициального подхода при формировании составов преступлений особенной части УК РФ.

3. Распространение тюремной субкультуры.

4. Отсутствие криминологического анализа, прогноза и принятия соответствующих упреждающе-профилактических мер при проведении реформ (в Вооруженных Силах РФ, правоохранительных органах и т. п.).

Литература

1. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник: в 2 т. Т. 1. Общая часть. — М., 2011.

2. Оперативная ситуация // Щит и меч. — 2011. — 7 апр.

3. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам исследования 2009–2010 годов) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2011. — № 5.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ПСИХОЛОГИИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ УГОЛОВНОЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В. М. Поздняков

Аннотация: в статье рассматриваются состояние и перспективы совершенствования уголовной и уголовно-исполнительной политики и законодательства с учетом востребованности достижений современной психологии.

Ключевые слова: криминализация/декриминализация деяний, уголовная и уголовно-исполнительная политика, психология уголовной ответственности, безопасность личности и общества, пенитенциарно-психологические модели, «восстановительное» правосудие, ювенальная юстиция, психологическая юриспруденция.

Abstract: this article addresses the status and prospects of co-versh-

enstvovaniya criminal and penal policies and legislation, taking into account the relevance of the achievements of modern psychology.

Keywords: *criminalization / decriminalization of offenses, criminal and penal policy, psychology, criminal responsibility, security of person and society, penal-psychological models, «restorative» justice, juvenile justice, psychological jurisprudence.*

Обращение к указанным проблемам обусловлено тем, что при активно ведущейся в России модернизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства вклад психологов в обо-

снование их методолого-теоретических основ и разработку предложений по приведению конкретных норм в соответствие с социально-психологическими реалиями пока является незначительным. И это несмотря на то что в предыдущее десятилетие профессором О.Д. Ситковской была разработана теория психологии уголовной ответственности, обоснованы узловые направления востребованности достижений психологии в уголовно-правовом регулировании и сформулированы требования к адекватному использованию категориально-понятийного аппарата психологии в статьях Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации [32, 33].

Анализируя публикации юридических психологов, появившиеся в первом десятилетии XXI в., следует объективно отметить, что возросло количество комплексных исследований по криминальной или криминалистической проблематике. Однако хотя многие из исследований стали основой для успешной защиты диссертаций, в том числе для присуждения докторской степени (А.Н. Пастушеня, 2000; Л.В. Алексеева, 2006; Е.Б. Змановская, 2006; Л.Н. Костина, 2010), их результаты не доведены до широкой юридической общественности, законодателей, руководства и сотрудников юридических служб правоохранительных и правоприменительных органов. В то же время авторами диссертаций традиционно подчеркивалось, что психология по отношению к праву может и должна выступать методолого-мировоззренческой областью знания.

Отечественные юристы, рефлекслируя современное состояние уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, критично отмечают нали-

чие ряда кризисных моментов. За 15 лет после принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г. в него внесены десятки изменений, а в итоге возникло значительное количество концептуальных сбоев и юридико-технических недостатков. В связи с этим юристами обсуждается вопрос о поиске новых ориентиров в уголовной и уголовно-исполнительной политике.

Так, многие участники состоявшегося в мае 2011 г. под эгидой Ассоциации юристов России VI российского конгресса «Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию» подчеркивали, что серьезной проблемой является отсутствие единого комплексного нормативного акта, отражающего концепцию уголовного права, основы уголовной политики в стране, а постоянно вносимые парциальные поправки в Уголовный кодекс РФ вызывают нарушение его системности [31, с. 9].

В итоге активность юристов обращена, с одной стороны, на проведение историографических и компаративных исследований в области юриспруденции, а с другой — на анализ состояния гуманитарного знания. Например, автор монографии «Постулаты права» (2009) профессор В.Г. Тарасенко, указывает, что «исследования в области антропологии, психологии, медицины, социологии и других наук о человеке и человечестве, несмотря на множественный характер гипотез, в принципе последовательно указывают на то, что мы по всей видимости приближаемся к фундаментальным характеристикам права. Можно с большей долей уверенности утверждать, что в основе права, государства, других социальных институтов, общества и всех социальных процессов лежат особен-

ности психики и психологии человека, особенности его социального поведения...». По его мнению, в силу того, что «современная социальная структура активно продуцирует новую человеческую мотивацию, а поэтому для теории мотивации, для права наиболее актуальной задачей является определение той среды, в которой располагается современное право, ... важно видение факторов, влияющих на правовую систему, нормотворчество, правоприменение, правовую этику и этику в широком смысле» [35, с. 109–110].

Из приведенной цитаты видно, что современных правоведов интересует отношение людей к коренным изменениям в обществе и появлению новых культурно стандартизированных практик, которые должны регламентироваться на широкой группе контролируемых норм, в том числе не только «запрещающих», но и «допускающих», «предписывающих», «отдающих предпочтение», «разрешающих» [3, 4]. Одновременно в области уголовного права крайне актуальна разработка оснований субъективной стороны преступного поведения с опорой на достижения психологии теоретических, а также проведение с ее учетом и других оснований правовой процедуры по конкретным правозначимым деяниям, причем как в аспекте их криминализации, то есть установления за них уголовной ответственности, хотя они ранее не считались преступными, так и декриминализации, то есть отмены уголовной ответственности или ее замены другими видами ответственности (например, административной) [10, с. 18–24].

Как известно, главное системно-правовое требование к любой норме

уголовного законодательства заключается в том, чтобы она соответствовала прежде всего принципам, сформулированным в Основном законе государства — Конституции РФ. Учитывая, что Конституция РФ включает в себя и ст. 15, согласно которой приоритет отдается международным правовым актам, ратифицированным нашей страной, для соблюдения принципа международно-правовой допустимости и необходимости юристы обязаны постоянно приводить уголовное законодательство в соответствие с принятыми на себя Россией международными обязательствами в сфере борьбы с преступностью. Это достаточно сложный процесс, так как в данной ситуации действует специфичная отечественная правовая ментальность и возникает конфликтность при обсуждении и принятии в Федеральном Собрании РФ поправок в действующее законодательство.

Нередко при публичных заявлениях о поддержке уголовно-правовых новелл, содержащихся в международных правовых актах, при принятии конкретных поправок в действующий УК РФ отечественные законодатели могут вести себя конъюнктурно-ситуативно, причем вплоть до купирования ключевых моментов из международных правовых актов. Так, внесение поправок в действующее законодательство в связи с необходимостью усиления борьбы с коррупцией было весьма ограниченным, в то время как наша страна уже ратифицировала Европейскую конвенцию о противодействии коррупции. И несмотря на то что после обращения внимания на этот факт со стороны Президента РФ Д.А. Медведева правотворческая активность законодателей и органов власти, имеющих

право законодательной инициативы, возросла, понятие коррупции с четким фиксированием ее объективных и субъективных признаков так и не было введено в УК РФ (что особенно важно, так как это необходимое условие для внесения изменений в уголовное законодательство в соответствии с ч. 1 ст. 1 и ст. 3 УК РФ).

В итоге, как критично отмечает Ф.Н. Сотсков в монографии «Сущность и решение актуальных проблем уголовного права России» (2011), наши законодатели де-факто постоянно констатировали, что коррупция — это преступление, однако де-юре — так и не провели полноценную криминализацию соответствующих норм законодательства, касающихся данного вида преступных деяний. Рассмотрим подробнее, почему это происходит.

Анализ диссертационных исследований юристов по проблематике совершенствования уголовной политики и законодательства [18, 24, 29, 34, 36 и др.] позволяет констатировать, что теория криминализации является важным теоретико-методологическим ориентиром наряду с разработанными в юриспруденции теориями квалификации, пенализации и назначения наказания. В современной юриспруденции под теорией криминализацией понимается совокупность знаний, предопределяющих основные направления и средства осуществления уголовно-правового регулирования с использованием определенных оснований криминализации, которые позволяют на основе юридических принципов и техники формировать и закреплять законодательную волю по установлению уголовно-правового запрета [3, 4].

К основаниям, на которых должна строиться современная теория криминализации, обычно относят: 1) общественную опасность, связанную с наличием достаточно серьезного материального или морального вреда, причиняемого потерпевшим; 2) типичность и достаточную распространенность антиобщественного поведения, но с учетом степени его антиобщественной опасности и страха перед преступностью; 3) динамику общественно опасных деяний с учетом причин и условий, их порождающих; 4) необходимость воздействия именно уголовно-правовыми, а не иными мерами; 5) учет возможностей системы уголовной юстиции в противодействии тем или иным формам антиобщественного поведения, в том числе наличия материальных ресурсов для реализации уголовно-правового запрета; 6) соразмерность позитивных и негативных последствий ввода в законодательство новых норм криминализации; 7) уровень общественного правосознания и психологии и исторические традиции.

В реальной практике правотворчества учет юристами указанных оснований криминализации порой осуществляется не в полной мере, так как нередко они при установлении субъективной стороны уголовного запрета имплицитно руководствуются лишь существующими в профсообществе образцами восприятия феноменов «сущность преступного человека» и «безопасность общества». При этом, как отмечают авторы недавно вышедшей монографии «Основы безопасности личности и общества» Ю.П. Зинченко и О.Ю. Зотова, значительное влияние оказывают господствующие в обществе на определенном историческом этапе архетипы, которые завуали-

рованы и опосредованы социальными ритуалами и общепринятыми полусознательными стереотипами [9, с. 29–30]. В какой мере профментальность юристов, в том числе их отношение к достижениям психологической науки, сказывалась на трансформации приоритетов по основаниям криминализации и при реализации правоприменительной практики, рассмотрим с учетом материалов проведенных нами компаративных исследований [26, 27].

В развитых странах мира в XX столетии, несмотря на создание психологами более двадцати разноплановых теорий причин преступности и личности преступника, а также их активном обсуждении в рамках многочисленных дискуссий в юридическом профсообществе, смена ценностно-смысловых ориентиров в уголовном правотворчестве шла преимущественно в контексте моделей преступного человека, обоснованных в основных направлениях мировой психологии. В связи с этим мы поддерживаем позицию видного американского психолога К. Бартола (2002) о доминирующем влиянии в развитых странах мира на трансформацию уголовной и уголовно-исполнительной политики трех модельных психологических ориентиров на сущность человека.

Так, в первой трети XX в. среди зарубежных юристов наиболее признаваемой являлась модель нонконформизма. Ее исходные теоретические ориентации заложены в биолого-антропологическом подходе к пониманию причин преступности, а психологические механизмы асоциального развития личности преступника обоснованы в рамках психодинамического подхода в психологии. Юристы, имплицитно придерживающие-

ся идей из указанных подходов, считают, что человек по своей природе является созданием недисциплинированным и при отсутствии ограничений и правил, принятых в обществе, легко пренебрег бы общественными соглашениями и без разбора совершал преступления. В контексте указанной теоретической ориентации на сущность преступного человека зарубежная пенитенциарная практика и стала строиться на основе клинического подхода. В наши дни ее модификация осуществляется с учетом положений теории социального контроля Т. Хирши (Hirschi, 1969), в которой доказывается, что преступления и правонарушения (делинквентность) увеличиваются, когда в определенные исторические периоды тяготение человека к общепринятому порядку или нормативным правовым стандартам ослабевает или в значительной степени отсутствует.

В середине XX в. зарубежные юристы при разработке уголовной и уголовно-исполнительной политики и модернизации законодательства стали активно опираться на идеи модели научения, разные вариации которой обоснованы психологами — представителями бихевиоризма. В итоге среди юристов доминирующим становилось мнение о том, что человек от рождения нейтрален, а образцы поведения усваиваются на основе влияния вознаграждений и наказаний, идущих из социальных групп, в которые он включен. В связи с этим среди юристов в качестве одной из наиболее авторитетных стала теория дифференциальных ассоциаций Э. Сазерленда (Sutherland, 1939). Учитывая, что в ней преступное поведение объясняется формированием у людей при их включенности в маргинально-субкультурные

группы и усвоении ими асоциальных образцов (иными словами, под влиянием феномена «плохой» компании), в зарубежной правоприменительной практике, и прежде всего в США [21]. При этом особое внимание было обращено на возможность реализации различных вариантов модификации поведения у преступников.

С 1960-х годов за рубежом развернулось движение за гуманистическую психологию, и многие юристы стали сторонниками его идей. В тот период теоретические ориентации уже базировались на постулатах «модели конформизма», согласно которой человек изначально является конформистом и стремится поступать правильно. Исходя из этого авторитетной среди юристов стала теория напряжения Р.К. Мертона, где утверждается, что большинство людей ориентируются на правовые ценности и установки общества, где они живут, но происходит это с учетом особенностей признания ими возможности их достижения представителями конкретных слоев (групп) общества. В результате преступность и делинквентное поведение стали рассматриваться как несоответствие между пропагандируемыми в обществе идеалами успешного человека и наличием для всех людей доступных законных средств их достижения, которые ограничены в силу различий социально-экономического и иного характера. Вследствие подобной ориентации на сущность человека в зарубежной пенитенциарной практике были апробированы различные варианты «ресоциализирующего» и «социально-реабилитационного» подходов в работе с осужденными, в том числе в условиях лишения свободы

несовершеннолетних преступников.

В целом анализ зарубежных публикаций свидетельствует, что до настоящего времени не выработаны универсальный подход в теории криминализации и оптимальная юридическая модель процесса признания деяний преступными. При разработке уголовной и уголовно-исполнительной политики сегодня в качестве главной цели социального контроля над преступностью признается предупреждение антисоциальных отклонений. Наряду с этим актуальными признаются и такие подходы в борьбе с конкретными категориями преступности, как информационный, медико-биологический, репрессивный, социально-реабилитационный [5, 6, 15, 16].

Отечественная история трансформаций в уголовной политике государства свидетельствует, что при повторном возникновении в первой трети XX столетия общемировой тенденции ориентации на достижения антропологии и психологии, с 1930-х годов стал наблюдаться отказ от полноценного учета в праве особенностей человека. На первый план были выдвинуты задачи защиты уголовно-репрессивными мерами советского строя. Вследствие чего в конце 1930-х годов, как отмечает Ю. Домбровский, право стало «факультетом ненужных вещей», а отечественная уголовная юстиция фактически расслоилась на собственно уголовную и политическую [8]. При этом если первая до некоторых пределов пыталась сохранить правовую основу (прежде всего за счет ориентации уголовной политики на соблюдение интересов государства), то вторая полностью вышла за рамки права, превратившись в репрессивную ма-

шину расправы государства с любым инакомыслием [22]. Характерным примером инноваций в советском уголовном законодательстве стало введение строгих мер ответственности как за частную предпринимательскую деятельность и спекуляцию, так и за антисоветскую агитацию и пропаганду (в начале Великой Отечественной войны — даже за распространение ложных слухов, за что по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. устанавливалась уголовная ответственность в виде тюремного заключения на срок от 2 до 5 лет).

В период с 1961 по 1990 год расширение сферы уголовной ответственности посредством криминализации новых деяний выразилось в том, что в достаточно спокойные для страны годы количество составов уголовно наказуемых деяний возросло на 40%. Как следствие, по делам, рассматриваемым в отечественных судах, количество лиц, приговариваемых к лишению свободы, в 1985 г. уже достигало 45,2% от всех осужденных, причем имелись факты объективного вменения и не всегда действовал принцип индивидуализации наказания.

В постсоветской России в результате реформирования уголовного законодательства в 1990-х годах (причем как в рамках разработанных Основ законодательства Союза ССР и республик 1991 г., так и принятого в 1996 г. УК РФ) было декриминализировано значительное число ранее уголовно наказуемых деяний (прежде всего за счет не включения в новое уголовное законодательство более 50 различных составов преступлений). Однако при ориентации на зарубежный опыт в складывающихся в постсоветской России условиях

была введена ответственность и за совершение ряда деяний, криминализация которых ранее не представлялась возможной ввиду отсутствия необходимых социально-политических условий (например, в УК РФ появилась совершенно новая глава 34, инновационный характер придали нормам глав 23 и 28). Вхождение России в состав Совета Европы вынудило государство значительно гуманизировать и Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

Вместе с тем возникший после принятия УК РФ 1996 г. поток критических замечаний от ученых и практиков по узким местам и несостыковкам заставил многократно вносить изменения в уголовное законодательство. Началась целенаправленная коррекция содержания конкретных норм, чтобы их содержание в полной мере охватывало предметную область (объекты, субъектный состав, структуру и др.), а также раскрывало функциональные особенности преступного деяния и ответственности за него (более четкое разграничение, что «вправе» или «обязаны» выполнять субъекты правоотношений).

В научных публикациях критически отмечается, что деформированные правовые конструкции в законодательстве появились прежде всего из-за того, что законотворческая деятельность порой носила конъюнктурно-казачной характер, то есть не всегда осуществлялась в контексте нормотворческих канонных права, а также с учетом ранее принятых нормативных правовых актов. Кроме того, из-за лоббирования главный упор в отдельных статьях делался на отстаивание парциальных ценностей и интересов, причем со ссылкой на зарубежный опыт и примененную юридическую тех-

нику, но не на полноценное обоснование целесообразности введения конкретных правовых норм и прогнозирование последствий их применения. Как отмечает В.М. Розин, именно в силу того, что в ряде принятых нормативных правовых актов не учитывались особенности и природа социокультурных процессов в России, ее традиций и своеобразия, неподготовленности к правовой инновации населения, происходило резкое негативное восприятие правотворчества и правовых институтов общества [30, с. 95–112].

В целом следует отметить, что постоянная модификация отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства шла в контексте положений ст. 1 Конституции РФ, провозгласившей наше государство правовым, а также ст. 52, конкретизирующей это положение применительно к правам потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью. В итоге в отечественном правотворчестве стала наблюдаться тенденция к обеспечению потерпевшим расширенного доступа к правосудию и компенсации причиненного им материального ущерба и морального вреда. Такой подход в полной мере отражает основополагающие требования международно-правовых актов, касающихся прав и свобод человека (Всеобщей декларации прав и свобод, принятой ООН, а также Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). Перспективным является расширенное внедрение в России модели «восстановительного правосудия». Учитывая ее парадигмальную перспективность для права, а также для оптимизации взаимодействия уголовной юстиции и институтов гражданского общества

[13], представляется важным повысить активность психологов в поддержке проводимого в настоящее время пилотного эксперимента в ряде регионов страны по апробированию технологий ювенальной юстиции [11, 12, 20].

Рост преступности в России в 1990-е годы заставил юристов основательнее разрабатывать и учитывать при криминализации деяний не только феномен общественной безопасности (с учетом ее характера и степени серьезности), но и возможность повышения безопасности личности. В результате чего в публикациях юристов стала активно обсуждаться специфика социального взаимодействия людей в строящемся правовом обществе, а как следствие проблема учета влияния субъективных особенностей взаимодействующих лиц (причем и физических, и юридических), а также воздействие на это принятых государством правовых норм в отношении отдельных видов преступлений. В связи с этим такими криминологами, как В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев, С.И. Иншаков и др., было критически проанализировано значительное число зарубежных теорий причин преступности. Юридическим психологом Е.Б. Лабковской теории были дифференцированы по критерию доминирования объективистского или субъективистского подходов. В первом случае акцент делается на вскрытии специфики принимаемых норм, которые выступают в качестве стандартов правоупослушного поведения, а во втором — в качестве критерия преступного поведения признается реакция общественности на конкретные индивидуальные поступки или виды деятельности. Кроме того, в рамках указанных двух подходов есть концепции с более подробным опи-

санием влияния факторов макро- или микроуровней [17].

Сегодня от права требуется целостность, динамизм, формальная определенность, наличие четкого и надежного механизма реализации. На основании этого современный подход к разработке права предполагает системную и взаимосвязанную разработку теории правосознания, теории нормы права и теории правоприменения.

Подчеркивая активную роль правосознания в жизнедеятельности современных людей, представляется важным отметить специфику его связи с этическим сознанием. Как известно, классик отечественной правовой науки Л.И. Петражицкий, разрабатывая психологическую концепцию права, считал, что право и нравственность закреплены не в текстах юридических догм, а в психике людей как прямом источнике всех их поступков. Им обоснован механизм правообразования, который сводится к следующей схеме: спонтанная атрибутивная эмоция → факторы внешней (по отношению к психике) среды → накопление полезных императивно-атрибутивных эмоций → норма права [25]. И хотя в последующем его психологическая концепция права была подвержена резкой критике юристов (особенно за рассмотрение правообразования преимущественно как бессознательного психического процесса (за исключением, разве что, идеи приспособления эмоциональной сферы индивида к внешним факторам), научно-психологический потенциал этой концепции, на наш взгляд, не потерял своего значения до настоящего времени. Во-первых, данным ученым, в отличие от теоретических подходов других авторов (теории естественного права,

позитивистской концепции права, исторической школы права), преодолено излишнее юридическое абстрагирование в выделении источников права и раскрыто объективное свойство психики — продуцирование императивно-атрибутивных эмоций, накопление и своеобразный естественный отбор которых приводит к образованию новых правовых норм. Во-вторых, Л.И. Петражицкий, не отрицая, что содержание права определяется экономическими, социальными, политическими и иными внешними факторами, утверждал, что эти факторы воздействуют на процесс образования права не непосредственно, а преломляясь через объективные закономерности психики. В-третьих, крайне важной представляется отстаиваемая им позиция, что эмоциональные переживания людей отражают реальность их стремления не только приспособиться к изменяющимся внешним условиям, но и изменять в связи с этим правовые нормы. Появляющаяся в обществе правовая нормативность, по мнению Л.И. Петражицкого, должна базироваться прежде всего на полезных для социума императивно-атрибутивных эмоциях, накопленных путем их частой повторяемости.

Другой классик отечественного правоведения П.И. Новгородцев считал, что кризис правосознания напрямую вызывается кризисом этических представлений общества о справедливости [23, с. 13–15]. Однако взаимосвязь правового и этического сознания, на наш взгляд, имеет значительно более сложный характер, так как возникает весьма специфичная сеть структурных взаимоотношений, в том числе в аспекте таких оснований права, как идеи истинности, признаваемого равенства, свободы выбора

и др. Более того, как отмечает психолог В.М. Аллахвердов, развитие у человека сознание способно создавать свою собственную систему знаний и смыслов, а поэтому оно охраняет однажды выбранные критерии соответствия, причем за счет как опытного подтверждения догадок, так и самоопределения смысла своего существования. В итоге развитое сознание может и активно влиять на коррекцию правовых норм, и строить воображаемый мир, не имеющий связи с реальностью. В последнем случае человек может принимать за очевидное то, что есть лишь в логическом обосновании сформированной им гипотезы [1, с. 71–80; 2, с. 19–23, 27–49, 494–503].

Отечественными юристами разделяется позиция, что в силу многомерности субъектов правоотношений и возрастающей сложности отражения в праве социальной деятельности и поведения человека следует считать неконструктивным «длительный и необязательный спор, что собой представляет человек — преимущественно биологическое или социальное существо или комбинацию этих признаков». Сегодня для теории права наиболее актуальной задачей является определение той среды, где располагается современное право, при этом важно видение и учет в уголовной политике и законодательстве всех факторов, способных эффективно повлиять на снижение преступности [7]. Такое определение юристами актуальных задач не случайно, так как в постсоветской России произошел всплеск преступности. Это произошло из-за навязывания идеологии самообогащения как главного символа социальных достижений человека и одновременно из-за бесконтрольной пропаганды неумеренного потребления со

стороны СМИ. При этом во многих слоях российского общества сложилось толерантное отношение к атрибутам криминальной субкультуры, так как противозаконное поведение можно рассматривать не как социальную аномалию, а лишь как естественную фрустрационную реакцию людей на сужение каналов мобильности в повышении своего социального и экономического статуса.

Указанный вывод подтверждается данными ВЦИОМ по результатам изучения общественного мнения на предмет наибольшей важности проблем, стоящих перед гражданами нашей страны. На протяжении многих лет население устойчиво ставит преступность в рейтинге злободневных проблем на второе место, причем почти на одном уровне по значимости после крайне актуальной для людей неблагоприятной тенденции роста цен и инфляции [28, с. 5]. При этом высокий уровень беспокойства за личную безопасность вызван не только недостатками в работе правоохранительных и правоприменительных органов, но и отсутствием, на наш взгляд, целенаправленных мер в области виктимологической профилактики. Ибо в последние годы, как выявлено в исследовании, проведенном сотрудниками ВНИИ МВД России, ежегодно каждый четвертый гражданин подвергается тому или иному виду преступных посягательств [14, с. 47]. В силу значительной латентности преступлений, по нашему мнению, требуется разработка новых либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений, а также научное обоснование психологических мер по снижению последствий виктимизации у жертв преступлений. К реализации последнего

несомненно должны активно подключиться и юридические психологи, которым предстоит участвовать в создании и системной теории психовиктимологии, и методов профилактики и оказания психологической помощи людям — представителям различных групп криминального риска. В противном случае сохраняющееся у россиян осознание личной незащищенности от преступных посягательств будет являться одним из доминирующих источников социальной напряженности и социального пессимизма в обществе.

В последнее десятилетие среди отечественных ученых (В.И. Голубинский, Ю.П. Зинченко, А.И. и И.А. Папкины, Е.Б. Перельгина, И.Г. Малкина-Пых, А.Н. Сухов и др.) все чаще предметом исследований становятся психологические аспекты безопасности личности, общества и его различных групп. Закономерно, что А.Л. Журавлевым и А.В. Юревичем при разработке композитного индекса макропсихологического состояния общества, объединяющего два вторичных индекса — психологической устойчивости общества и его социально-психологического благополучия, в качестве конкретного показателя был включен и «индекс смертности от убийств» [19, с. 281]. Однако выделение лишь одного из видов преступности — насильственной, и игнорирование других ее видов (корыстной, экстремизма, терроризма и др.), на наш взгляд, не в полной мере отражает разноплановость воздействия преступности на макропсихологическое состояние общества, функционирование различных сфер общественной практики.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что изложенные в статье пробле-

мы актуализируют объединение усилий психологов в разработке такого раздела юридической психологии, как «психологическая юриспруденция». Представляется, что интерес к его разработкам теоретического, методического и практико-ориентированного характера проявят как ученые из различных сфер правоповедения, так и сотрудники правоприменительных органов.

Литература

1. Аллавердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. — СПб., 2003.
2. Аллавердов В.М. Сознание как парадокс [экспериментальная психологика]. Т. 1. — СПб., 2000.
3. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003.
4. Балобанова Д.А. Теории криминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Одесса, 2007.
5. Бертельс Ж.-Л. Общая теория права. — М., 2000.
6. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1998.
7. Горбань В.С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. — М., 2009.
8. Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. — М., 1989.
9. Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю. Основы безопасности личности и общества: монография. — М., 2010.
10. Игнатов А.Н. Проблемы криминализации и декриминализации // Современные проблемы уголовного права и криминологии: Всерос. науч.-практ. конф., посвященная памяти профессора Б.С. Волкова (РУДН, 22 февраля 2007 г.). — М., 2007.
11. Йойшва Н.А., Кузменко Я.А. Работа с правонарушителем несовершеннолетнего на досудебном этапе, при рассмотрении дела в суде и после вынесения приговора: метод. пособие. — 2-е изд. — М., 2010.
12. Карнозова Л.М. Включение программ восстановительной ювенальной юстиции в работу суда: метод. пособие. — 2-е изд. — М., 2009.
13. Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. — М., 2010.
14. Криминологическая обстановка в Российской Федерации в 2006 году и прогноз ее развития. — М., 2007.

15. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред., вступит. ст. Я.И. Гилинского — 2-е изд. — СПб., 2011.

16. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. — СПб., 2006.

17. Лабковская Е.Б. Юридическая психология: Теории девиантного поведения. — СПб., 2000.

18. Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005.

19. Макропсихология современного российского общества / под ред. А.П. Журавлева, А.В. Юрвичева. — М.: Ин-т психологии РАН, 2009.

20. Максудов Р.Р. От локальных экспериментов к инновационным регионам: Этапы создания пилотных площадок в рамках разработки модели восстановительной ювенальной юстиции в России. — М., 2010.

21. Назм Дж. Психология и психиатрия в США / пер. с англ. — М., 1984.

22. Нерсисянц В.С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. — М., 1992.

23. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. — СПб., 2000.

24. Плянько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.

25. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — СПб., 1909.

26. Поздняков В.М. Личность преступника и исправление осужденных (историко-психологический очерк): учеб. пособие. — Домодедово, 1998.

27. Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии: монография. — М., 2000.

28. Попов В.И. Преступность, угрожающая национальной безопасности России. — М., 2009.

29. Пычева О.В. Герменевтика уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.

30. Розин В.М. Психология для юристов. — М., 1997.

31. Российская газета. — 2011. — 2 июня.

32. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — М., 1998.

33. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. — М., 1998.

34. Стахова Я.Г. Уголовная политика и ее реализация субъектами Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006.

35. Тарасенко В.Г. Постулаты права. — М., 2009.

36. Щегольков В.Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2003.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ КАК НАУКИ

А. П. Детков

Аннотация: в статье рассматривается пенитенциарная конфликтология как новое междисциплинарное, синтезированное научное направление, объединяющее в себе знания в области социологии, психологии, психиатрии, уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. Автор подробно останавливается на описании пенитенциарного конфликта как разновидности юридического конфликта. Рассматриваются методологические принципы исследования пенитенциарных конфликтов.

Ключевые слова: пенитенциарная конфликтология, субъективно-деятельностный подход, конфликтное поле, исполнение наказания в виде лишения свободы, пенитенциарный конфликт.

The summary: in article the penitentiary conflictology as the new interdisciplinary, synthesized scientific direction uniting in of knowledge in the field of sociology, psychology, psychiatry, the criminal, criminology is considered. The author in detail stops on the description of the peniten-

tiary conflict and methodological principles their research.

Keywords: *prison conflict studies, subjective-activity approach, conflicting field, enforcement of sentences of imprisonment, detention conflict.*

Исходя из общих теоретических положений конфликтологии одним из основных и базовых критериев теории структурно-функционального анализа общества Т. Парсона — Р. Мертона выступает признание конфликтности естественным состоянием любой общественной системы, «что исключает отстаиваемую этими подходами негативную оценку конфликтов как таковых, безотносительно к их конкретному содержанию и направленности, и составляет исходную основу конфликтологической парадигмы» [6, с. 9].

На наш взгляд, теоретические и методологические обоснования пенитенциарной конфликтологии могут быть спроецированы в следующих положениях.

1. Пенитенциарная конфликтология как разновидность юридической конфликтологии исследует природу конфликтного поля, отдельных конфликтов в ходе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Пенитенциарный конфликт как разновидность социального и юридического конфликта представляет собой не просто противоречие, противоборство, столкновение, возникающее между субъектами уголовно-исполнительных правоотношений по поводу определенных ценностей (или их совокупности), а такое противоречие, которое так или иначе ими осознается и оценивается, исходя из своих индивидуальных или групповых интересов.

2. В качестве общеметодологической основы пенитенциарной конфликтологии для эффективного и объективного анализа методологических и концептуальных проблем, возникающих в ходе исполнения наказания, целесообразно использовать субъективно-деятельностный подход, поскольку пенитенциарный конфликт выражает специфическое взаимодействие активных социальных субъектов, их особую деятельную взаимосвязь в местах лишения свободы.

«Субъективно-деятельностный подход основан на учете широких объяснительных возможностей, понятия деятельности в раскрытии общественного бытия, в том числе в его конфликтологическом аспекте. Эти возможности обусловлены тем обстоятельством, что деятельность пронизывает всю систему общественных отношений, составляя способ их функционирования и развития» [6, с. 12]. Совокупность общественных отношений в ходе исполнения наказания в виде лишения свободы — это процесс и результат человеческой деятельности, в котором достаточно органично переплетаются материальные и идеальные факторы, влияющие на активность конфликтного поля.

Исследуя пенитенциарный конфликт как разновидность юридического конфликта, по нашему мнению, целесообразно рассматривать его с позиции права. «Теоретическое значение такого подхода, — полагает В.Н. Кудрявцев, — состоит в возможности сопряжения конфликтов с государственными институтами (а право — один из них) и, следовательно, рассмотрение конфликтов не в абстрактно специальном пространстве, а в реальной связи с действующими пра-

вовыми инструментами и структурами. Отсюда и практический смысл такого подхода: установить, могут ли нормы права воздействовать на зарождение, развитие и разрешение конфликта. И если могут, то как повысить эффективность этого действия?» [3, с. 10].

Вместе с тем этот подход не исключает использования инструментария таких наук, как социология, психология, юридическая психология, философия, психиатрия, уголовное, уголовно-исполнительское право, криминология. Подобная рецепция обусловлена сложной природой конфликтного поля мест лишения свободы, особенностью коммуникации субъектов уголовно-исполнительных правоотношений.

С позиции объективного подхода конфликтное поле в местах лишения свободы достаточно специфично и обладает признаками, характерными только ему. С одной стороны, на данном пространстве отношения между субъектами регулируются нормами уголовно-исполнительного права (а они в большей своей части носят императивный характер), где субъекты обладают определенными правами и несут юридические обязанности. С другой стороны, конфликтологический потенциал обусловлен противостоянием между законными представителями в виде персонала учреждения и носителями тюремной субкультуры — осужденными. Подобное противостояние изначально предопределяет власти всю совокупность общественных отношений в ходе исполнения наказания. Оно является определенным фоном, на котором развиваются пенитенциарные конфликты, их типология, динамика. Этим обусловлена и их классификация. Именно уголовное на-

казание в виде лишения свободы (его характер, длительность) создает социальные предпосылки для возникновения последующих конфликтов. Между уголовным наказанием, назначенным по приговору суда, и конфликтным противостоянием существует непосредственная причинно-следственная связь.

3. Методологические принципы исследования пенитенциарных конфликтов. Для результативного исследования пенитенциарных конфликтов целесообразно использовать принципы, сформулированные на разных уровнях методологии социального познания.

А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов для изучения социальных конфликтов предлагают следующие базовые принципы: принцип развития, принцип всеобщей связи, принцип диалектического единства теории, эксперимента и практики, принцип системного подхода, принцип конкретно-исторического подхода, принцип объективности, междисциплинарности, преемственности, принцип личностного подхода [2, с. 126–134].

На наш взгляд, следует согласиться с таким подходом, поскольку любой социальный конфликт в целом и пенитенциарный в частности необходимо исследовать во всей генеральной совокупности, многообразии, взаимосвязи с другими явлениями, взаимообусловленности социальной среды, в которой возникает и развивается конфликтное противостояние.

Мы считаем, что в целях исследования причинного комплекса пенитенциарных конфликтов, динамических характеристик, типологии и классификации конфликтов необходимо использовать общенаучные методы. Эти приемы, как отмечает А.В. Малько, не охватывают

всего научного познания, а применяют-ся лишь на отдельных этапах исследова-ния в отличие от всеобщих методов [4, с. 7].

К числу таких методов относят анали-з и синтез. В свою очередь, анализ конфликтной ситуации позволяет услов-но разделить социальное явление на от-дельные части (например, объект кон-фликта, предмет, типология, структура, динамика, этапы и стадии развития), раскрыть их существенные признаки, свойства и качества. Анализ позволя-ет исследовать внутреннюю моторику конфликтного взаимодействия, актив-ность «внутренних вихревых» потоков, разгоняющих конфликт с начальной ста-дии до степени эскалации (крайнего обо-стрения). Синтез, напротив, предпола-гает изучение явления путем условного объединения его составных частей.

Анализ и синтез в пенитенциарной конфликтологии позволяют объективно исследовать пенитенциарный конфликт, спрогнозировать его последствия, раз-работать комплекс организационно-управленческих решений по предупре-ждению конфликтов различной типоло-гии. Далее эти методы будут рассмотре-ны более подробно.

Принцип развития в самом общем виде был сформулирован Ф. Энгельсом. Его выводы сводились к следующему. Все непрерывно развивается и изменя-ется: не только от простого к сложному, низшего — к высшему, но и наоборот.

Данный принцип обязывает исследо-вателя выявлять тенденции и эволюцию пенитенциарного конфликта, а именно в постепенном, длительном, непрерывном развитии конфликта от одних форм к другим, чаще от простых к более слож-ным. С нашей точки зрения, такой подход

помогает более глубоко понять содер-жание актуальных конфликтов и давать наиболее точный и долговременный про-гноз возможных вариантов развития.

Каждое конкретное конфликтное взаимодействие в местах лишения сво-боды также находится в непрерывном изменении, имеет свою динамику.

Давая оценку тому или иному кон-фликту, необходимо учитывать, что он был иным ранее и неизбежно будет ви-доизменяться в последующем. В ходе исследования динамических характери-стик можно наблюдать взаимодействие конфликтов (конфликт конфликтов), то есть разновидность цепной реакции.

Принцип всеобщей связи. Гносеоло-гический смысл этого принципа заклю-чается в том, что изучая пенитенциар-ную конфликтную ситуацию, не следует ограничиваться рассмотрением ее от-дельных элементов, а надо стремить-ся исследовать максимально большее количество коммуникативных связей конфликта с другими явлениями и его подструктурами, взаимосвязь и взаи-мообусловленность конфликта с соци-альной средой мест лишения свободы, характером и видом уголовного нака-зания его участников, его длительно-стью и т. д.

Методологическую роль в процессе изучения конфликтов всех уровней вы-полняют основные законы и парные ка-тегории диалектики.

Закон единства и борьбы противопо-ложностей показывает внутренний ис-точник (генератор) развития пенитен-циарных конфликтов, единство и борьбу противоположных сторон, сил и тенден-ции.

По мнению А.Я. Анцупова и А.И. Ши-пилова, на основании действия этого за-

кона, конфликты, возникающие, развивающиеся и разрешающиеся в организациях, сами по себе не являются только негативным явлением. Они объективны и служат одной из движущих сил развития организации [2, с. 127]. Проецируя такой подход при изучении конфликтов в местах лишения свободы, следует отметить, что в большей своей части они носят разрушительный характер, как правило, с тяжелыми последствиями в виде преступных деяний, предусмотренных ст. 105, 111, 116, 132, 205, 313, 317, 318, 321 УК РФ.

Закон перехода количественных изменений в качественные раскрывает способ эволюции и динамики конфликтов, ориентирует на поиск закономерностей, которым подчиняется развитие конфликтного взаимодействия, определение количественных и качественных изменений, происходящих при этом, выявление связей между ними.

Мы исходим из того, что пенитенциарные конфликты обусловлены синергетическим аспектом, при этом конфликтное противостояние происходит в условиях постоянной флуктуации.

Закон «отрицания отрицания» дает возможность прогнозировать направление развития конфликтов: от простого к сложному, от низшего к высшему, от одного к другому.

Парные категории диалектики, такие как: материя и движение, время и пространство, качество и количество, единичное, особенное и всеобщее, сущность и явление, содержание и форма, необходимость и случайность, причина и следствие — позволяют определить общий подход пенитенциарной конфликтологии к изучению конфликтов в местах лишения свободы.

Принцип системного подхода. Анализируя пенитенциарные конфликты, необходимо рассматривать их как сложно организованные объекты, состоящие из иерархически связанных подсистем, входящие, в свою очередь, в качестве подсистем в системы более высокого уровня. Важно выявлять все многообразие элементов, входящих в структуру конфликта, связи между ними, а также взаимоотношение изучаемого конфликта с внешними по отношению к нему явлениями. При этом необходимо учитывать, что большое количество конфликтов в местах лишения свободы (особенно внутриличностных, межличностных) являются латентными, вялотекущими, продолжаемыми. Они, как правило, становятся очевидными на стадии эскалации, когда проявляются все структурные элементы, их динамические характеристики и т. д.

Принцип системного (синергетического) подхода ориентирует конфликтолога в методологии исследования на поиск позитивных причин или негативных тенденций в развитии того или иного конфликта.

В теории общей конфликтологии принцип системного подхода предполагает:

1) рассмотрение изучаемого явления как системы, как ограниченного множества взаимодействующих элементов;

2) определение состава, структуры, организации элементов и частей системы, обнаружения ведущих взаимодействий между ними;

3) выявление внешних связей системы в целом, и главных среди них;

4) определение функции системы, ее места и роли среди других систем;

5) обнаружение закономерностей и тенденций развития системы [2, с. 135].

Системный подход наряду с общей теорией систем составляет методологическую и теоретическую основы системного анализа.

При исследовании пенитенциарных конфликтов различной типологии, на наш взгляд, целесообразно использовать следующие виды системного анализа: системно-структурный, системно-функциональный, системно-генетический, системно-информационный и системно-ситуационный.

Системно-структурный анализ пенитенциарного конфликта заключается в рассмотрении его как целого, состоящего из системы подструктур, которые, в свою очередь, состоят из элементов, не разлагаемых на подструктуры. Системно-структурный анализ позволяет более точно квалифицировать и диагностировать межличностные, межгрупповые, коалиционные конфликты, а также «конфликт конфликтов».

Системно-функциональный анализ конфликта состоит в определении внешних параметров его свойств в системе отношений (плоскости координат), складывающихся в условиях мест лишения свободы, в которых конфликт развивается, а также выявлении характера и способов воздействия одних элементов и подструктур конфликта на другие. Например, воздействие режима содержания в исправительных учреждениях разных видов, правил внутреннего распорядка, норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Системно-генетический анализ конфликта нацелен на исследование движу-

щих сил, развитие, динамики конфликта, изучение внутренней моторики конфликта и вихревых потоков деструктивных процессов, влияющих на активность конфликтного поля. Он заключается в раскрытии обусловленности факторами макро- и микросреды осужденных зависимости от субъективного мира участников конфликта, определении иерархии причин, порождающих конфликты (далее причинный комплекс рассматривается подробнее).

Системно-информационный анализ конфликта заключается в выявлении информации и ее функции, зарождении, развитии и завершении конфликтов. Коммуникация в местах лишения свободы достаточно специфична, поскольку обусловлена социальной средой исправительного учреждения, тюремной субкультурой и рядом других коммуникативных факторов, присущих только данному виду конфликтного взаимодействия. Он состоит в анализе закономерностей динамики когнитивных процессов, полемике оппонентов и других участников конфликта, основных факторов, влияющих на полноту и объективность информационных моделей различных конфликтных ситуаций. На основе четырех основных видов системного анализа А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов, Б.Я. Шведин выделяют три дополнительных вида анализа, имеющих теоретико-прикладное значение [2, с. 137; 8].

Системно-ситуационный анализ конфликта — один из перспективных научных методов эмпирического исследования конфликтов. При системно-ситуационном анализе пенитенциарный конфликт рассматривается как социально обусловленная и динамическая система, не сводимая к простой сумме

элементов, обладающих структурой, где свойства элемента определяются его местом в этой структуре.

В качестве единицы системно-ситуационного анализа конфликта используется конфликтная ситуация, имеющая определенные содержательные и динамические характеристики, временные и пространственные границы. В результате ретроспективного анализа систематизируются и классифицируются имевшиеся ранее конфликтные ситуации. Данный метод в сочетании с методами математической статистики позволяет выявить ряд зависимостей и тенденций, закономерностей развития конфликта, на основе которых делаются обобщения и предлагаются рекомендации профилактического характера. Одним из важных видов системного анализа конфликта является междисциплинарный подход. Его необходимость продиктована уникальностью, неповторимостью конфликта как явления, исследованием которого занимаются философия, психология, этика, социология, психиатрия, уголовное, уголовно-исполнительное право, криминология.

Еще один вид системного анализа — системно-содержательное описание пентенциарных конфликтов посредством применения таких методов диагностики, как наблюдение (включенное наблюдение), социометрия, изучение документов, опрос, эксперимент, личностные тесты, беседа. Некоторые авторы предлагают использовать для диагностики конфликта характеристики конфликтной ситуации, психологических особенностей ее участников, метод опроса с использованием полиграфа.

В качестве одной из методологических конфликтологических позиций

В.П. Шалаев предлагает синергетический подход [7, с. 24]. Общеизвестно, что синергетика — современное междисциплинарное научное направление, в основе которого лежит теория самоорганизации систем различной природы, активно развивающаяся и в теоретическом, и в практическом направлениях, охватывающих социально-философскую проблематику современности. Ее важной составной частью выступает социальная синергетика, исследующая проблемы самоорганизации и управления сложными социальными системами. В качестве основных понятий и подходов (синергетических) используются, такие как «самоорганизация», «открытые и закрытые системы», «акупунктурное управление», «стабильность и нестабильность», «порядок и хаос», «обратимость и необратимость», «линейное и нелинейное», «детерминантное и стохастическое», «роль малой флуктуации», «случайность, которая творит мир», и другие, успешно участвующие в описании социальной реальности, социальных объектов и процессов, прежде всего с качественной стороны, то есть со стороны проблем сущности явлений и процессов, законов, принципов и тенденций их развития.

Одну из главных задач синергетики В.П. Шалаев видит в том, чтобы «дать в руки частнонаучного знания современный по уровню своих обобщений язык, выходящий за рамки сложившихся частнонаучных традиций, вывести науки на более всестороннее, целостное системное видение объектов их исследования, во взаимосвязи и взаимовлиянии внешнего и внутреннего, статичного и динамичного, доминирующего и определяемого, центрального и периферийно-

го, других свойств социальной реальности, выступающих в качестве диалектических факторов моделирования явлений и процессов как систем, различных форм и уровней сложности» [7, с. 9]. Наиболее востребованной синергетика становится там и тогда, где и когда современное социально гуманитарное знание сталкивается с проблемными, кризисными объектами исследования, анализ которых требует всестороннего охвата системности восприятия, точного определения источников, факторов, причин и одновременно точечного, адекватного, «оздоравливающего» воздействия на систему. Таким образом, синергетика во все большей степени проявляет себя не только как адекватная методология теоретического моделирования, но и как методология адекватного практического действия. Возникает закономерный вопрос, возможно ли использовать синергетический подход в пенитенциарной конфликтологии? На наш взгляд, не только возможно, но и актуально по ряду обстоятельств.

Во-первых, проблемное поле пенитенциарной конфликтологии обусловлено социальными, юридическими, психологическими, нравственными, уголовными и уголовно-исполнительными предпосылками и детерминантами. На данном проблемном поле в фокусированном виде отражаются объективные и субъективные признаки неразрешенного социального и юридического конфликта в широком его понимании.

Во-вторых, проблемное поле пенитенциарной конфликтологии находится в условиях постоянной флуктуации и обусловлено объективными, взаимосвязанными процессами, происходящими в местах лишения свободы при испол-

нении уголовного наказания. Данные процессы в большей мере являются деструктивными и носят разрушительный характер, порой приводящий к тяжким последствиям.

В-третьих, в этом проблемном поле исторически сложился стереотип противостояния двух полярных систем: с одной стороны, персонала учреждения, исполняющего уголовное наказание на основе норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, с другой — представителей тюремной субкультуры. Такое противостояние продуцирует и питает причинный комплекс различных конфликтов в местах лишения свободы.

В-четвертых, пенитенциарные конфликты как разновидность юридических конфликтов по своей природе, структуре, типологии, динамике — различны по уровню сложности.

Исходя из данных обстоятельств, можно сделать вывод, что синергетический метод исследования и прогнозирования органично вписывается в методологическую совокупность пенитенциарной конфликтологии, предлагая эффективный путь исследования, прогнозирования конфликтов в местах лишения свободы во всем их многообразии, взаимосвязи, взаимообусловленности.

Многомерность исследования конфликта позволяет не только установить точный и правильный диагноз конфликтного противостояния, но и выработать комплекс превентивных мер (блокаторов), направленных на устранение причин и условий, порождающих различные конфликты, минимизировать их количество, а также предвидеть возможные последствия, повысить эффективность

уголовного наказания в местах лишения свободы и достижение его целей.

Любое научное направление начинается с обоснования изучения своего объекта и предмета исследования. Оно формируется с помощью междисциплинарной систематизации старых и новых эмпирических и теоретических фактов. Использование этой эвристической процедуры имеет своей целью ту часть социальной реальности, которая отражает вновь создаваемая научная дисциплина, в данном случае — *пенитенциарная конфликтология*.

Общеизвестно, что всякий конфликт возникает при наличии предмета и объекта. Столкновение, противостояние как между индивидуальными, так и социальными группами, не бывают беспочвенными, а происходят тогда, когда интересы их участников пересекаются и входят в противоречие, противоборство, противостояние. Та ценность или совокупность общественных отношений, по поводу которой возникает столкновение интересов противоборствующих сторон, является объектом конфликтологии.

Объектом противостояния индивидов и групп может быть совокупность материальных и духовных ценностей, идей, отношение к собственности, власть, ресурсы, социальный статус. Объект по своему содержанию может быть как истинным, реальным, так и потенциально ложным, иллюзорным, искусственно созданным. Люди могут вступать в противоборство не только за материальные блага и ресурсы, но и утверждая, отстаивая призрачные идеалы, идеи и ценности. По нашему мнению, одним из основных критериев объекта конфликта является его неделимость. В то же время не следует исключать и то обстоятель-

ство, что конфликт как социальное явление может отражать посягательство на несколько объектов одновременно, или в силу изменения мотивации и целеустановок участников конфликтной ситуации переключаться с одного объекта на другой.

Под *предметом* конфликтологии, на наш взгляд, следует понимать конкретные противоречия (совокупность противоречий), которые возникают между субъектами конфликтной ситуации. Предмет всегда реален и актуален, наполнен конкретным содержанием (например, выдвижение каких-либо требований борьбой как отражением противоречий между субъектами конфликтной ситуации). Так, В.Н. Кудрявцев полагал, что под предметом конфликта следует понимать объективно существующую или мысленную (воображаемую) проблему, служащую причиной раздора между сторонами. Предмет конфликта — основное противоречие, из-за которого и ради разрешения которого субъекты вступают в противоборство [9, с. 82].

Исходя из основных теоретических положений конфликтологии можно сделать вывод, что *объектом пенитенциарной конфликтологии* является совокупность общественных отношений, ценностей, по поводу которых возникает противостояние, противоборство и столкновение отдельных субъектов (групп) уголовно-исполнительных правоотношений в сфере исполнения уголовного наказания в местах лишения свободы.

Объект пенитенциарной конфликтологии достаточно специфичен, поскольку обусловлен социальной средой мест лишения свободы, а также характером и видом уголовного наказания. Согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ «наказание есть мера

государственного принуждения, назначенная по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в лишении или ограничении прав и свобод этого лица». Конкретизируя ч. 1 ст. 56 УК РФ, законодатель предусматривает, что «лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещение в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму».

Социальная функция уголовного наказания всегда была и остается объектом пристального внимания философов, социологов, психологов, психиатров и представителей других наук.

При всей палитре различных мнений и суждений исследователей по поводу природы уголовного наказания все авторы единодушны во мнении, что уголовное наказание по своей природе обладает рядом свойств и признаков, присущих только ему.

Во-первых, уголовное наказание назначается и реализуется от имени государства в отношении лица, совершившего преступление. Во-вторых, наказание — это совокупность правоограничений (ограничение свободы перемещения, нахождение в условиях строгой изоляции). В-третьих, оно носит карательный, репрессивный характер. В-четвертых, обладает широким спектром принудительной нормативной и правовой регламентации (в виде УИК РФ, правил внутреннего распорядка).

Известный советский пенитенциарист А.Л. Ременсон писал: «Неотъемлемой и специфической стороной наказа-

ния является лишение осужденного тех благ, которые в принципе представляют собой ценность не только для наказываемого субъекта, но и наказывающего его общества. В этом смысле наказание есть не только конфликт преступника и общества, но и противоречие общественных отношений, выгодных и удобных обществу, которыми оно на время вынуждено поступаться в целях искоренения данного противоречия и других ему подобных» [5].

Другие авторы отмечают, что «в условиях мест лишения свободы действуют мощные негативные социально-психологические факторы, под влиянием которых осужденные приходят к отрицанию правомерности социального контроля вообще путем противопоставления сообщества другим людям, осознания своих особых ценностей и выработки особых норм. Мы имеем в виду явление, получившее в литературе название «другая жизнь» (асоциальная субкультура)» [1, с. 58].

В качестве основного предмета конфликта мы рассматриваем противостояние тюремной субкультуры (системы, совокупности отношений) и персонала учреждения, исполняющего наказание, а в качестве непосредственного предмета — противоречия (совокупность противоречий), которые возникают между осужденными, между осужденными и персоналом.

Непосредственный предмет конфликта реален и актуален, наполнен конкретным содержанием, взаимообусловлен причинным комплексом деструктивных процессов, протекающих в местах лишения свободы. Идентификация предмета дает возможность правильно определить типологию конфликта, его

классификацию и классификацию его участников (в том числе их ролевое участие), диагностировать, впоследствии разработать и принять меры превентивного характера по разрешению конфликта.

Исследуя природу пенитенциарных конфликтов, мы приходим к выводу, что в генезисе конфликтной ситуации может быть два и более предмета («принцип наслаения»). В ходе конфликтной ситуации предметы конфликта могут коррелироваться, видоизменяться в зависимости от уровня сложности, им может придаваться ложный характер. Следует отметить, что конфликту присущ и беспредметный характер, когда происходит выплеск накопившейся отрицательной энергии и т. д.

Функции пенитенциарной конфликтологии представляют собой основные направления функционирования данной отрасли знаний, необходимые для решения стоящих перед ней целей и задач. Функции характеризуют ее теоретическое и практическое значения для эффективного с точки зрения достижения основных целей исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы и обеспечения нормального функционирования уголовно-исполнительной системы. Обычно выделяют онтологическую, гносеологическую, эвристическую, прогностическую, методологическую, идеологическую и организационно-прикладную.

С помощью онтологической функции (онтология — учение о бытии) пенитенциарная конфликтология познает существо, содержание деструктивных процессов и конфликтов, возникающих в местах лишения свободы при всей совокупности уголовно-исполнительных правоотноше-

ний. Отвечает на вопросы, какова природа пенитенциарных конфликтов, их причинность, типология и динамика.

Гносеологическая функция (гносеология — теория) пенитенциарной конфликтологии состоит в выработке научной концепции понятийного аппарата, категорий, а также приемов и способов, обеспечивающих научное познание пенитенциарной конфликтологии.

С помощью эвристической функции (эвристика — искусство нахождения истины) пенитенциарная конфликтология открывает новые закономерности развития института уголовного наказания (на стадии реализации), в частности в условиях реформы уголовно-исполнительной системы РФ, и дальнейшей институционализации конфликтов.

Прогностическая функция пенитенциарной конфликтологии проявляется в предвидении тех или иных изменений в развитии уголовно-исполнительных правоотношений, определении тенденций, деструктивных процессов, выдвижении гипотез о будущих флуктуациях различных систем в местах лишения свободы.

Идеологическая функция пенитенциарной конфликтологии видится в научном и практическом обеспечении (сопровождении) целей, задач и принципов уголовного, уголовно-исполнительного законодательства в ходе исполнения лишения свободы.

Организационно-прикладная функция пенитенциарной конфликтологии проявляется в разработке рекомендаций и предложений по решению актуальных конфликтологических проблем пенитенциарной системы, в обеспечении научности управления и правового регулирования в местах лишения свободы.

Все названные функции пенитенциарной конфликтологии взаимосвязаны между собой и при гармоничной их реализации могут дать позитивный результат только в определенном сочетании, комплексе, синтезе. Пенитенциарная конфликтология реализует указанные функции применительно к объекту и предмету исследования, опираясь на данные других наук: философии, социологии, юридической психологии, психиатрии, пенитенциарной психологии, уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии.

На наш взгляд, пенитенциарная конфликтология носит междисциплинарный и комплексный синтезированный характер. С целью создания своего понятийного аппарата (глоссария) происходит определенная рецепция фундаментальных, теоретико-методологических аспектов, других наук, позволяющих исследовать пенитенциарные конфликты как разновидность социальных и юридических во взаимосвязи и взаимообусловленности причин и социальных явлений.

Пенитенциарная конфликтология — это новое междисциплинарное, синтезированное научное направление, лежащее на стыке социологии, психологии, психиатрии, уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. В то же время пенитенциарная конфликтология является разновидностью конфликтологии как основной и базовой науки, а также юридической конфликтологии. Данное научное направление развивается благодаря взаимному обогащению с разными по содержанию науками, при этом формирует свою теоретико-методологическую базу и понятийный аппарат, а также синтези-

рованный комплекс исследований конфликта как социального явления. Надо заметить, что синтез конфликтологических проблем с положениями юридической науки представляет особый интерес. Дело в том, что многие социальные конфликты протекают в сфере правовых отношений, порождаются юридическими ситуациями, а затем разрешаются юридическими средствами [3, с. 2]. С этим связана важная сторона пенитенциарной конфликтологии. Таким образом, эта отрасль знаний изучает не только природу, причины, динамику развития пенитенциарных конфликтов, но и правовые механизмы их предупреждения и разрешения.

Пенитенциарная конфликтология реализует свою гнесеологическую функцию через создание собственной системы законов, принципов, категорий и методов сбора, систематизации и переработки информации, произведенной разными науками, исходя из своих целей, задач и технологии опредмечивания.

Обусловленная противоречиями, рождающимися в местах лишения свободы, пенитенциарная конфликтология аккумулирует в рамках своего диапазона (объекта и предмета) информацию, разную по качеству и объему, необходимую для формирования принципов, категорий и законов исследования природы пенитенциарных конфликтов.

Инструментарий пенитенциарной конфликтологии позволяет собирать, обрабатывать, систематизировать, кооперировать, интегрировать и приспособлять полученные знания, методы и технологии (правовые, социальные, управленческие) по разрешению конфликтов в местах лишения свободы. В данном научном направлении сливаются воедино

но творческое мышление с творческим действием и управлением.

Пенитенциарная конфликтология со- путствует как социальному управлению, так и социологии управления, повышает эффективность уголовного наказания в виде лишения свободы, достижения целей наказания, оптимизации функционирования основных институтов. Для предмета пенитенциарной конфликто- логии существенное значение имеет ис- следование связей и отношений в раз- вивающихся противоречивых структу- рах тюремной субкультуры.

Предметом пенитенциарной кон- фликтологии являются общие законо- мерности и особенности пенитенциарно- го конфликта, его причинность, возник- новение, динамика развития и заверше- ния, а также различные средства и спо- собы воздействия (прогностика, профи- лактика, практика) на конфликтные от- ношения взаимодействующих сторон.

Литература

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Лич- ность преступника. — СПб., 2004.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтоло- гия. — М.: Юнити, 1999.
3. Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтоло- гия. — М., 1996.
4. Малько А.В. Теория государства и права: учеб- ник. — М.: Кнорус, 2009.
5. Ремесон А.Л. Теоретические вопросы испол- нения лишения свободы и перевоспитания заклю- ченных: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 1965. — 65 с.
6. Степанов Е.И. Методологическое обеспечение конфликтологических исследований: проблемы и перспективы // Конфликтология. — 2007. — № 1.
7. Шалаев В.П. Конфликтология и синергетика перед вызовами современности: на путях методо- логического диалога и адекватного управления // Конфликтология. — 2009. — № 2.
8. Шведин Б. Я. Человеческий фактор в управле- нии войсками. — М., 1989.
9. Юридическая конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. — М., 1995.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЖЕНСКОГО РЕЦИДИВИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН

З. С. Зарипов, М. Ю. Семенец

Аннотация: в статье отражены материалы выступления автора на научно-профилактическом семинаре «Профилактика преступности», на основе большого материала представлены причины и условия женского рецидивизма в свете проблем ресоциализации осужденных женщин.

Ключевые слова: рецидивизм, ресоциализация осужденных женщин, несовершеннолетний правонарушитель, проблемная ситуация, причины и условия женского рецидивизма, противоправное поведение, уголовное законодательство, ценностная ориентация личности, борьба с преступностью.

The summary: the article reflects the author's speech at the scientific and practical seminar «The precaution of criminality», based on a large material presented the role of the causes and conditions of female recidivism in the context of the problems of resocialization of convicts women.

Keywords: recidivism, resocialization of convicts women, the juvenile offender, problem situation, causes and conditions of female recidivism, wrongful conduct, criminal law, value orientation of personality, struggle with criminality.

Существование женской рецидивной и профессиональной преступности обусловлено причинами и условиями, характерными для преступности в целом. Основные причины первичных пре-

ступлений действуют и при повторных деликтах. Более того, повторные преступления усиливают стойкость антиобщественных взглядов, способствуют повышению уровня криминального профессионализма.

Специфические причины женской преступности лежат в первую очередь в искаженной морально-волевой установке личности женщин. Для них типичны определенные свойства личности и потребности: повышенная чувствительность в межличностных отношениях, стремление к совершенству, демонстративность; предрасположенность к психопатии и неврастении, конформизм; снижение проявления волевых качеств в опасных условиях; стремление к комфорту в быту, к обладанию предметами личного обихода, особо модной одеждой и т. п. [3, с. 15].

Семья, семейно-брачные отношения, занимающие важное место в жизни женщины, в последние годы все в большей степени подвержены распаду либо искажению. Причем стереотип двойной морали, существовавший в семьях государственно-партийной бюрократии при советской власти, ныне распространялся на семьи «новых русских», представителей среднего и малого бизнеса. В таких семьях для женщины главным является материальная обеспеченность и получение преимущества над мужчинами, поэтому не случайно наблюдается уменьшение числа браков и рост разво-

дов. Семья является действенным антикриминальным фактором. Между тем, как показала перепись, среди осужденных женщин 74,3 % не состояли в браке на момент осуждения (по переписи 1999 г. — 62,9 %), у 43 % осужденных женщин, состоявших в браке на момент осуждения, брак во время отбывания лишения свободы распался (в 1999 г. эта доля составляла 47,7 %) [7, с. 45].

Эти данные во многом объясняют низкий уровень поддержания социально полезных связей осужденной с внешним миром. Так, из-за отсутствия денег 5 % осужденных женщин не пользовались правом на телефонные переговоры; 3,4 — сказали, что им некому было звонить; 17 % — не изъявляли желаний [7, с. 4].

Учитывая, что 64,6 % (в 1999 г. — 59,1 %) осужденных не получали заработной платы в местах лишения свободы, хотя почти 90 % являлись трудоспособными, то на день переписи у более чем половины осужденных (52,1), не было денег на лицевом счете, а у 18,6 % сумма средств не превышала 200 руб. По данным на 2009 г. не имели денег на лицевом счете 40,3 % осужденных женщин и 57,4 % мужчин, в то время как свыше 5 тыс. руб. на лицевом счете имели только 3,4 % женщин и 2,5 % мужчин [7, с. 5].

Обращает на себя внимание то, что осужденные женщины в большей степени не используют своего права на краткосрочные (63,2 %) и длительные (73,4 %) свидания [7, с. 7].

В теологии существует устоявшаяся позиция о том, что приобщение человека к религии делает его более законопослушным и приспособленным к жизни в условиях свободного общества. Пози-

тивная роль приобщения осужденных к религии проявляется также в том, что они раскаиваются в содеянном, не нарушают установленный порядок отбывания наказания, принимают активное участие в общественной жизни, своим поведением оказывают положительное влияние на других осужденных (особенно осужденные рецидивисты), как правило, ведут правопослушный образ жизни после освобождения.

На данный момент наблюдается существенный рост числа верующих среди осужденных к лишению свободы. Если по данным переписи 1999 г. большинство осужденных (а именно 63,2 %) не относили себя к верующим, то по результатам специальной переписи 2009 г. это число сократилось в 2,5 раза и составило 25,6 %. Среди осужденных женщин эта цифра значительно ниже — 15,8 % [7, с. 14].

В большинстве случаев осужденные отбывают наказание в том же субъекте Российской Федерации, где проживали ранее (76 %). Однако для 21 % осужденных нарушается принцип, сформулированный в ч. 1 ст. 73 УИК РФ, о том, что эти лица «отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены». Данное нарушение объясняется тем, что в более чем в тридцати субъектах Российской Федерации отсутствуют женские или воспитательные колонии. Кроме того, в три воспитательные колонии для несовершеннолетних женского пола поступают осужденные со всей страны [7, с. 15].

Нарушение этого принципа влечет за собой разрыв всех социально полезных связей, ухудшение общения с род-

ственниками и близкими людьми, что непосредственно влияет на поведение осужденной после отбывания наказания в виде лишения свободы. Она фактически оказывается неспособной к самостоятельной жизни. Это подтверждают следующие данные: доля лиц, находящихся в ВК, которые до осуждения нигде не работали и не учились, составляет 22 %, то есть почти каждая четвертая осужденная оказалась вне поле зрения таких институтов социализации, как образовательные учреждения [5, с. 155].

Почти половина несовершеннолетних осужденных (47 %) воспитывались в неполной семье, а 8 % — в детском доме. О недостатках семейного воспитания несовершеннолетних, отсутствии крепких связей с семьей свидетельствует то, что 25 % осужденных не изъявили желания позвонить домой, хотя право на телефонные переговоры имели и им было с кем пообщаться. Со своей стороны близкие родственники также не испытывают большого желания взаимодействовать с подростками, находящимися в ВК, поддержать их в трудную минуту. 73 % осужденных не получали в 2009 г. денежных переводов, 32 — не получали посылок и передач, 94 % не получали бандеролей [7, с. 15]. Хотя отчасти это можно оправдать и финансовыми трудностями, возникшими в семьях из-за нестабильности сегодняшней экономики.

Девушки, в отличие от юношей, на 18,4 % меньше стремятся в результате преступной деятельности обогатиться, в 11 раз меньше — повысить свой авторитет и в 12 раз меньше совершают преступления из хулиганских побуждений. Среди мотиваций преступного поведения у девушек преобладают месть обидчикам, удовлетворение своей зло-

сти, ревность. Среди несовершеннолетних мужского пола этот мотив совершения преступлений при совершении корыстно-насильственных преступлений практически не встречается. Как пишут специалисты, «девушки-подростки в три раза чаще, чем юноши-подростки, совершают преступления из чувства ложного товарищества, что подтверждает их повышенную конформность» [6, с. 16].

Психологические стереотипы у женщин, их социальные связи разрушаются значительно быстрее, чем у мужчин. Именно из-за этого некоторые женщины перестают дорожить и семьей (особенно при росте бытового насилия со стороны мужчины), и работой, легко их бросают и начинают вести антиобщественный образ жизни, приобретая средства к существованию противоправным путем.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года [4, с. 15], как нам представляется, в тюрьмах общего режима было бы целесообразно дифференцировать условия отбывания наказания женщин, совершивших рецидив преступлений, в зависимости от типа. Все вновь прибывшие осужденные женщины, совершившие рецидив преступлений, содержатся в строгих условиях. На этом этапе идет распределение, которое зависит от поведения преступницы и результатов изучения ее личности.

Осужденные женщины *антисоциального типа*, совершившие рецидив преступлений, для которых характерна высокая криминальная активность, остаются в строгих условиях.

Осужденные женщины, совершившие рецидив преступлений, *не допустившие нарушений за время пребывания в строгих условиях*, при отбытии в строгих

условиях не менее 1/4 от общего срока наказания переводятся на обычные условия содержания. В таких условиях могут содержаться осужденные женщины *ситуативного типа*, совершившие рецидив преступлений, а также страдающие тяжелыми заболеваниями. В дальнейшем такие осужденные женщины, не допустившие нарушений режима содержания, могут быть переведены на облегченные условия.

Социально-реабилитационные меры предупреждения рецидивной преступности лиц женского пола должны быть направлены на нейтрализацию отрицательных последствий лишения свободы и предполагают оказание помощи подобным лицам в трудовом и бытовом устройстве после освобождения из мест лишения свободы, применение к ним воспитательных профилактических мер и т. д. [2, с. 82].

По нашему мнению, улучшению деятельности по социальной адаптации женщин в постпенитенциарный период могла бы служить организация центров социальной помощи лицам, отбывшим наказание (социально-реабилитационных центров для лиц, освободившихся из ИУ). Мы считаем, что основными задачами этих учреждений могут быть следующие: оказание содействия бывшим осужденным женщинам в трудовом и бытовом устройстве; помощь таким лицам в решении различных жизненных проблем (психологических, юридических и т. д.); осуществление индивидуальной воспитательной работы.

Процесс социальной адаптации осужденных женщин, отбывших наказание в виде лишения свободы, заключается не в том, что они приходят в незнакомую среду с новыми для них установками и системой ценностей, а в том, что они возвращаются в то же общество, морально-нравственные и правовые нормы которого они нарушили, которыми ранее в силу разных причин пренебрегали и которые вновь необходимо принимать и соблюдать [1, с. 57].

Литература

1. *Абызова Е.Р.* Меры индивидуально-воспитательного воздействия на лиц женского пола, совершающих преступления // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2007. — № 1.
2. *Волкова Т.Н.* Женщина в зеркале криминала. — Вологда, 2000.
3. *Козлов С.П.* Проблемы предупреждения преступлений несовершеннолетних лиц женского пола в современной России // Рос. следователь. — 2007. — № 18.
4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.
5. Пенитенциарная криминология: учебник / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. — Рязань: Академия ФСИН России, 2009.
6. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних (по материалам субъектов Центрального федерального округа РФ) / А.И. Ильяхенко, А.В. Маслов, Е.Л. Харьковский [и др.]. — М.: ВНИИ МВД России, 2007.
7. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.). Вып. 1 / Е.М. Данилин, В.С. Радкевич, И.В. Селиверстов [и др.]; науч. ред. В.И. Селиверстов. — М.: Юриспруденция, 2010.

ПСИХОДИНАМИКА ЛИЧНОСТИ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

И. Л. Калинова

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) — проект № 10-06-53401 а/Ц.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности ВИЧ-инфицированных осужденных женщин. Обозначены психологические модели переживания болезни ВИЧ-инфицированными осужденными. Проанализированы различия типичных функциональных спектров состояний (по методу расчета психодинамических коэффициентов цвето-предпочтений Д.В. Сочивко по восьмицветовому тесту М. Люшера) ВИЧ-инфицированных осужденных женщин, обращающихся и не обращающихся за медико-психологической помощью к персоналу исправительных учреждений.

Ключевые слова: типичные функциональные спектры состояний, восьмицветовой тест М. Люшера, психодинамика обращаемости осужденных за медико-психологической помощью.

The summary: the article considers the peculiarities of HIV-infected women convicts. Marked psychological model of the experiences of the disease HIV-infected convicts. Analyzed differences in the spectra of common functional states (according to the method of calculation of psychodynamic factors tsvetopredpochteny D.V. Sochivko on eight-test M. Luscher) HIV-infected women convicts, negotiable and nonnegotiable for medico-psychological assistance to the staff of correctional institutions.

Keywords: typical functional spectra states, eight-test M. Luscher, psychodynamics use convicted of the medico-psychological assistance.

Пребывание в местах лишения свободы является для ВИЧ-инфицированных осужденных своеобразным «двойным» стрессом. Это стресс от необходимости адаптироваться к болезни и одновременно к условиям отбывания наказания. Кроме того, ВИЧ-инфекция имеет явно выраженный психосоциальный компонент. С одной стороны, заражение происходит вследствие рискованного поведения, которое провоцируется и психологическими, и социальными факторами, с другой — заболевание имеет свои социально-психологические последствия [3]. Эти факторы обуславливают потребность в профилактике дезадаптации данной категории осужденных (в период отбывания наказания) и поиске специфических ресурсов, на которых строится их исправительная психокоррекция, способная увеличить вероятность их правопослушного поведения после освобождения.

Несомненно, наличие у человека тяжелого соматического заболевания накладывает отпечаток на его психологию, трансформирует его поведение.

Исследователи отмечают, что диагноз «ВИЧ-инфекция» в большей сте-

пени имеет психологическую нагрузку. Этот диагноз означает угрозу потенциальную, реактивную, отложенную на неопределенный срок. Мы же в этой статье говорим не о той категории граждан, которая свободна в своих передвижениях, построении жизненных планов, определении распорядка дня, а об осужденных женщинах. При построении методик работы психолога с указанной категорией клиентов, на наш взгляд, особенно важно понимать, каковы особенности типичных функциональных спектров состояний рассматриваемой группы испытуемых.

Мы проанализируем различия типичных функциональных спектров состояний (по методу расчета психодинамических коэффициентов цветопредпочтений Д.В. Сочивко по восьмицветовому тесту М. Люшера) ВИЧ-инфицированных осужденных женщин, обращающихся и не обращающихся за медико-психологической помощью к персоналу исправительных учреждений.

В исследовании приняли участие 269 осужденных женщин с диагнозом ВИЧ-инфекция и 155 осужденных женщин, не имеющих такого диагноза, но имеющих различные не смертельные соматические заболевания, которых мы характеризуем как условно здоровых (контрольная группа).

Одной из важных психологических составляющих совладания человека с болезнью является обращение за медицинской помощью. В нашем исследовании приняли участие осужденные женщины, имеющие различные заболевания, частота обращаемости к врачам у которых различна. Всю выборку обследованных мы разделили на две группы: 1) женщины, систематически обращаю-

щиеся к врачу (2 и более раз за 6 месяцев); 2) женщины, не обращающиеся за медицинской помощью к врачу (1 раз в 6 месяцев и реже).

Средний возраст опрошенных ВИЧ-инфицированных осужденных женщин 31 год. Диагноз ВИЧ у большинства осужденных — следствие наркомании, а преступление совершается наркоманом спустя некоторое время после начала активного употребления наркотиков и является способом материального обеспечения потребностей наркомана.

Таким образом, личность ВИЧ-инфицированной осужденной женщины сочетает в себе опыт переживания наркотической зависимости, опыт переживания и принятия смертельного диагноза и опыт специфического воздействия среды исправительного учреждения. С практической точки зрения ВИЧ-инфицированные осужденные являются той категорией лиц, работу с которой психологи и медики должны вести совместно. Такие исходные предпосылки, по нашему мнению, задают специфический спектр психодинамических функциональных состояний.

Рассмотрим типы испытуемых женщин, имеющих диагноз «ВИЧ-инфекция» и не имеющих его, а также сопоставим особенности функциональных состояний испытуемых женщин с разной частотой обращаемости к врачам.

Методика расчета психодинамических коэффициентов дает возможность выявить системные предпочтения или отвержения того или иного цвета по отношению ко всем другим цветам. Если воспользоваться терминологией М. Люшера, то предложенный Д.В. Сочивко метод позволяет системно определить, в какой роли — роли-защиты или

Рис. 1

роли-идола — находится данный цвет в среднем по группе испытуемых. Так, на рисунке 1 синий цвет у осужденных с диагнозом ВИЧ, не обращающихся за медико-психологической помощью, системно отвергается (коэффициенты высокие), то есть находится в области роли-защиты. Если говорить о тесте М. Люшера, то имеется в виду вытеснение синего цвета в конец ряда предпочтений (минус синий).

Напротив условно-здоровые осужденные женщины, обращающиеся к врачу, системно предпочитают синий цвет (низкие значения коэффициентов — синий идет в начало выбора). Это позволяет говорить о высокой роли синего в качестве роли-идола.

Основным психологическим содержанием роли-защиты синего цвета является «страх пустоты». Первая особенность роли-защиты (страха перед пустотой) синего типа — это снижение контактности общения, увеличение дистанции в общении, а также изменение качества общения в сторону его холод-

ности, формальности, «любезного безразличия».

Для условно-здоровых осужденных, регулярно посещающих врачей, характерно наличие роли-идола синего цвета. Первая особенность этой роли с психодинамической точки зрения — стремление к самым различным формам удовлетворения и удовольствия.

Причем требование роли столь сильное, что человек любое свое состояние стремится превратить в особое удовольствие. Второй особенностью этой роли становится бегство от проблем в некий иллюзорный мир, где ничто не раздражает, не препятствует желаниям и стремлениям.

Психодинамика функциональных состояний, диагностируемых синим и зеленым цветами, является определяющей различия обследованных групп испытуемых, имеющих диагноз «ВИЧ-инфекция», и условно-здоровых осужденных (рис. 2 и 3). Так, для осужденных, имеющих ВИЧ, синий цвет выступает в качестве роли-защиты, а зеленый —

роли-идола. Для условно-здоровых осужденных наоборот. Системных различий по другим цветам между данными группами испытуемых не выявлено.

Остановимся подробнее на психологической характеристике отличительных особенностей функционального состояния ВИЧ-инфицированных осужденных.

Роль-защита синего типа поведения рассматривается М. Люшером как «страх перед пустотой». Это, с одной стороны, страх ненасыщенности жизни переживаниями, страх перед «пустотой», а с другой — страх перед лишениями. Указанное положение для ВИЧ-инфицированных осужденных вполне объяснимо постоянным напоминанием от окружения и самонапоминанием о конечности собственной жизни и о том, что мало успел пережить и сделать. Как психолог-практик могу сказать, что осужденные данной категории сильно переживают разрыв социальных связей, а если родные не знают об их диагнозе, не все из них в состоянии сообщить им о своем заболевании. Они оставляют эту мрачную новость на потом и думают, что это правильное решение.

Итак, как мы уже отмечали, первая особенность роли-защиты (страха перед «пустотой») синего цвета — это снижение контактности общения. Вторая особенность заключается в том, что иллюзорный страх самоотдачи в отношениях, страх тех эмоций, которые вызовет сближение, порождает и некоторый иллюзорно бредовый мир, где начинает жить человек с такой ролью-защитой. С целью самозащиты подобные люди огораживают забором свою личную эмоциональную сферу и позволяют приближаться к себе любому партнеру

лишь постепенно, шаг за шагом. Критерии дистанцирования для каждой связи, каждого отношения устанавливаются с очень большой избирательностью [5, с. 22]. В нашем исследовании было показано, что для определенной части ВИЧ-инфицированных осужденных женщин характерным поведением является включение в общение преимущественно с другими ВИЧ-инфицированными и уход от контактов с другими осужденными и администрацией учреждений (в том числе с медиками и психологами) [1]. Анализ психодинамики данных испытуемых позволяет понять, что это общение скорее ролевое, чем непосредственное и открытое. С практической стороны очень сложно рассматриваемую категорию лиц приблизить и вывести на контакт. В нашем учреждении мы обучаем их открытому общению в тренинговых группах по принципу «равный обучает равного».

Для полноты психологической характеристики функционального состояния испытуемых приведем интерпретацию самого выраженного коэффициента № 19 (рис. 2).

–1

Стремление справиться с угнетенностью, овладеть собой, сохраняя активность. Блокирована потребность теплых межличностных отношений, зависимость от объекта глубокой привязанности. Беспокойная неудовлетворенность.

+6+7

Эмоциональная напряженность, физиологический дискомфорт, потребность в покое. Ситуация воспринимается как трудно разрешимая. Горечь разочарования, неудовлетворенность собой, избыточная самокритичность. Пассив-

Рис. 2

ный протест против сложившихся обстоятельств.

+7+6

Состояние выраженной социально-психологической дезадаптации. Ощущение разочарования, диссонанса между идеальными представлениями и грубой реальностью. Потребность в покое и расслаблении, освобождении от стресса. Неприятие ситуации, протест, непримиримость. Перенапряжение физическое и душевное. Тревожная и болезненная оценка своего самочувствия.

Итак, роль-защита синего цвета — страх «пустоты» — находит свое психологическое выражение в двух направлениях поведения:

- дистанцировании, ограничении, охлаждении и формализации общения;
- уходе в иллюзорный мир бредовых суеверий, «снов на яву», примет, слухов, телевидения, вообще несуществующих отношений [5, с. 23].

Роль-идол зеленого цвета, характерная для ВИЧ-инфицированных осужденных, характерна и для преступности в целом (для женщин, осужденных за терроризм и совершение преступлений ор-

ганизованной группой [4]), но для испытуемых данной группы она характерна в большей степени.

Содержание этой роли М. Люшер представляет как «стремление к значимости, тщеславию» [2]. В тестовом выборе это соответствует предпочтению зеленого другим цветам (плюс зеленый). Две основные психодинамические тенденции поведения в роли-идоле зеленого цвета — это тенденция, опирающаяся на собственное тщеславие своего собственного Я, и противоположная ей тенденция подавления своего собственного Я за счет тщеславия МЫ. Для этого у подобных испытуемых и должна быть особенная референтная группа, которой как раз выступает группа, включающая других ВИЧ-инфицированных осужденных. Самоутверждению этих осужденных служит также и владение некоторой идеей (например, отрицания помощи и собственного контроля болезни), которую делают «своей собственной», чтобы чувствовать себя с нею важным. Для самоутверждения используются любые средства достижения значимости вплоть до самоотречения. Однако за этим само-

Рис. 3

отречением стоит мощная потребность в том, чтобы другие тебя заметили, приняли и запомнили. Осужденные данной категории склонны принимать на себя роль лидера в колонии, тренера в группе, могут быть активными участниками всех психокоррекционных мероприятий в ИУ. При этом они остаются при своей точке зрения на общение и на группу, в которой они находятся.

«Второй психологической особенностью роли-идола зеленого типа поведения является отвержение собственного Я, но не по пути естественного смирения, а по пути возношения некоторого иллюзорного МЫ», пишет Д.В. Сочивко [5, с. 30]. В нашем случае происходит возвышение своей референтной группы.

По М. Люшеру: «Зеленый тип поведения — это не только самый напряженный и самый упрямый, но и самый не поддающийся влиянию тип поведения, и это делает особенно трудным для него отказ от роли самоутверждения, и спонтанное, непринужденное и открытое поворачивание к другим людям».

Условно-здоровые осужденные женщины, наоборот, системно принимают

синий и значительно меньше принимают зеленый цвет. Синяя роль-идол заключается в стремлении к самым различным формам удовлетворения и удовольствий. Второй особенностью этой роли М. Люшер считает бегство от проблем, а самым распространенным психологическим способом бегства (от себя и проблем) является регрессия (в детство). Именно для женщин характерно бегство в детские выяснения отношений, в которых они таким образом хотели бы сгладить или облегчить свои трудности. В повседневном поведении осужденных женщин, для которых не характерны тягостные размышления о конечности жизни в связи со смертельным диагнозом ВИЧ, наблюдаются разнообразные отношения с окружающими, часто с конфликтным оттенком, которые дают почувствовать вкус жизни. В случае возникновения затруднений в этих отношениях или любых других жизненных затруднений имеет место поиск «родительской» защиты в лице сотрудников — чаще всего медиков учреждения, поскольку контакт с медиками с субкультурной точки зрения достаточно безопасен. Они не

Рис. 4

принимают медиков за сотрудников и спокойно идут к ним за помощью. ВИЧ-инфицированные осужденные говорят о том, что медицинские работники являются для них защитой в колонии, они могут им полуоткровенно рассказать о том, что происходит вокруг них.

Анализ роли-защиты зеленого цвета поведения условно-здоровых осужденных показывает наличие выраженного страха перед стесненностью, зависимостью и принуждением. В тестовом выборе это соответствует отвержению зеленого цвета в ряду предпочтений (минус зеленый). Первая особенность этой роли заключается в том, что зеленый цвет в роли-защите развивает абсолютное притязание.

Тот, кто выставляет чрезмерные или бескомпромиссные притязания, кто хочет, чтобы все восхищались им и любили его, или тот, кто требует слепого послушания, тот, кто не хочет стареть, или тот, кто полагает, что не следует выполнять свои обязательства и соглашения, тот игнорирует действительность».

Вторая особенность поведения зеленого цвета в роли-защите — приня-

тие позиции «жизненной лжи». Причем это не просто детская лживость (что по механизму регресса может быть свойственно скорее синему цвету), это идеологизированная ложь: «В силу того, что он выставляет тотальное притязание, он воспринимает действительность, как стеснение и принуждение. И чтобы избежать ее необходимости, он уклоняется от нее... путем «вынужденной лжи» или так называемой лжи во спасение. Такие женщины не нашли возможности самовоплощения в социуме, что и привело их в криминальную среду и толкнуло на путь преступления. Поскольку человек хочет целиком и полностью обладать и тем и другим, то есть, как владеть и иметь в своем распоряжении, так и быть независимым и свободным, он оказывается неспособным решиться на что-либо» [5, с. 30] и создать продолжительные гармоничные отношения.

Данный портрет внешне беззаботной, но неспособной к ответственности и длительным гармоничным отношениям с другими и поэтому несчастной женщины.

Рис. 5

Внутри выборки обследованных ВИЧ-инфицированных осужденных, также обнаружены системные различия функционального состояния синего цвета (рис. 4). Так, 54 % (144 чел.) обследованных осужденных с диагнозом ВИЧ не обращаются за медико-психологической помощью. Именно для них и характерна в большей мере синяя роль-защита со страхом «пустоты», ограничением общения, иллюзорностью мировосприятия.

Для ВИЧ-инфицированных осужденных, обращающихся за помощью к врачам и психологам, более свойственно наличие роли-идола синего цвета с присущим ей стремлением к удовлетворению и удовольствиям, в том числе от межличностного общения.

Системное предпочтение черного в ряду цветов теста М. Люшера ВИЧ-инфицированными осужденными, не обращающимися к врачам, особенно ярко выражено на примере 128 психодинамического коэффициента (рис. 5).

128) 7/1+3

+7

Протестная реакция на сложившуюся ситуацию. Отстаивание собственной точки зрения. Субъективная оценка об-

стоятельств, непримиримое отношение к позиции окружающих, нетерпимость к мнению других. Противодействие внешнему давлению, средовым воздействиям, протест против судьбы.

-1-3

Чувство несчастья, вызванное разладом в сфере значимых межличностных контактов. Гневные реакции. Блокированность сексуальной потребности или иной значимой сферы самореализации. Возможность кардиалгии. Беспомощность с проявлениями раздражительности. Нарушен баланс между тенденцией к активности и контролем [5, с. 364].

Системное отвержение ВИЧ-инфицированными осужденными, обращающимися к врачам, черного цвета также ярко характеризует их функциональное состояние. Согласно М. Люшеру, положение черного в конце ряда цветопредпочтений говорит о стремлении избегать необходимости от чего-либо отказываться. Таким образом, системное отвержение дополнительного черного цвета усиливает тенденцию синей роли-идола в функционально-психологическом состоянии этих испытуемых.

Для понимания специфики психодинамики обращаемости за медико-психологической помощью осужденными с диагнозом «ВИЧ-инфекция» рассмотрим особенности психологических особенностей личности обращающихся и не обращающихся за помощью условно-здоровых осужденных.

На рисунке 6 видно, что для условно-здоровых осужденных, не обращающихся к врачам, характерна роль-защита желтого цвета (минус желтый). Основными психодинамическими силами, управляющими поведением желтого цвета в роли-защите, содержанием которой является страх утраты, выступают:

- страх любых самопроявлений, вообще любых изменений в своей судьбе: «как бы чего не вышло»; это, если можно так выразиться, прямой страх утраты того небольшого, что имеется. В этом случае человек полностью ориентирован на себя и зависит только от себя и своих установок;

- страх перед собственной потерянностью вследствие утраты партнера; это уже не просто страх, а зависимость от партнера. В этом случае человек полностью ориентирован на партнера и становится объектом манипуляции [5, с. 38].

Иными словами, для данных осужденных невступление в контакт с врачами и психологами может быть проявлением общей тенденции личности — боязни не справиться и «потерять лицо» в общении с другими людьми. Так, в терминологии транзактного анализа подобный человек стабилизирован в состоянии ребенка, ожидающего наказаний, которыми он не может управлять и старающегося не противоречить ожиданиям родителей, чтобы сохранить эти отношения. Эти

осужденные боятся любой ответственности, не хотят никого пускать в свой внутренний мир и делиться своими мыслями, не желают показывать истинное отношение к жизни.

Кроме того, роль-защита желтого цвета для данных испытуемых сопровождается системным принятием серого цвета (плюс серый) (рис. 7). Приведем в качестве иллюстрации 150 психодинамический коэффициент.

150) 8/1+4

+0

Реакция отхода от контактов с окружающими в связи с блокированностью насущных потребностей. Чувство усталости, ограничение сферы общения, снижение социальной активности. Необходимо покой, отдых, сочувствие и понимание.

-1-4

Состояние стресса, переживание разочарованности. Противоречивое сочетание разнонаправленных тенденций — стремление уйти от обременительных отношений и страх потерять объект привязанности.

-4-1

Тревожное беспокойство, базирующееся на внутренне конфликтном сочетании разнонаправленных тенденций: стремление к непосредственной самореализации без обременяющей ответственности сталкивается с тенденцией к повышенному самоконтролю. Коллебания настроения, проблема уязвленного самолюбия, неудовлетворенность тщеславия. Переживание нарушенных конгруэнтных отношений со значимыми окружающими. Стремление к подавлению неустойчивости эмоциональных проявлений. Дистресс. Выраженная подверженность средовым воздействи-

Рис. 6

ям, зависимость от реакции значимых других [5, с. 397].

Роль-идол (плюс желтый), характерная для условно-здоровых осужденных, обращающихся к врачам, предполагает наличие в поведении испытуемых двух противоположных психодинамических сил:

- стремление к отрыву, отъединению, целиком ориентированное в «иллюзорное» будущее;
- стремление освободиться от внешних принуждений или огорчений и обид, исходящих из прошлого. Таким образом, и само это стремление есть «иллюзорное» переделывание прошлого, которое, как известно, переделать нельзя.

Иными словами, обращение к врачам и психологам в данном случае является способом найти в их лице поддержку своего прошлого поведения, получить заступничество в виде оправдания этого поведения. Данные тенденции поведения усиливаются системным отвержением дополнительного серого цвета.

Итак, проведенный нами анализ функциональных спектров состояний (по методу расчета психодинамических

коэффициентов цветопредпочтений Д.В. Сочивко по восьмицветовому тесту М. Люшера) ВИЧ-инфицированных и условно-здоровых осужденных женщин, обращающихся и не обращающихся за медико-психологической помощью к персоналу исправительных учреждений, позволил сделать следующие выводы.

1. Основным психодинамическим содержанием поведения ВИЧ-инфицированных осужденных женщин является страх обедненности жизни переживаниями, страх перед «пустотой», а также страх перед лишениями. С целью самозащиты такие люди огораживают забором свою эмоциональную сферу и позволяют приближаться к себе любимому партнеру лишь постепенно, шаг за шагом. Этот страх перед «пустотой» замещается стремлением к собственной значимости для других людей. Для самоутверждения используются любые средства достижения значимости вплоть до самоотречения, отвержения собственного Я, в пользу возношения некоторого иллюзорного Мы. Однако за этим самоотречением стоит мощная потребность в том, чтобы другие

Рис. 7

тебя заметили, приняли и запомнили. Данные психологические особенности ВИЧ-инфицированных осужденных побуждают их отказываться от обращения за медико-психологической помощью к персоналу колонии.

2. Для ВИЧ-инфицированных осужденных, обращающихся за помощью к врачам и психологам, более свойственно стремление к удовлетворению и удовольствиям, в том числе от межличностного общения на фоне стремления избегать необходимости от чего-либо отказываться. Иными словами, мы видим более гармоничную, насыщенную позитивным содержанием, общением с другими людьми психологию. Настроив работу специалистов психологов и медиков на систематическое побуждение

ВИЧ-инфицированных осужденных к получению помощи от других людей, мы можем запустить процессы позитивной перестройки личности осужденных.

Литература

1. Калинова И.Л., Молостова Г.В. Особенности принятия болезни и качества жизни ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уровень жизни населения регионов России: науч.-практ. журн. — 2011. — № 1. — С. 75–80.
2. Люшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. — Воронеж: МОДЭК, 1995. — 176 с.
3. Санникова О.Е., Соловьев А.Г., Сидоров П.И. Социально-психологические аспекты дезадаптации ВИЧ-инфицированных лиц в пенитенциарной среде // Экология человека. — 2009. — № 4. — С. 20–24.
4. Сочивко Д.В. Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. — С. 52–63.
5. Сочивко Д.В. Цветопсиходинамика. — М.: МПСИ, 2009. — 432 с.

ТИПОЛОГИЯ СОТРУДНИКОВ УИС ПО ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ

О. А. Рожков

Аннотация: в статье описывается эмпирическое исследование взаимосвязи профессиональной деформации и мотивации сотрудников уголовно-исполнительной системы; анализируются ценностные ориентиры, ведущие и вытесняемые мотивы, осуществляется типология сотрудников.

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы, профессиональная деформация, ценности, мотивы.

The summary: empirical study of intercommunion between professional deformation and motivation of penal system employees depending are described in the article; value orientations, leading and excluded motives are analyzed and employees typology is realized.

Keywords: penal system employees, professional deformation, values, motives.

Анализ работ ряда исследователей (С.П. Безносков, 1997; С.Е. Борисова, 1998; И.М. Долматова, 2001; О.В. Крапивина, 2004; Е.А. Кузина, 2004) свидетельствует об интересе к проблеме профессиональной деформации сотрудников пенитенциарной системы. Степень изучения взаимосвязи профессиональной деформации и мотивации сотрудников УИС по вопросам психодиагностики, предпосылок и особенностей формирования признаков профессиональной деформации нам представляется недостаточной.

Для решения поставленной задачи нами использовался следующий методический инструментарий: наблюдение, анкетирование, тестирование (тест А.Г. Шмелева «Структура трудовой мотивации (СТМ-2)» [2]; методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» [5]; тест В.В. Бойко «Диагностика эмоционального выгорания» [1]; тест В.Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности» [3]), экспертная оценка руководителями качеств и психических состояний, индивидуально-психологических характеристик сотрудников, предложенная С.Д. Хачатуряном, С.А. Худоконенко, В.А. Гришиным [6], методы математико-статистического анализа [4], с помощью компьютерной программы STATISTICA 6.0.

Исследование взаимосвязи профессиональной деформации и мотивации было проведено в результате обследования 351 сотрудника УФСИН России по Оренбургской области, проходящих службу во всех структурных подразделениях (следственные изоляторы, колонии общего и строгого режимов, колонии-поселения, воспитательная колония, уголовно-исполнительные инспекции, отдел по конвоированию). Выборка по гендерному признаку состоит из 263 мужчин и 88 женщин; возраст респондентов колеблется от 18 до 47 лет, средний возраст составляет 32 года. На момент обследования 118 респондентов не состояли в зарегистрированном бра-

ке или их семья распалась, 233 — отметили свое семейное положение в брачных отношениях. Образовательный уровень был различен: от среднего образования до высшего. В обследовании участвовало 164 сотрудника младшего начальствующего состава и 187 — среднего начальствующего состава.

При проведении корреляционного анализа на уровне значимости $p \leq 0,001$ было установлено, что имеются значимые корреляционные связи мотивационных особенностей по шкалам примененных психодиагностических методик с признаками профессиональной деформации личности сотрудников (табл. 1). Это свидетельствует о наличии устойчивой зависимости профессиональной деформации от особенностей ценностно-мотивационной структуры личности.

Корреляционная связь РЦП (ранг ценности познание) $(-0,18)$ с редукцией профессиональных обязанностей указывает на отсутствие потребности в обучении, получении новых знаний при смещении этой ценности в вытесняемые. При утрате значимости обучения обнаруживается ригидность и шаблонность в выполнении поставленных служебных задач.

Корреляционная связь РЦС (ранг ценности счастливая семья) с неудовлетворенностью собой $(-0,20)$, загнанностью в клетку $(-0,22)$, личностной отстраненностью $(-0,19)$. Отсутствие «тыла» негативно влияет на успешность в профессиональной деятельности. Значимость семейных, гармоничных отношений с противоположенным полом отражается и на самооценке личности и его активности в общественной жизни.

РДИ (ранг ценности по доступности интересной работы) с неудовлетворен-

ностью собой $(-0,20)$, загнанностью в клетку $(-0,25)$. Ограниченность ощущения доступности интересной работы не только сопровождается разочарованием в собственных силах и потенциале, но и отражает тенденцию к невозможности повлиять как-либо на сложившийся характер ситуации. Эти особенности свидетельствуют или об отсутствии смелости сотрудника испытать себя в новых условиях профессиональной деятельности, или об ограниченности внутренних ресурсов для этих изменений.

ОА (общая активность), ТА (творческая активность), СП (социальная полезность), К (комфорт), СС (социальный статус) выявляют множественные корреляционные связи с признаками профессиональной деформации (табл. 1), такими как переживание психотравмирующих ситуаций, неудовлетворенность собой, загнанность в клетку, эмоционально-нравственная дезориентация, расширение сферы экономики эмоций, эмоциональный дефицит, эмоциональная отстраненность и личностная отстраненность. Выявленные корреляционные связи далее будут более подробно изучены при использовании методов многомерного анализа, которые обнаруживают себя на всех фазах формирования симптомов эмоционального выгорания.

В свою очередь, обнаруживают себя корреляционные связи О (общение) с эмоциональным дефицитом $(-0,25)$, ОО (ориентация на общение) с эмоциональной отстраненностью $(-0,19)$. Так, отсутствие возможности взаимодействовать в полном объеме влечет за собой как эмоциональный дефицит, так и отстраненность, и наоборот.

ВК (включенность в команду), имея корреляционную связь с неадекватным

Таблица 1

**Корреляционные связи мотивационных показателей
с признаками профессиональной деформации сотрудников УИС
по психодиагностическим методикам ($p \leq 0,001$)**

	РЦП	РЦС	РДИ	ОА	ТА	СП	К	СС	О	ОО
Переживание психотравмирующих обстоятельств	0,02	-0,05	-0,08	-0,07	-0,13	-0,13	-0,20	-0,11	-0,05	-0,14
Неудовлетворенность собой	-0,08	-0,20	-0,20	-0,20	-0,33	-0,36	-0,16	-0,21	-0,17	-0,05
Загнанность в клетку	-0,10	-0,22	-0,25	-0,08	-0,23	-0,31	-0,05	-0,17	-0,15	-0,10
Эмоционально-нравственная дезориентация	-0,04	-0,06	-0,10	-0,18	-0,17	-0,24	-0,03	-0,13	-0,11	-0,17
Расширение сферы экономики эмоций	-0,10	-0,11	-0,05	-0,05	-0,24	-0,20	-0,11	-0,19	-0,14	-0,03
Редукция профессиональных обязанностей	-0,18	-0,12	-0,08	0,01	-0,08	-0,11	0,05	-0,03	-0,05	-0,02
Эмоциональный дефицит	-0,05	-0,14	-0,17	-0,17	-0,29	-0,27	-0,09	-0,13	-0,25	-0,13
Эмоциональная отстраненность	-0,16	-0,16	-0,20	-0,11	-0,22	-0,30	0,01	-0,12	-0,17	-0,19
Личностная отстраненность	-0,11	-0,19	-0,16	-0,08	-0,24	-0,26	-0,11	-0,17	-0,13	-0,03

	ВК	СО	Д	С	СТ	Р	Л	ОР	УВС	ДР
Неудовлетворенность собой	-0,03	-0,11	0,07	0,05	0,03	-0,13	-0,18	-0,19	-0,13	-0,10
Загнанность в клетку	-0,07	-0,15	0,15	0,18	0,08	-0,08	-0,10	-0,09	-0,12	-0,21
Неадекватность избирательного эмоционального реагирования	-0,21	-0,05	0,20	0,16	0,10	-0,01	-0,10	-0,08	-0,09	-0,12
Расширение сферы экономики эмоций	-0,03	-0,22	0,09	0,13	-0,01	-0,05	-0,13	-0,06	-0,18	-0,15
Редукция профессиональных обязанностей	-0,15	-0,14	0,18	0,15	0,19	0,00	-0,05	-0,06	-0,10	-0,06
Эмоциональный дефицит	0,01	-0,11	0,01	0,09	0,13	-0,19	-0,10	-0,11	-0,08	-0,12
Эмоциональная отстраненность	-0,06	-0,18	0,16	0,21	0,07	-0,06	-0,07	-0,12	-0,05	-0,14
Личностная отстраненность	-0,13	-0,11	0,10	0,18	0,04	-0,01	-0,14	-0,08	-0,14	-0,14

Примечание: полужирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты корреляции.

избирательным эмоциональным реагированием (-0,21), указывает на уединенность, отстраненность от коллектива, воспринимается личностью как индивидуальность в восприятии окружающей действительности, особенностями эмоциональных реакций не соответствующих ситуации.

Мотив СО (служение обществу) соотносится с таким признаком профессиональной деформации, как расширение сферы экономии эмоций (-0,22), что свидетельствует об избегании ситуаций, когда необходимо проявление эмоций, участия, сопереживания в случаях равнодушия сотрудника к общественной значимости своего труда.

Положительную корреляцию обнаружили внешние мотивы трудовой деятельности с признаками профессиональной деформации. Мотив С (связи) с загнанностью в клетку (0,18), эмоциональной отстраненностью (0,21) и личностной отстраненностью (0,18). Выраженность взаимосвязи указанного мотива нами трактуется следующим образом. Компенсация как эмоциональной, так и личностной отстраненности, ощущения загнанности в клетку, сопровождается поиском поддержки коллег и сослуживцев, покровительства у вышестоящего руководства. Снижение уверенности в своих собственных силах, уровне профессионализма активизирует поддержку со стороны с целью сохранить эффективность деятельности в профессиональной сфере, создать условия для успешной карьеры.

Такие мотивы, как Д (деньги) и СТ (следование традициям), имеют положительную корреляционную связь с редукцией профессиональных обязанностей (соответственно 0,18 и 0,19). Значи-

мость традиций характеризует консерватизм, желание придерживаться хорошо знакомых видов деятельности, круга общения, способов решения проблем. Нежелание стремления к новому тем не менее сопровождается ориентацией на активный рост материального благосостояния.

Обнаружена корреляционная связь качеств сотрудников, определяемых по экспертной оценке руководством, с признаками профессиональной деформации: Р (раскованность) с эмоциональным дефицитом (-0,19); Л (ловкий) (-0,18) и ОР (оригинальный) (-0,19) с неудовлетворенностью собой; УВС (уверенный в себе) с расширением сферы экономии эмоций (-0,18). Таким образом, проявляются замкнутость при эмоциональном дефиците; шаблонность при выполнении служебных задач в случаях неудовлетворенности собой, присутствует неуклюжесть в действиях. Такое состояние, как ДР (дорожит работой) с загнанностью в клетку (-0,21), характеризует апатию к служебной деятельности, отсутствие стремления вложить все возможные внутренние ресурсы личности при ощущениях драматичности ситуации.

Обнаружив многочисленные корреляционные связи показателей методики В.Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности» с симптомами формирования фаз эмоционального выгорания, обратимся к методам многомерного анализа для конкретизации выявленных зависимостей.

В ходе применения факторного анализа были выделены два фактора. Основной результат, который подлежит интерпретации, оформлен в таблице факторных нагрузок (табл. 2). В нашем исследовании по фактору-1 максималь-

Таблица 2

Факторная структура мотивации сотрудников УИС по семи показателям методики В.Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности»

Переменные	Фактор-1	Фактор-2
Общая активность	0,774889*	0,166163
Творческая активность	0,823904	0,152305
Социальная полезность	0,835101	0,134798
Жизнеобеспечение	0,145731	0,761049
Комфорт	0,135956	0,852005
Социальный статус	0,645340	0,409687
Общение	0,514954	0,573996

Примечание: полужирным шрифтом выделены «весомые» показатели.

ные нагрузки имеют переменные: общая активность, творческая активность, социальная полезность, социальный статус. По фактору-2 выявлены следующие переменные: жизнеобеспечение, комфорт, общение.

Автором В.Э. Мильманом предлагается на основе всех ответов по методике составить суждение о рабочей (деловой) и общежитийской направленности личности. Так, сумма всех баллов по шкалам жизнеобеспечение, комфорт, социальный статус и общение характеризуют общежитийскую направленность личности; сумма баллов по шкалам общая активность, творческая активность и социальная полезность характеризуют «рабочую» направленность личности. В нашем исследовании факторная нагрузка по шкале социальный статус более «весомая» по фактору-1, поэтому она будет интерпретироваться нами в качестве элемента рабочей направленности личности. Применительно к объекту нашего исследования — сотруднику УИС, безусловно, критерии социального статуса определяются занимаемой должностью

и специальным воинским званием, то есть статусом на службе.

Применяя кластерный анализ, решаем задачу разделения совокупности респондентов на группы по выявленным признакам, которые определены после применения факторного анализа; обозначаются два кластера. Кластеризация сотрудников позволяет выделить следующие особенности их уровня мотивации (рис. 1). Так, для сотрудников кластера 2 выражена системность более высокого уровня мотивации по всем шкалам методики В.Э. Мильмана. Статистическое подтверждение различий между кластерами, подтверждается и на уровне значимости различий ($p < 0,001$).

Преобладание проявления признаков профессиональной деформации сотрудников кластера 1 носит системный характер по результатам методики В.В. Бойко «Диагностика эмоционального выгорания» (рис. 2). Значимость различий полученных результатов в кластерах подтверждается статистически для шкал: неудовлетворенность собой, эмоционально-нравственная дезориентация, эмоциональный дефицит,

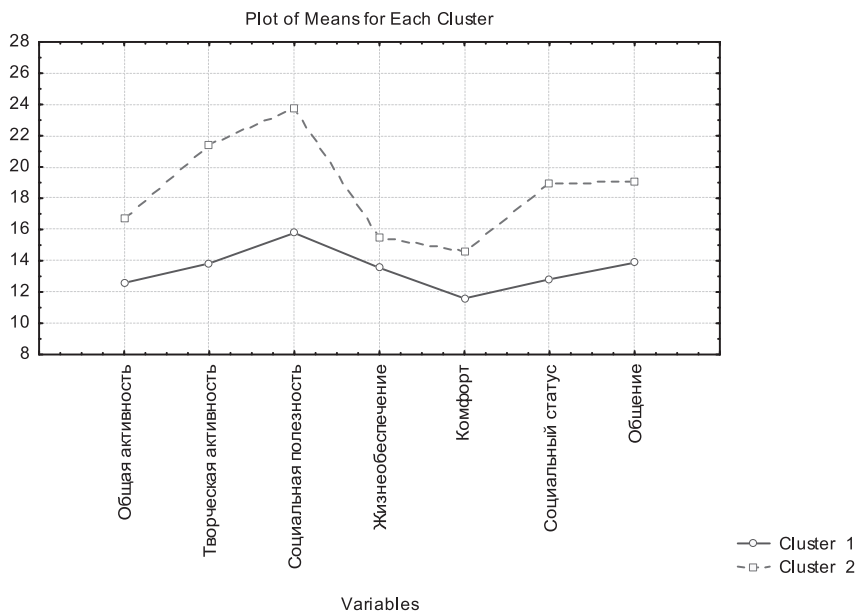

Рис. 1. Кластеризация выборки по методике В.Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности»

личностная отстраненность на уровне значимости $p < 0,001$; и для шкал: переживание психотравмирующих обстоятельств, загнанность в клетку, расширение сферы экономики эмоций, эмоциональная отстраненность на уровне значимости $p < 0,01$.

Выявлена статистическая значимость различий средних значений по шкалам примененных методик в исследуемых кластерах сотрудников УИС (табл. 3). Для мотивов служение обществу, сохранение здоровья значимость различий на уровне $p < 0,01$; для ценности уверенность в себе, таких особенностей, как авторитаризм в общении с осужденными, проявление раболепия перед начальством, воинствующее бескультурье значимость различий на уровне $p < 0,05$.

Шкалы методики: ППО — переживание психотравмирующих ситуаций, НС — неудовлетворенность собой, ЗК — загнанность в клетку, ТД — тревога и депрессия, НЭР — неадекватность избирательного эмоционального реагирования, ЭНД — эмоционально-нравственная дезориентация, РСЭЭ — расширение сферы экономики эмоций, РПО — редукция профессиональных обязанностей, ЭД — эмоциональный дефицит, ЭО — эмоциональная отстраненность, ЛО — личностная отстраненность, ПСВН — психосоматические и психовегетативные нарушения.

Сотрудники кластера 1 озабочены сохранением собственных энергетических ресурсов, которые на данный момент по какой-либо причине ограничены или истощены. Одновременно с этим прояв-

Средние значения по методике В.В. Бойко "Диагностика эмоционального выгорания" в двух кластерах сотрудников УИС

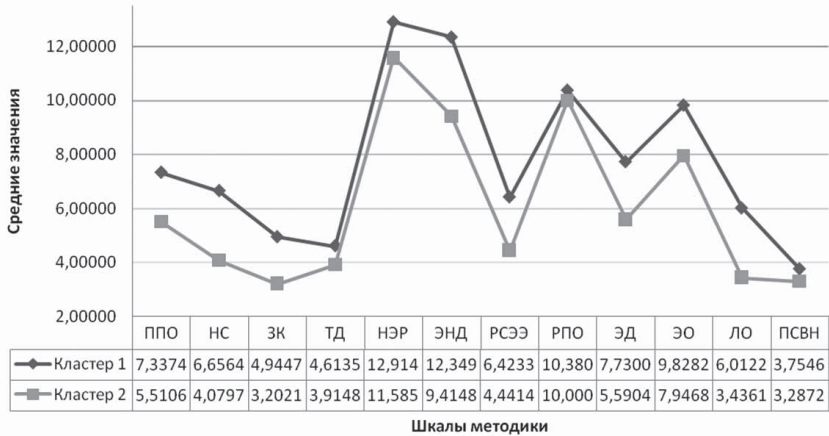

Рис. 2

ляется равнодушие к общественной значимости своего труда. Происходит ориентация на пользу себе и кругу близких людей. Достижение этой пользы, сопровождается авторитаризмом в общении с осужденными, воинствующим бескультурием и проявлением раболепия перед начальством.

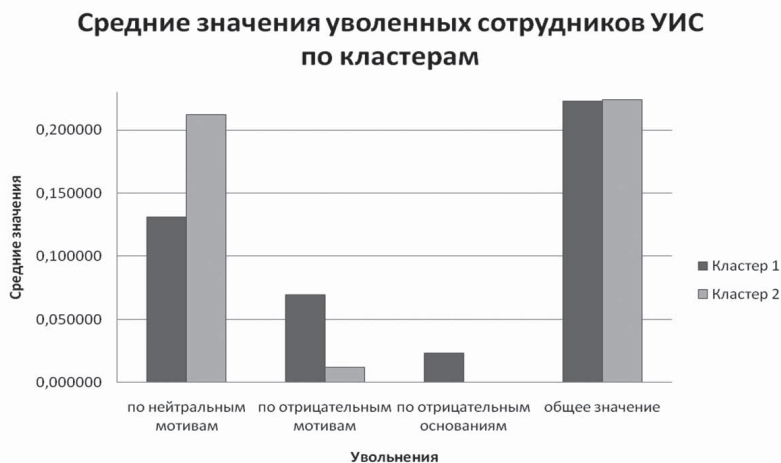
Для сотрудников кластера 2 уверенность в себе представляет большую ценность. Выражено преобладание мотива-

ции служение обществу, важно ощущение того, что деятельность, в которую они включены, имеет общественную и государственную значимость, и создает возможность чувствовать себя достойными и востребованными гражданами своей Родины. Они ради удовлетворения своих ведущих мотивов готовы потратить много сил и энергии, что, на наш взгляд, свидетельствует либо об энергичности, либо об увлеченности делом.

Таблица 3

Средние значения с основными различиями по шкалам методик сотрудников УИС двух кластеров

Шкалы\Кластеры сотрудников	Кластер 1	Кластер 2
Ценность уверенность в себе	6,9325	7,4707
Служение обществу	6,4398	7,1383
Сохранение здоровья	4,9564	4,4718
Авторитаризм в общении с осужденными	2,4601	2,1914
Проявление раболепия перед начальством	2,0245	1,8244
Воинствующее бескультурье	1,7546	1,5691

Рис. 3

Нам представляется интересным исследовать в выявленных кластерах причины увольнения сотрудников через два с половиной года службы в УИС (за период с 1 июня 2008 года по 1 декабря 2010 года). В контрольной группе участвовало 84 % сотрудников от выборки респондентов основного исследования. Разница процентного соотношения сотрудников в кластерах двух срезов незначительна и представляет собой по два процента.

Итак, общее значение уволенных сотрудников в двух кластерах статистически значимых различий не выявляет (рис. 3). Однако при рассмотрении мотивов и оснований увольнений выявлены следующие особенности. Для кластера 2 характерны увольнения по нейтральным мотивам (по выслуге лет, предельному возрасту, смена места жительства или смена места работы в силу личных предпочтений) и незначительная часть по отрицательным мотивам. Под отрицательными мотивами в контексте нашего исследования применялись следующие

критерии: сотрудник требует постоянного контроля со стороны руководства, допускает значительное количество ошибок, у него отсутствует способность в овладении необходимыми качествами и навыками для эффективной служебной деятельности, ему в итоге предлагают уволиться по собственному желанию с целью поиска более подходящей для него трудовой деятельности и его успешной самореализации в профессиональной сфере. Сотрудников кластера 2, уволенных по отрицательным основаниям не обнаружено.

Для сотрудников кластера 1 характерны увольнения не только по отрицательным мотивам, но и по отрицательным основаниям. Под отрицательными основаниями понимаются допущенные сотрудником нарушения служебной, исполнительской дисциплины, условий контракта и пр. Казалось бы, ну и пусть по отрицательным мотивам и основаниям количество уволенных сотрудников кластера 1 превалирует, общее то количество уволенных в двух кластерах

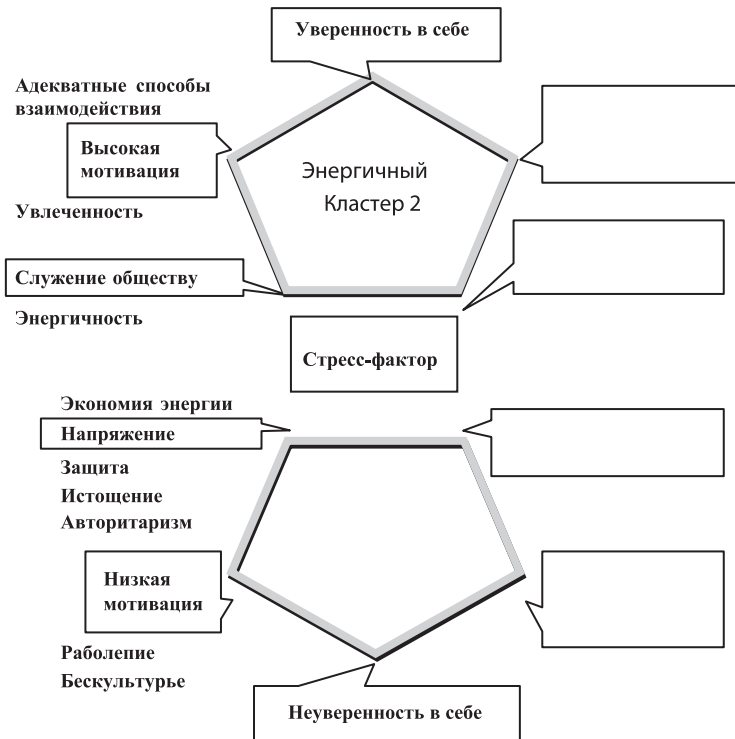

Рис. 4. Схематическое изображение особенностей кластеров сотрудников УИС в зависимости от взаимосвязи мотивации и профессиональной деформации

не выявляет различий. Следовательно, значение текучести кадров в обоих кластерах одинаково. В данном случае необходимо уделить внимание последствиям увольнений по отрицательным мотивам и основаниям. Эффективность деятельности всего коллектива, как правило, страдает из-за ошибок, просчетов одного из его членов. Требуется дополнительное время на их устранение, отвлечение дополнительных человеческих ресурсов, перераспределение сверхнагрузок на успешных сотрудников, что и приводит к отсутствию последовательности и планомерности деятельности всего учреждения, а в итоге и к сниже-

нию уровня его эффективности.

Учитывая результаты многомерного анализа, особенности причин увольнения в выявленных группах сотрудников, обратимся к схематическому изображению двух кластеров (рис. 4).

Группу сотрудников кластера-1 мы обозначим как «истощенный тип». Механизм формирования истощенного типа нами рассматривается с двух позиций: 1) когда сотрудник с момента поступления на службу уже имеет низкую мотивацию и ее уровень может сохраняться на протяжении всей карьеры; 2) когда сотрудник под воздействием стресс-факторов, пройдя все фазы эмоцио-

нального выгорания, истощен и испытывает потребность в экономии энергетических ресурсов в повседневной профессиональной деятельности. Причем если при первой позиции изначально неуверенность в себе, низкая мотивация и экономия энергии, приводящие к деструктивным формам взаимодействия, то при второй позиции истощение влечет за собой проявление признаков деформации, развитие неуверенности, снижение уровня мотивации и чрезмерную заботу о своем здоровье.

Группу сотрудников кластера-2 мы обозначим как «энергичный тип». Механизм формирования энергичного типа нами будет рассматриваться также с двух позиций: 1) когда сотрудник, уверенный в себе, начиная с первых дней службы, имеет высокий уровень мотивации, увлечен процессом профессиональной деятельности, выстраивает конструктивные взаимодействия с окружающими; 2) когда в процессе развития личности формируется уверенность в себе, повышается уровень мотивации, происходит переориентация с личных выгод на общественные, приобретает навык адекватного контакта в сфере общения и успешно преодолеваются стресс-факторы. Поддержание высокого уровня мотивации возможно при реализации мотивов на пути профессионального становления, карьерного роста сотрудника. Самореализация в профессиональной сфере позволяет сотруднику сохранять уверенность в себе и использовать адекватные способы взаимодействия с окружающими.

Переход из «энергичного типа» в «истощенный тип» подразумевает снижение мотивации и эффективности в служебной деятельности, проявление

признаков профессиональной деформации. В то время как для перехода из «истощенного типа» в «энергичный тип» ожидается рост мотивации, качественные изменения в результативности повседневной деятельности, в процессе профессионального становления. Общим для этих двух переходов нам представляется встреча со стресс-фактором, который в первом случае «выбивает почву из-под ног», во втором — является катализатором для роста личности.

Таким образом, нами выявлена как положительная, так и отрицательная корреляционная взаимосвязь мотивации с признаками профессиональной деформации; с использованием многомерных методов исследования осуществлена классификация сотрудников уголовно-исполнительной системы по двум типам: «истощенный» и «энергичный», описаны механизмы их формирования.

Литература

1. *Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. — СПб., 1999.
2. *Зеличенко А.И., Шмелев А.Г.* О классификации мотивационных факторов трудовой деятельности и профессионального выбора // *Вестн. Моск. ун-та.* — Сер. 14. Психология. — 1987. — № 4. — С. 33-43.
3. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2000. — 512 с.
4. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Речь, 2006. — 392 с.
5. *Фанталова Е.Б.* Диагностика внутреннего конфликта // *Журн. практ. психолога.* Прил. 2. — М.: Фолиум, 1997. — 48 с.
6. *Хачатурян С.Д., Худоконенко С.А., Гришин В.А.* Исследование взаимосвязи уровня выраженности профессиональной деформации и индивидуально-психологических особенностей сотрудников УИС (с использованием элементов математической статистики) // *Правоохранительная деятельность в России и США.* — Владимир, 1999. — С. 83-97.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Г. П. Иванов, Е. Ф. Коваленко

Аннотация: работа посвящена актуальной и достаточно сложной проблеме профессионального становления специалиста в условиях обучения в вузе. Безусловно, значимым фактором решения данного вопроса являются работы, выполненные в рамках акмеологии А.А. Бодалевым, А.А. Деркачом, Е.Н. Богдановым, В.Г. Зазыкиным, Н.В. Кузьминой. Названные авторы и их коллеги многое сделали для прояснения понятий «профессионализм», «профессионал».

Анализ и интерпретация полученных результатов позволили обозначить структуру личности студентов и ее изменения в процессе профессионального образования с 1-го по 5-й курс включительно. Проведенная работа позволила создать профессиограмму практического психолога. Тем самым был внесен вклад в разработку эталонной модели личности профессионала.

Ключевые слова: самоопределение, акмеология, профессионализм, профессионал.

The summary: the work is dedicated to the actual and difficult problem of the professional development of he specialist during his (her) study in the Higher School. The work made by А.А. Bodalev, А.А. Derkach, Е.Н. Bogdanov, V.G. Zazikin, N.V. Kuzmina is an important factor in the resolving of this problem. The authors and their colleagues made a lot to precise the conception of «professionalism», «professional». The analysis of the results shows

the structure of the personality of the student and his (her) changes during the professional education from 1 till 5 course. The work made by the authors helped to create the profессиogram of the practical psychologist.

The authors made the contribution in the creation of the model of the personality of the professional.

Keywords: self-determination, acmeology, professionalism, professional.

Исследование проблемы профессионального становления студентов тема вечная, но изучение особенностей самоопределения в процессе профессионального становления — тема в теме. Перед нами как бы возникают два основных вопроса: какие требования предъявляет к нам профессия и какие требования предъявляю я сам к себе, чтобы стать профессионалом?

Самоопределение личности — это сложный, многоаспектный процесс, разворачивающийся в рамках всего жизненного пути человека, который имеет рефлексивно-смысловую природу. Сущность самоопределения состоит в нахождении новых, все более глубоких и обоснованных смыслов своей жизни и осознанных способов их реализации.

В отечественной психологии самоопределение рассматривается как готовность человека осознанно и самостоятельно планировать и реализовывать перспективы своего развития.

Условно можно выделить следующие основные типы самоопределения: профессиональное, жизненное и личностное.

Профессиональное самоопределение личности — это составная часть общего самоопределения личности, определение себя в профессиональной деятельности, направленность на профессиональное будущее. Человек всегда стремится жить так, как хочет и может, то есть к своей полноценной самореализации. Найти себя, поняв, что ты хочешь и можешь, воплотить свои замыслы в жизнь, несмотря на все трудности и преграды, — это необходимый признак самореализации.

Главная цель профессионального самоопределения: постепенное формирование у личности готовности рассматривать себя развивающейся в рамках определенного времени, пространства и смысла, постоянно расширять свои возможности и максимально их реализовывать.

Становление личности профессионала определяется не только ролью трудовой деятельности в жизни человека. На наш взгляд, мы не должны забывать важный методологический принцип, сформулированный А.А. Бодалевым: «...мы постоянно должны помнить, что настоящий глубокий и широкий профессионализм не может вырастать у человека из занятия только одной и той же деятельностью, которой он посвятил себя, особенно если эта деятельность сложна по своему характеру. Высший профессионализм, хотя и невозможен без развития у человека специальных способностей, которые как своим содержанием, так и формой были бы тесно притерты к требованиям конкретной

деятельности, и без соответствующих этим требованиям знаний и умений, но важнейшим условием достижения такого профессионализма также является мощное развитие у человека общих способностей...». И эта мысль не противоречит тому, что мы отмечаем далее.

Процесс формирования личности профессионала и достижения определенного уровня пригодности к конкретному труду обуславливается, с одной стороны, синтезом возможностей, способностей и активности личности, а с другой — требованиями деятельности. На основе этого синтеза, включения личности в трудовой процесс формируется субъект деятельности.

В 2008–2011 гг. на базе Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института (далее — Филиала) было проведено исследование с целью изучения самоопределения личности в условиях профессионального становления в вузе, в ходе которого было выдвинуто предположение о том, что:

- существует взаимосвязь самореализации личности и трудовой жизни, она носит прямой характер, что обуславливает соответствие степени удовлетворенности трудовыми отношениями высокой степени удовлетворенности трудом;
- существуют социально-психологические показатели трудовой самореализации личности, высокая степень сформированности и согласованности которых будет способствовать возникновению позитивной ситуации в профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие студенты четырех факультетов Филиала, а именно:

Таблица 1

Психодиагностические методы, с помощью которых изучался феномен профессионального самоопределения личности

Название блока	Применяемая методика	Цель применения данной методики
<i>Психология общения</i>	Оценка самоконтроля в общении	Оценка уровня коммуникативного контроля
	Компетентность в общении	Оценка уровня коммуникабельности в общении
	Коммуникативные установки В.В. Бойко	Изучение коммуникативных установок
	Диагностика доминирующей стратегии психологической защиты в общении В.В. Бойко	Определение присущей стратегии психологической защиты в общении
<i>Эмоционально-личностные особенности и состояния</i>	Шкала оценки уровня ситуационной и личностной тревожности (Спилберг, Ханин)	Оценка уровня ситуационной и личностной тревожности
	Методика измерения уровня тревожности Тейлора (адаптация Т.А. Немчинова)	Оценка уровня тревоги
	Методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний Зунге (адаптация Т.И. Балашовой)	Выявление депрессивных состояний (степень их выраженности)
	Уровень социальной фрустрированности Л.И. Вассермана (модификация В.В. Бойко)	Степень неудовлетворенности (удовлетворенности) социальными достижениями в различных сферах деятельности
	Оценка агрессивности в отношениях (А. Ассингера)	Степень корректности в отношениях с окружающими
	Диагностика самооценки психических состояний (по Г. Айзенку)	Самооценка 4-х групп психических состояний
	Опросник Шмишека. Акцентуация характера	Выявление присущей акцентуации характера
<i>Профессиональные склонности и предпочтения</i>	Дифференциально-диагностический опросник (ДДО)	Изучение профессиональных склонностей и интересов
	Опросник Дж. Холланда	Определение соответствия психологического типа личности в сфере профессиональной деятельности

- студенты факультета менеджмента (123 чел.);
- студенты экономического факультета (116 чел.);
- студенты психологического факультета (123 чел.);
- студенты факультета журналистики, связей с общественностью и международных отношений (133 чел.).

Таким образом, общее количество выборки составило 495 респондентов, из которых 375 — представили женского пола и 120 — представители мужского пола. Возраст обследуемых респондентов 17–19 лет, возрастная категория — молодежь.

Формирование выборки респондентов осуществлялось согласно научно-

методическим критериям: содержательный критерий (критерий операциональной валидности); критерий эквивалентности испытуемых (критерий внутренней валидности); критерий репрезентативности (критерий внешней валидности).

Отбор психодиагностических методик, для изучения самоопределения студентов (табл. 1), проводился на основе научно-методических требований к тестам: надежность, валидность, достоверность, репрезентативность.

После первичной обработки полученных в ходе исследования данных полученный результат был подвергнут математическому анализу, который осуществлялся с помощью применения компьютерного статистического пакета SPSS с последующей психологической интерпретацией.

Данные были подвергнуты корреляционному (табл. 2); факторному (табл. 3) и кластерному (диаграмма 1) видам математического анализа.

Факторизация данных позволила выделить пять основных факторов, отражающих самоопределение личности в условиях профессионального становления в вузе.

Для удобства рассмотрения и описания результаты корреляционного и факторного анализа были сведены в общую таблицу (табл. 4)

О результатах, полученных в ходе математического анализа (корреляционного и факторного), можно отметить следующее.

В первый фактор (вес 2,9) «стратегия доминирующей защиты» вошли такие компоненты, как «миролюбие» (-0,8) и «агрессия» (0,9), охарактеризуем его как фактор специфики источника защиты.

Как показывает корреляционный анализ полученных данных, оба символа, составившие ядро фактора, взаимосвязаны ($r = -0,76$, при $p < 0,5$). Однако эта связь носит отрицательный характер, то есть при повышении уровня миролюбия (как доминирующей стратегии психологической защиты) уровень психологической стратегии «агрессии» понизится.

Такой символ, как «фрустрация», отрицательно умеренно коррелирует с символом «миролюбие» ($r = -0,31$) и положительно — с символом «агрессия» (0,23), но эта связь слабая. Наличие этих связей позволяет предположить следующее: чем ярче выражена у респондента психологическая стратегия защиты субъективной реальности личности, в которой ведущую роль играют интеллект и характер (миролюбие), тем меньше вероятность того, что ему характерно состояние психического напряжения, обусловленного неудовлетворенностью достижениями.

Между символами «миролюбие» и «ригидность» прослеживается отрицательная умеренная связь ($r = -0,34$), то есть при наличии у опитанта психологической стратегии доминирующей защиты «миролюбие» уровень состояния ригидности (затрудненности — вплоть до полной неспособности) низкий.

При интерпретации символа «агрессия» было выявлено наличие следующих корреляционных связей: агрессия-откровенный негативизм ($r = 0,25$) — слабая положительная взаимозависимость, то есть при повышении агрессии уровень откровенного негативизма тоже будет повышаться и, наоборот, при понижении первого второй также понизится; агрессия-избегание ($r = -0,55$) — отрицательная средняя связь.

Таблица 2

**Обобщенные результаты корреляционного анализа ($r < 0,5$).
Корреляция синхронная, линейная, высчитывалась по коэффициенту Пирсона**

Переменные	r	Уровень связи
1	2	3
Гипертимность — дистимичность	-0,41	Отрицательная умеренная
Циклотимность — эмотивность	0,38	Положительная умеренная
Циклотимность — застревание	0,33	Положительная умеренная
Циклотимность — застревание	0,33	Положительная умеренная
Циклотимность — возбудимость	0,46	Положительная умеренная
Циклотимность — экзальтированность	0,46	Положительная умеренная
Циклотимность — миролюбие	-0,35	Отрицательная умеренная
Циклотимность — фрустрация	0,42	Положительная умеренная
Циклотимность — агрессия	0,46	Положительная умеренная
Циклотимность — ригидность	0,42	Положительная умеренная
Эмотивность — тревожность	0,36	Положительная умеренная
1	2	3
Эмотивность — экзальтированность	0,32	Положительная умеренная
Эмотивность — фрустрация	0,33	Положительная умеренная
Демонстративность — агрессия	0,31	Положительная умеренная
Демонстративность — оценка самоконтроля в общении	0,31	Положительная умеренная
Застревание — открытый негативизм	0,34	Положительная умеренная
Застревание — ригидность	0,31	Положительная умеренная
Педантичность — тревожность	0,36	Положительная умеренная
Тревожность — фрустрация	0,34	Положительная умеренная
Возбудимость — экзальтированность	0,44	Положительная умеренная
Возбудимость — миролюбие	-0,37	Отрицательная умеренная
Возбудимость — агрессия	0,41	Положительная умеренная
Возбудимость — фрустрация	0,39	Положительная умеренная
Возбудимость — ригидность	0,34	Положительная умеренная
Экзальтированность — реалистический тип личности	-0,30	Отрицательная умеренная
Экзальтированность — фрустрация	0,37	Положительная умеренная
Экзальтированность — агрессия	0,33	Положительная умеренная
Реалистический т/л — предприимчивый т/л	-0,55	Отрицательная средняя
Реалистический т/л — миролюбие	0,30	Положительная умеренная
Конвенциональный т/л — интеллектуальный т/л	-0,43	Отрицательная умеренная
Конвенциональный т/л — артистический т/л	-0,48	Отрицательная умеренная

Интеллектуальный т/л — социальный т/л	-0,30	Отрицательная умеренная
Застревание — открытый негативизм	0,34	Положительная умеренная
Застревание — ригидность	0,31	Положительная умеренная
Педантичность — тревожность	0,36	Положительная умеренная
Тревожность — фрустрация	0,34	Положительная умеренная
Возбудимость — экзальтированность	0,44	Положительная умеренная
Возбудимость — миролюбие	-0,37	Отрицательная умеренная
Возбудимость — агрессия	0,41	Положительная умеренная
Возбудимость — фрустрация	0,39	Положительная умеренная
Возбудимость — агрессия	0,43	Положительная умеренная
Возбудимость — ригидность	0,34	Положительная умеренная
Экзальтированность — реалистический тип личности	-0,30	Отрицательная умеренная
Экзальтированность — фрустрация	0,37	Положительная умеренная
Экзальтированность — агрессия	0,33	Положительная умеренная
Реалистический т/л — предприимчивый т/л	-0,55	Отрицательная средняя
Реалистический т/л — миролюбие	0,30	Положительная умеренная
Конвенциональный т/л — интеллектуальный т/л	-0,43	Отрицательная умеренная
Конвенциональный т/л — артистический т/л	-0,48	Отрицательная умеренная
Интеллектуальный т/л — социальный т/л	-0,30	Отрицательная умеренная
Предприимчивый т/л — социальный т/л	-0,46	Отрицательная умеренная
Предприимчивый т/л — профессиональная сфера «человек — природа»	-0,36	Отрицательная умеренная
Артистический т/л — профессиональная сфера «человек — человек»	-0,31	Отрицательная умеренная
Профессиональная сфера «человек — природа» — профессиональная сфера «человек — техника»	-0,39	Отрицательная умеренная
Профессиональная сфера «человек — природа» — профессиональная сфера «человек — знаковая система»	-0,42	Отрицательная умеренная
Профессиональная сфера «человек — знаковая система» — брюзжание	0,34	Положительная умеренная
Миролюбие — агрессия	-0,76	Отрицательная сильная
Миролюбие — фрустрация	-0,31	Отрицательная умеренная
Миролюбие — агрессия	-0,49	Отрицательная умеренная
Миролюбие — ригидность	-0,34	Отрицательная умеренная
Избегание — агрессия	-0,55	Отрицательная средняя
Агрессия — агрессия	0,49	Положительная умеренная
Завуалированная жестокость — брюзжание	0,30	Положительная умеренная
Открытая жестокость — открытый негативизм	0,31	Положительная умеренная

Открытая жестокость — брюзжание	0,54	Положительная средняя
Открытая жестокость — негативный опыт общения	0,30	Положительная умеренная
Открытый негативизм — брюзжание	0,45	Положительная умеренная
Открытый негативизм — негативный опыт общения	0,30	Положительная умеренная
Брюзжание — негативный опыт общения	0,57	Положительная средняя
Личностная тревожность — ситуационная тревожность	0,69	Положительная средняя
Личностная тревожность — социальная фрустрированность	0,32	Положительная умеренная
Компетентность в общении — фрустрация	0,39	Положительная умеренная
Тревожность — фрустрация	0,43	Положительная умеренная
Фрустрация — агрессия	0,39	Положительная умеренная
Фрустрация — ригидность	0,54	Положительная средняя
Агрессия — ригидность	0,51	Положительная средняя

Агрессия — это психологическая стратегия защиты субъективной реальности личности, действующая на основе инстинкта. Инстинкт агрессии — один из «большой четверки» инстинктов, свойственных всем — голод, секс, страх и агрессия. Это и объясняет тот неоспоримый факт, что агрессия не выходит из репертуара эмоционального реагирования. Избегание — психологическая стратегия защиты субъективной реальности, основанная на экономии интеллектуальных и эмоциональных ресурсов.

Указанное объясняет наличие отрицательной корреляционной взаимозависимости между этими символами.

Во второй фактор (вес 2,82) с наибольшими факторными нагрузками вошли символы: «брюзжание» (0,83), «открытая жестокость» (0,8), «негативный опыт общения» (0,8). Назовем данный фактор «коммуникативные установки» и охарактеризуем его как признаки установок в общении.

Как показывает корреляционный анализ данных, эти три символа составляют ядро фактора и между ними

прослеживается положительная взаимозависимость.

Однако между символами «откровенная жестокость» и «завуалированная жестокость» ($r = 0,27$) наблюдается положительная слабая корреляционная связь; между символами «откровенная жестокость» и «обоснованный негативизм» ($r = 0,31$) — положительная умеренная связь.

Символ «брюзжание» положительно умеренно коррелирует с символами «обоснованный негативизм» ($r = 0,45$) и «завуалированная жестокость» ($r = 0,30$). Данный факт позволяет выдвинуть предположение о том, что при повышении уровня установки «брюзжание» (склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами) такие установки, как «обоснованный негативизм» (обусловлена отрицанием в выводах о некоторых типах людей) и «завуалированная жестокость», тоже повысятся.

Третий фактор (вес 2,4) включает в себя символ «экзальтированный тип ак-

Таблица 3

Результаты факторного анализа

№ п\п	Название фактора	Вес фактора	Характеристика фактора	Компоненты фактора	
1	Стратегия доминирующей защиты	2,9	Специфика источника защиты	Миролюбие Агрессия	-0,80,9
2	Коммуникативные установки	2,82	Признаки установок в общении	Открытая жестокость Брюзжание Негативный опыт	0,80,830,8
3	Экзальтированность	2,4	Склонность к аффективной экзальтации	Экзальтированный тип акцентуации	0,8
4	Виды тревожности	2,3	Уровень тревожности как состояние (в конкретной ситуации) и как характеристика личности	Личностная тревожность Ситуационная тревожность	0,840,9
5	Типы личности	2,14	Определение соответствия психологического типа личности сфере профессиональной деятельности	Конвенциональный Артистический	-0,80,77

центуации характера». Назовем данный фактор «экзальтированность» и охарактеризуем как склонность к аффективной экзальтации. Яркими чертами этого фактора являются: способность восторгаться, восхищаться, улыбочивость, ощущение счастья, радости, наслаждения. Эти чувства у людей могут часто возникать по причине, которая у других не вызывает большого подъема; они легко приходят в восторг от радостных событий и в полное отчаяние — от печальных. Им свойственна высокая контактность, словоохотливость, влюбчивость. Такие люди часто спорят, но не доводят дела до открытых конфликтов. В конфликтных ситуациях они бывают как активной, так и пассивной стороной. Они привязаны к друзьям и близким, альтруистичны, имеют чувство сострадания, хороший вкус, проявляют яркость и искренность чувств.

В четвертый фактор (вес 2,3) вошли следующие символы: «личностная тревожность» (0,8) и «ситуационная тревожность» (0,9). Назовем данный фактор «виды тревожности» и охарактеризуем его так: уровень тревожности как состояние (в конкретной ситуации) и как характеристика личности.

Как показал результат корреляционного анализа данных, оба символа, составляющие ядро фактора, взаимосвязаны ($r = 0,69$, при $p < 0,5$), то есть чем выше уровень личностной тревожности, тем выше уровень ситуационной тревожности, и наоборот, при понижении уровня личностной тревожности, уровень ситуационной тревожности снижается.

Личностная и ситуационная тревожность положительно коррелирует с социальной фрустрированностью. Можно предположить, что при повышении уровня тревожности увеличится веро-

Таблица 4

Обобщенные результаты корреляционного и факторного анализа

Вес фактора	Компоненты	Основные корреляционные связи	Дополнительные корреляционные связи
2,9	Миролюбие (-0,8) Агрессия (0,9)	Миролюбие – агрессия (-0,76)	Миролюбие – фрустрация (-0,31)
			Миролюбие – ригидность (-0,34)
			Агрессия – избегание (-0,55)
			Агрессия – открытый негативизм (0,25)
			Агрессия – фрустрация (0,23)
2,82	Открытая жестокость (0,8) Брюзжание (0,83) Негативный опыт (0,8)	Открытая жестокость – брюзжание (0,54)	Завуалированная жестокость – открытая жестокость (0,27)
			Завуалированная жестокость – брюзжание (0,30)
		Открытая жестокость – негативный опыт общения (0,51)	Открытая жестокость – открытый негативизм (0,31)
			Открытый негативизм – брюзжание (0,45)
2,4	Экзальтированность (0,8)		Экзальтированность – циклотимность (0,46)
			Экзальтированность – эмотивность (0,32)
			Экзальтированность – демонстративность (0,27)
			Экзальтированность – застревание (0,24)
			Экзальтированность – возбудимость (0,44)
			Экзальтированность – реалистический тип личности (-0,30)
			Экзальтированность – миролюбие (-0,22)
			Экзальтированность – компетентность в общении (0,29)
			Экзальтированность – фрустрация (0,37)
			Экзальтированность – агрессия (0,33)
Экзальтированность – ригидность (0,21)			

ятность психического напряжения, обусловленного неудовлетворенностью достижениями и положением личности в обществе.

Символ «личностная тревожность» положительно слабо коррелирует с такими символами, как «компетентность

в общении» ($r = 0,29$) и «фрустрация» ($r = 0,23$), то есть тревожность как состояние и характеристика личности оказывает очень слабое влияние на уровень компетентности в общении.

Между символами «ситуационная тревожность» и «демонстративность» на-

2,3	Личностная тревожность (0,8) Ситуационная тревожность (0,9)	Личностная тревожность — ситуационная тревожность (0,69)	Ситуационная тревожность — демонстративность (-0,24)
			Личностная тревожность — компетентность в общении (0,29)
			Личностная тревожность — социальная фрустрированность (0,32)
			Личностная тревожность — фрустрация (0,23)
			Ситуационная тревожность — социальная фрустрированность (0,27)
2,14	Конвенциональный тип личности (-0,8) Артистический тип личности (0,77)	Конвенциональный т/л — артистический т/л (-0,48)	Конвенциональный т/л — интеллектуальный т/л (-0,43)
			Конвенциональный т/л — профессиональная сфера «человек — художественный образ» (-0,24)
			Артистический т/л — интеллектуальный т/л (0,24)
			Артистический т/л — предприимчивый т/л (-0,21)
			Артистический т/л — профессиональная сфера «человек — человек» (-0,31)
			Артистический т/л — профессиональная сфера «человек — художественный образ» (0,22)

блюдается отрицательная слабая связь ($r = -0,24$), что свидетельствует о низкой степени взаимовлияния и взаимозависимости между этими символами.

Тревожность — личностная черта, проявляющаяся в легком и частом возникновении состояния тревоги. Тревожность возникает при благоприятном фоне свойств нервной и эндокринной систем, но формируется прижизненно, прежде всего в силу нарушения форм внутри- и межличностного общения, например между родителями и детьми.

Тревожность — это особое эмоциональное состояние субъекта, которое выражается в повышенной эмоциональной напряженности, сопровождающейся страхами, беспокойством, опасениями и т. д., что препятствует нормальной деятельности и общению с людьми.

В пятый фактор (вес 2,14) с наибольшими факторными нагрузками вошли такие символы, как «конвенциональный тип личности» (-0,8) и «артистический тип личности» (0,77). Назовем данный фактор «типы личности» и охарактеризуем его как определение соответствия психологического типа личности сфере профессиональной деятельности.

Как показывает корреляционный анализ данных, оба эти символа составляют ядро фактора и им характерна отрицательная умеренная взаимозависимость.

Эти символы коррелируют с интеллектуальным типом личности. Однако между символами «конвенциональный тип личности» и «интеллектуальный тип личности» корреляционная связь носит отрицательный умеренный характер

($r = -0,43$), а между символами «артистический тип личности» и «интеллектуальный тип личности» наблюдается положительная слабая взаимосвязимость ($r = 0,24$).

В первом случае данный факт может выражаться в следующем: чем выше у человека развита стереотипность, конкретность, практичность мышления, тем менее он аналитичен, рационален, независим, оригинален. Во втором же случае можно предположить, что чем лучше развита у человека оригинальность мысли, вербальные и моторные способности, тем более он аналитичен, рационален, независим и т. д.

Между символом «конвенционный тип личности» и профессиональной сферой «человек-художественный образ» наблюдается отрицательная слабая корреляционная связь ($r = -0,24$), то есть чем выше у человека развита стереотипность, конкретность, практичность мышления, тем меньше он склонен к таким профессиям, как архитектор, фотограф, актер, художник.

Между символами «артистический тип личности» и «предприимчивый тип личности» прослеживается отрицательная слабая взаимосвязимость ($r = -0,21$), это позволяет предположить, что если человек опирается на эмоции, воображение, интуицию, если он имеет сложный взгляд на жизнь, независим в решениях, тем меньше вероятность того, что он выберет цели, позволяющие проявить энергию, энтузиазм и импульсивность.

Кластерный анализ переменных позволил разделить респондентов на группы по совокупности схожих индивидуально-личностных черт. Результаты кластерного анализа (иерар-

хический кластерный анализ; метод полной связи) представлены на рисунке 1. Рассмотрим три самых больших кластера подробнее.

КЛАСТЕР 1. Является самым большим, в нем объединились такие переменные, как: социальная фрустрированность; застревающий тип акцентуации характера; обоснованный негативизм; завуалированная жестокость; откровенная жестокость; брюзжание; негативный опыт общения; циклотимный тип акцентуации характера; экзальтированный тип акцентуации характера; возбудимый тип акцентуации характера; агрессия; компетентность в общении; тревожность; фрустрация; ригидность.

О респондентах, представляющих данный кластер, можно сказать следующее: это люди вспыльчивые, подозрительные, которым характерны повышенная импульсивность, тревожность, затрудство, частые колебания настроения. В общении используют такие стратегии психологической защиты, как обоснованный негативизм, откровенная жестокость, брюзжание и негативный опыт общения.

Указанная группа опрашиваемых респондентов подвержена фрустрационным и агрессивным тенденциям.

КЛАСТЕР 2. Представлен такими переменными, как: эмотивный тип акцентуации характера; предприимчивый тип личности; тревожная акцентуация характера; реалистичный тип личности; артистический тип личности; социальный тип личности; профессиональная сфера «человек-природа»; личностная тревожность; ситуационная тревожность.

Описывая этот класс людей, необходимо отметить, что для них характерны: эмоциональная зависимость, повышен-

ный уровень тревожности как личностной, так и ситуационной, повышенный уровень чувствительности и боязливости. Эти люди стремятся к лидерству, в структуре интеллекта выражены вербальные способности и социальные умения, им присущ эмоционально сложный взгляд на жизнь. Это отзывчивые и впечатлительные люди, бережно относящиеся к природе и животным.

КЛАСТЕР 3. Самый малочисленный кластер, в нем выделены такие составляющие, как: конвенциональный тип личности; профессиональная сфера «человек-знаковая система»; дистимичная акцентуация характера; профессиональная сфера «человек-человек»; профессиональная сфера «человек-техника»; брюзжание.

О респондентах, представляющих данный кластер, можно сказать следующее: это угрюмые, заторможенные люди, предпочитающие четкую структурированную деятельность. Им свойственны консерватизм, зависимость и подчиненность; у них преобладают невербальные способности, им характерна немногословность в беседе, даже молчаливость. Они выбирают такие профессиональные сферы деятельности, как «человек-знаковая система» и «человек-техника».

Расшифровка обозначений факторного и кластерного анализа

Г — гипертимная акцентуация характера;
ДС — дистимичная акцентуация характера;
Ц — циклотимная акцентуация характера;
ЭМ — эмотивная/эмоциональная акцентуация характера;

Д — демонстративная акцентуация характера;
З — застревающая акцентуация характера;
П — педантичный тип акцентуации характера;
Т — тревожный тип акцентуации характера;
В — возбудимый тип акцентуации характера;
ЭК — экзальтированный тип акцентуации характера;
Р — реалистический тип личности;
К — конвенциональный тип личности;
И — интеллектуальный тип личности;
П — предприимчивый тип личности;
С — социальный тип личности;
А — артистический тип личности;
ЧП — человек — природа;
ЧТ — человек — техника;
ЧЧ — человек — человек;
ЧЗ — человек — знак;
ЧХ — человек — художественный образ;
А — миролюбие;
Б — избегание;
В — агрессия;
ЗЖ — завуалированная жестокость;
ОЖ — открытая жестокость;
ОН — обоснованный негативизм;
Б — брюзжание;
НО — негативный опыт общения;
ЛТ — личностная тревожность;
СТ — ситуативная тревожность;
УД — уровень депрессии;
АГР — агрессия;
САМО — самосознание;
КОМП — компромисс;
СФР — уровень социальной фрустрированности;
ТР — тревожность;
ФР — фрустрация;
АГ — агрессивность;
РГ — ригидность.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Н. В. Лукьянченко, Е. А. Новикова

Аннотация: в статье показана возможность формирования позитивной семейной идентичности как составляющей психологических средств ресоциализации женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы и имеющих детей в Доме ребенка исправительного учреждения. Приводятся результаты исследования особенностей семейной идентичности заключенных женщин, важнейшими среди которых являются: расширение идентифицируемого состава семьи, разделенность эмоциональной значимости мужского и женского состава семьи, связь эмоциональной значимости семьи с ее неблагополучием, амбивалентная характеристика семьи и себя как члена семьи.

Ключевые слова: социальная адаптация, семейная идентичность, структура семейных отношений, иерархия семейных отношений, родительское отношение, эмоциональная значимость, конструктор, амбивалентная характеристика.

The summary: this article shows the possibility of forming a positive family identity as a component of psychological re-socialization of women serving time in prison and have children in the Children's home detention facility. The results of studies of the family identity of women prisoners, the most important among them are: expansion of the family is identified, the segmentation of significant emotional bridge the male and female of the family relationship of emotional significance to her family disadvantage, the ambivalent characteristics

of the family and himself as a member of the family.

Keywords: social adaptation, family identity, the structure of family relationships, the hierarchy of family relations, parental attitudes, emotional significance, a construct, an ambivalent characterization.

Люди, нарушившие нормы, обеспечивающие жизнеспособность общества, лишаются на определенный период возможности свободного социального существования. Вместе с тем априори предполагается, что пенитенциарная система выполняет функции как наказания и ограничения, так и ресоциализации на период заключения и в значительной мере на дальнейшую жизнь. Последствиями заключения для субъекта должны быть не только «память об ужасах жизни вне общества», законы которого он нарушил, но и возможности формирования ресурсов продуктивной самореализации в постпенитенциарный период. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в качестве одной из приоритетных целей определяет сокращение рецидива преступлений, совершаемых лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы. Одной из стратегических задач, решение которой предусмотрено концепцией, является из-

менение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе [4].

Не следует при этом упускать из виду, что социально-психологические условия исправительных учреждений имеют ряд особенностей, кардинальным образом отличных от социально-психологических условий в обществе. Жизнь свободного гражданина требует личностных свойств и социальных навыков, очень часто противоположных по своим характеристикам тем, которые формируются за период нахождения в исправительном учреждении. В результате после освобождения бывшие осужденные оказываются неготовыми к жизни, соответствующей общепринятым социальным нормам.

Проблемным остается вопрос о том, как можно выстроить мостик между личностью и обществом, когда личностные характеристики деформированы, а система отношений в исправительном учреждении не конгруэнтна системе отношений в социуме и не формирует адекватных ему моделей поведения. Обращает на себя внимание определенный разрыв в обсуждении проблемы адаптации бывших осужденных. Ситуация характеризуется в социально-психологических терминах — социальная адаптация, ресоциализация, а личность при этом рассматривается как единичная персона, вырванная из всех социальных контекстов. Между тем в природе человека и общества уже заложены механизмы посредничества между личностью и обществом — в виде групповой принадлежности и устойчивой групповой идентичности [6, 10, 11]. Понятие

идентичности, в наибольшей полноте отражающее феноменологию определенности, целостности и тождественности субъекта жизнедеятельности, на границе тысячелетий обрело особую актуальность в гуманитарных науках [2, 3, 6, 11, 13]. Идентичность является основой взаимодействия человека и социума, соразмерности индивидуально-личностного и социального. Важнейшее значение для устойчивого социального существования человека имеет, на наш взгляд, семейная идентичность.

Главной особенностью семьи как социальной группы выступает ее значимость для каждого человека на протяжении всей жизни. Ощущение семейных корней создает жизненную опору, уверенность в себе. Семья и семейные отношения — способ организации социального бытия человека, в котором общественное фактически получает интимно-личностное наполнение, оставаясь в то же время социальным по сути [5]. Позитивная семейная идентичность, субъективная встроенность в семейную структуру и семейную историю является основой смыслового фундамента существования. Еще Э. Фромм подчеркивал фундаментальность потребностей в принадлежности и «в корнях» [9]. Отсюда вытекает особая значимость исследования семейной идентичности в отношении лиц, социальное существование которых представляет собой крайние ненормативные варианты и предполагает необходимость ресоциализационных мер. Этот вопрос остро стоит для находящихся в заключении женщин. И еще более значима данная тема для осужденных женщин, имеющих детей в Доме ребенка исправительного учреждения. Женщина в любом обществе изначально

но выполняет роль хранительницы «семейного очага», а вклад матери в процессе воспитания детей невосполним никакими другими семейными ролями. Утрата женщиной чувственной основы принадлежности к семье и своей интегрирующей роли в ней, безусловно, сказывается на особенностях ее материнства, воспроизводстве потенциала социального благополучия.

Отношение общества к судимости женщины имеет более негативный характер, чем отношение к судимости мужчины. Кроме того, женщины отличаются повышенной впечатлительностью, эмоциональностью, глубиной переживаний. Изоляция в большей степени, чем у мужчин, влияет на их самосознание, деформируя личность и систему ее значимых отношений [4]. В связи с этим процесс социально-психологической адаптации женщины после освобождения протекает субъективно тяжелее и болезненнее. Для оказания адекватной психологической помощи женщинам после освобождения, по нашему мнению, необходимо еще в исправительном учреждении организовать комплекс мероприятий, направленных на создание внутренних, индивидуально-психологических условий, включающих в себя систему компонентов позитивной семейной идентичности. Корневая значимость семьи как главной группы в жизни человека позволяет полагать, что именно через этот аспект субъективности возможно выстраивание психологически грамотных стратегий ресоциализации.

Семейная идентичность понимается нами как субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего

функционирования в ней в структурном, содержательном (когнитивном) и эмоционально-оценочном аспектах [2]. Это особая форма личностно-групповой идентичности, обеспечивающая механизмы: 1) ассимиляции и интеграции опыта в сфере семейного жизнеустройства; 2) регуляции позиционирования и самопроявления индивидов в качестве членов семьи.

Нами было проведено исследование особенностей семейной идентичности женщин, находящихся в заключении и имеющих детей в Доме ребенка ИУ. В исследовании приняли участие 40 респонденток. Методическое обеспечение исследования составили:

1. *Структурный аспект*: проективная рисуночная методика «Семейная социограмма» в описании Э.Г. Эйдемиллера и И.М. Никольской [12] — для выявления особенностей субъективных образов семьи в реальном и идеальном вариантах; шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-3) [12] — для определения представлений респонденток о реальном и идеальном уровнях сплоченности и адаптивности, гибкости семейных отношений.

2. *Эмоционально-оценочный аспект*: «Цветовой тест отношений» (А.М. Эткинд) [7] — для выявления уровня эмоциональной значимости семейных объектов, а также эмоциональной семантики отношения к этим объектам, «Опросник родительского отношения» (А.Я. Варга и В.В. Столин) [7] — для определения выраженности в родительском отношении респонденток к собственным детям показателей пяти шкал: «Принятие-отвержение», «Кооперация», «Симбиоз», «Авторитарная гиперсоциализация», «Маленький неудачник».

3. *Содержательный [когнитивный аспект]: «Репертуарные решетки»* (Дж. Келли) [7] — для выявления содержания смысловых категорий, используемых респондентками при характеристике семьи и себя как члена семьи.

Не акцентируя внимания на первичных данных (в силу ограничения объема публикации), зафиксируем общие тенденции, проявившиеся в ходе исследования семейной идентичности респонденток в целом по выборке.

Методика «Семейная социограмма». Общей особенностью явилось расширение идентифицируемого состава семьи как по вертикали, так и по горизонтали. Респондентки включали в семейные границы трехпоколенную, а иногда и четырехпоколенную расширенную структуру, далеко выходящую за рамки нуклеарной семьи. В семейный круг включались сиблинги респонденток, собственные родители и их сиблинги, дети. Часто в этом кругу отсутствовала сама респондентка, а ее дети включались в группу родителей (бабушек и дедушек). При этом нарушалась логика поколенной последовательности за счет нивелирования значимости себя как представителя семейного поколения в последовательном процессе семейного воспроизводства. Происходил как бы «перескок» от старшего поколения (бабушки и дедушки) непосредственно к младшему. В параллельно проводимых исследованиях респондентки, не находящиеся в исправительных учреждениях, ведущие обычный образ жизни, в большинстве своем ограничивают семейный круг нуклеарным составом.

Чуть более четверти респонденток как в реальном, так и в идеальном вариантах, зафиксировали наличие иерархии

в семье, высшую ступень в которой занимали родители или прародители респонденток. Важной особенностью является то, что себя респондентки уравнивали в иерархическом порядке со своими детьми, как бы вместе составляя детскую группу по отношению к старшему поколению. Более чем у половины респонденток иерархия отсутствует как в реальном, так и в идеальном вариантах семейной структуры.

Характеризуя межличностную дистанцию между членами семьи, отметим высокую представленность крайних вариантов: дистанция либо значительная, либо очень близкая. Идеальный вариант семьи в представлении респонденток характеризуется тесной близостью отношений, вплоть до симбиотического слипания.

Методика «Цветовой тест отношений». Показатель эмоциональной значимости. Более половины женщин отнесли себя и свою семью в зону высокой значимости. Казалось бы, хорошо? Однако следует отметить, что в нормативных выборках респонденток этот процент гораздо выше и приближается к 100%. Весьма неоднозначно оценивается значимость супруга. Почти у половины респонденток эмоциональная значимость супруга низкая, и даже относится к зоне отвергаемого. Эта особенность характерна именно для женщин, находящихся в заключении. В нормативных же выборках супруг традиционно высоко значим в восприятии абсолютного большинства женщин. Низка эмоциональная значимость мужчин старшего поколения: своего отца и особенно отца супруга. Гораздо ближе респонденткам женщины старшего поколения, причем в равной степени и собственная мать, и

мать супруга. Дети не выделяются особо высокими уровнями значимости (как это характерно для нормативных выборок женщин) и практически уравниены в значимости со своими бабушками.

По критерию эмоциональной семантики цветовых ассоциаций респондентки чаще ассоциируют себя с активными цветами: желтым (цветом оптимизма и надежды), фиолетовым (выражающим интровертную, чувственно заряженную активность с определенной долей мистичности и инфантильности), зеленым (цветом целеустремленности и честолюбия). Активные, стеничные цветовые ассоциации связаны у респонденток в целом с женской линией семьи. Особенно энергетически заряженным оказался образ дочери. Семья в значительной степени ассоциируется с надеждой (желтый). Мужская линия, не считая сына, оценивается пассивной частью цветового ряда. Особенно «грустны» ассоциации, связанные с супругом. Пятая часть респонденток выбрала для него черный (цвет эмоционального отвержения), еще одна пятая — серый (цвет неопределенности и «ухода»). Сына оценивают очень по-разному, но в большей мере активными цветами.

Результаты по *опроснику родительского отношения* свидетельствуют о высокой выраженности деструктивных аспектов родительского отношения «маленький неудачник» (инфантилизация, недоверие дееспособности ребенка) и «симбиоз» (чрезмерная близость, отсутствие эмоциональной дистанции). Выражен также показатель авторитарной гиперсоциализации.

Мы провели также корреляционный анализ показателей опросника семейной сплоченности и адаптации, цвето-

вого теста отношений и опросника родительского отношения.

Если обобщать результаты корреляционного анализа, определяя основные тенденции, можно подытожить следующее. В отношении к членам семьи у наших респонденток выделяются две независимые семейные линии — мужская и женская. Значимость отца супруга связана со значимостью самого супруга, и значимостью родного отца респондентки. Значимость матери супруга имеет прямые связи со значимостью родной матери и собственной значимостью респондентки. Получается, что в отличие от нормативной выборки женщин, где типичными являются разделение либо по поколенному принципу, либо по принципу «своя родительская семья» и «родительская семья супруга», у женщин, находящихся в заключении, разделение идет по половому признаку: мужчины женщины. При этом, как показал корреляционный анализ, большая приязненность к мужской составляющей семьи определяет и более уверенное отношение к собственному ребенку (меньше показатель инфантилизации в родительском отношении). С отношением к женщинам семьи отношение к ребенку не связано.

Показатели реальной и идеальной сплоченности членов семьи, а также адаптивности, гибкости семейных отношений противопоставлены эмоциональной значимости семьи, выраженности показателя «авторитарная гиперсоциализация». Иными словами, если женщина оценивает свою семью как сплоченную и адаптивную, то семья теряет для нее значение, так же как и стремление к активной социализации ребенка. Получается, что эмоциональная значимость семьи для респонденток связана

отноюдь не с ее положительными характеристиками. Создается впечатление, что находящиеся в заключении «душой радеют» за семьи не вполне благополучные. Такие семьи требуют большей эмоциональной включенности женщины и в определенной мере принесения ребенка на заклатие семейного неблагополучия.

Результаты по методике *«Репертуарные решетки»*.

1. Характеристики-конструкты, которые используют наши респондентки для оценки своей семьи в сравнении с другими вариантами семей и внесемейными группами.

Значительную долю составляют структурные характеристики, в большей мере касающиеся полноты состава семьи, иногда — фиксации полоролевых особенностей иерархии (если ее возглавляют мужчины). Общеоценочные характеристики — это в большей мере фиксация отсутствия негатива: «благополучность», «нет скандалов и пьянок», «не бедствуют» и т. п. Характеристики отношений и сплоченности семьи (единство, дружелюбие, поддержка). Морально-нравственные характеристики, причем семья может характеризоваться в этом аспекте как положительно (милосердие, человечность, забота друг о друге), так и отрицательно (мизантропия). Особую группу составляют конструкты, которые характеризуют семью в аспектах непретенциозности, социальной «скромности». Среди них такие, как: «обычная семья», «простота», «трудолюбие», «повседневная жизнь», «живут в быту». Эти характеристики приписываются семье в качестве положительных, противопоставленных излишней претенциозности, апломбу других групп. К этому набору

примыкают также: «неудачливость»: «карьера не получается», «всегда проблемы», «тяжелая судьба».

2. Характеристики-конструкты, используемые для описания себя в сравнении с другими членами семьи.

Формально-структурные: наличие брачных отношений, пол. Конструкты, характеризующие хозяйственность. Характеристики родственности — близость, любовность отношений с кем-либо из членов семьи, похожесть на членов семьи. Эмоциональные характеристики, в большей мере позитивный настрой, положительное настроение. Позитивные характеристики взаимодействия, в которых подчеркивается адаптивность, конформность: послушность, доброта, мягкость, спокойность и т. д. Характеристики независимости во взаимодействии, утрированно стеничные: эгоистичная, самостоятельная, несгибаемая, неразговорчивая (в противовес «слабости»), лидер, настырная, имею свое мнение (в противовес согласию с мужем) и др. Негативные характеристики, в основном касающиеся морально-волевой неустойчивости: ветреная, слабая, противная, безответственная, никудашная мать и т. п. Подчеркнем, что эти характеристики определились при сравнении с другими членами семьи. В нормативных выборках женщин такой вариант самооценки практически отсутствует. Скорее наблюдается тенденция приписывать себе характеристики, позволяющие выстроить портрет, несколько более положительный, чем образы других членов семьи. Именно ценность себя как члена семьи в нормативных выборках женщин составляет важный аспект их позитивной семейной идентичности и

мотивационную основу вкладов в жизнедеятельность семейной группы.

Таким образом, обобщая данные исследования, можно определить следующие особенности семейной идентичности обследованной выборки женщин, находящейся в местах лишения свободы:

- расширение идентифицируемого состава семьи как по вертикали, так и по горизонтали;

- нарушение поколенной последовательности за счет нивелирования значимости себя как представителя семейного поколения в последовательном процессе семейного воспроизводства;

- «мужское» и «женское» составляют два независимых в эмоциональной значимости пространства;

- «женское пространство» характеризуют — эмоциональная активированность, насыщенность, своего рода «интересность» (в смыслах эмоциональной интриги);

- женский состав семьи имеет опорную значимость (семья для меня имеет значение, поскольку в ней есть женщины) и в эмоциональном плане играет компенсаторную роль, искупающую любовью и эмоциональными связями недостаток активной субъектности;

- мужской состав семьи ассоциируется с большей независимостью и при этом пассивностью;

- семья воспринимается как позитивная с точки зрения морально-нравственных характеристик и при этом неудачливая, социально жертвенная;

- восприятие себя как члена семьи характеризуется, с одной стороны, позитивностью эмоциональной составляющей, с другой — амбивалентностью, полярностью позиции в дихотомии — независимость-зависимость, приписы-

ванием себе негативных с точки зрения социальных стереотипов характеристик («семейный позор»), уходом от ответственности за собственных детей.

Данные исследования будут использованы при разработке психологического сопровождения женщин — молодых матерей, находящихся в местах лишения свободы. Основными векторами психологической работы при этом должны стать усиление позитивных и ресурсных аспектов восприятия семьи и ценности этих позитивных аспектов; усиление позитивных и ресурсных аспектов восприятия себя как члена семьи и ответственности как представителя семейного поколения; усиление позитивных и ресурсных аспектов восприятия мужского состава семьи, положительного эмоционального насыщения его образа.

Литература

1. Альперн Л. Изгнание из «приватного» в «публичное»: тюремный эксперимент по созданию женщины нового образца // Развитие личности. — 2004. — № 2. — С. 186-194.
2. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. — Ростов н/Д, 1999.
3. Ильин В.А. Психосоциальная теория как полидисциплинарный подход к анализу социальных процессов в современном обществе: дис. ... д-ра психол. наук. — М.: МГППУ, 2009.
4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // www.FSIN.SU/ № 10/1-3794т от 26.10.2010.
5. Лукьянченко Н.В. Социально-психологическая сущность семейной идентичности // Мир человека: науч.-информ. изд. — Вып. 1(34). — Красноярск: СибГТУ, 2010. — С. 113-117.
6. Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. — 2000. — № 1. — С. 135-141.
7. Практикум по психодиагностике. Конкретные психодиагностические материалы. — М.: Изд-во МГУ, 1989.
8. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. — М.: Прогресс, 1987.

9. Фромм Э. Иметь или быть? — М.: Прогресс, 1990.

10. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. — М.: ИП РАН, КСП + Академический Проект, 1999.

11. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. — М.: Воронеж: МПСИ; МОДЭК, 2004.

12. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. — СПб.: Речь, 2003.

13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Прогресс, 1996.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

И. Е. Реуцкая

Аннотация: статья посвящена проблеме неблагополучных семей, различным типам семейных проблем, а также психологическим особенностям родителей и несовершеннолетних из неблагополучных семей.

Ключевые слова: неблагополучная семья, психологические особенности, родители, несовершеннолетний.

The summary: the article deals with the problem of dysfunctional families, the different types of family problems, and psychological characteristics of parents and adolescents from disadvantaged families.

Keywords: dysfunctional family, psychological characteristics, parents, minor.

Чаще всего под неблагополучной семьей понимают семью с низким социальным статусом, в какой-либо из сфер жизнедеятельности или нескольких одновременно, не справляющаяся с возложенными на нее функциями. Адаптивные способности членов такой семьи существенно снижены, процесс семейного воспитания ребенка протекает с большими трудностями, медленно и малорезультативно [14, с. 176].

Неблагополучная семья отличается доминированием негативных факторов (медико-биологических, социально-экономических, психологических, педагогических), не только детерминирующих ее неблагополучие, но и отрицательно влияющих на воспитание детей. Причем данные факторы могут присутствовать в неблагополучной семье одновременно в различных сочетаниях.

Согласно исследованию И.С. Ганишиной, неблагополучная семья не выполняет функций по воспитанию, образованию, первичной социализации детей; наносит подрастающему поколению психологический вред; способствует социальной дезадаптации, девиации и делинквентности поведения несовершеннолетних [4, с. 38, 111]. Таким образом, к неблагополучным семьям применяется понятие «находящиеся в социально опасном положении». В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 7 февраля 2001 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» семья, находящаяся в социально опасном положении — это семья, имеющая детей,

находящихся в социально опасном положении (вследствие безнадзорности или беспризорности, находящихся в обстановке, представляющей опасность для их жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к их воспитанию или содержанию, либо совершающих правонарушения или антиобщественные действия), а также семья, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними [13, ст. 1].

Отечественными исследователями выделены различные виды неблагополучных семей (С.А. Беличева, 1994; Г.Г. Зайдулина, 2000; А.В. Мудрик, 1994 и др.) [5, с. 34, 35; 11 с. 16–18]. Для осуществления анализа психологических особенностей родителей и несовершеннолетних детей из неблагополучных семей представляется целесообразным учитывать классификацию, предложенную И.С. Ганишиной (2004) [4, с. 103–109], так как она наиболее точно отражает проблемы, встречающиеся в практике правоохранительных органов при организации и проведении профилактической работы с неблагополучными семьями.

В соответствии с указанной классификацией неблагополучные семьи подразделяются на следующие типы:

- алкогольная;
- асоциально-аморальная;
- конфликтная;
- криминальная;
- семья с психически больными родителями;
- наркотическая;
- педагогически несостоятельная.

Семьи, относящиеся к алкогольному и наркотическому типу, характеризуются наличием в составе одного и более членов, употребляющих алкоголь или другие психоактивные вещества (ПАВ). В соответствии с Международной классификацией болезней 10-го пересмотра к ПАВ относятся: алкоголь, наркотики, психотропные и токсические вещества [10, с. 207]. Дети в таких семьях предоставлены сами себе, прогуливают школу, бродяжничают, совершают правонарушения, нередко сами употребляют ПАВ. В рамках данной статьи представляется целесообразным рассматривать указанные типы семей как имеющие один тип проблем — семьи с родителями, употребляющими ПАВ.

Семьи асоциально-аморального типа отличаются антиобщественными установками и ориентирами. Родители в подобных семьях не занимаются социально полезной деятельностью (не работают, не учатся), могут злоупотреблять ПАВ, не иметь определенного места жительства (бродяжничают), а при наличии жилья устраивать там притоны. В этих семьях родители не занимаются воспитанием и социализацией детей, дети часто вынуждены «работать» за родителей (например, просить милостыню), вследствие чего им некогда посещать школу.

Семьи, где родители (один из родителей) страдают психическим заболеванием, отличаются чрезмерной жестокостью по отношению к своим детям. Родители могут страдать такими заболеваниями, как: шизофрения, эпилепсия, маниакально-депрессивный синдром (МДП) и т. д. Наиболее социально опасным (в том числе с точки зрения негативного влияния на детей) из данных видов

психических заболеваний является шизофрения.

Конфликтные семьи отличаются наличием постоянных или периодических конфликтов, в них доминирует атмосфера взаимного неуважения, придирок, агрессии (как вербальной, так и не вербальной, а нередко и физической).

Криминальные семьи характеризуются наличием в составе одного или более членов (родителя, бабушки, дедушки, сестры, брата), проживающих совместно с несовершеннолетним, отбывающих или ранее отбывавших наказание в местах лишения свободы. Причем к данному типу могут относиться только такие семьи, в которых криминальный образ жизни некоторых ее представителей оказывает влияние на других ее членов. В подобных семьях родственники могут привлекать несовершеннолетних к криминальной деятельности.

В педагогически несостоятельных семьях утрачивается родительское влияние на несовершеннолетнего в силу психологических причин. При этом педагогически несостоятельными могут быть и внешне благополучные семьи, но использующие неэффективные (а иногда даже деструктивные) стили воспитания.

В психологической литературе [12, с. 349–350] рассматривают различные неблагоприятные доминирующие стили воспитания подростков с психологической точки зрения: отчужденного, авторитарного, с попустительским отношением, гиперопекающего и др.

Отчужденную семью характеризует низкий уровень интереса к подростку, избегание общения с ним. Подросток в такой семье чувствует себя лишним и

ищет общения за ее пределами (например, на улице).

Авторитарная семья предъявляет к подростку излишне жесткие требования в соответствии со сложившимся внутренними стереотипам, и если это было ранее принято — физическое наказание.

Семья с попустительским отношением отличается преобладанием принципа вседозволенности. В такой семье подросток манипулирует родителями.

Гиперопекающая семья характеризуется сверхнеобходимой родительской опекой, причем не только извне, но и стремлением «захватить» душевные переживания подростка.

В семье также может быть одновременно множество разнообразных стилей воспитания, обусловленных неоднородным культурным уровнем ее членов.

В целом описанные типы неблагополучных семей редко встречаются в чистом виде. Часто какому-либо определенному типу присущи черты другого (например, алкогольная или наркотическая семья может быть также и асоциально-аморальной), то есть в одной семье могут одновременно присутствовать различные взаимосвязанные проблемы.

Например, в ходе рейда было установлено: родители не работают, злоупотребляют спиртными напитками, на момент проверки продукты питания в доме отсутствовали, дров и угля не было, в доме антисанитарные условия.

По факту жестокого обращения с ребенком выявлено: мать длительное время нигде не работала, злоупотребляла спиртными напитками, систематически избивала своего сына, наносила телесные повреждения стулом, ремнем, ставила на всю ночь в угол за то, что ребен-

нок слабо учился. Квартира находится в антисанитарном состоянии, у ребенка отсутствуют учебники, нет продуктов питания.

При проверке семьи установлено: родители воспитанием несовершеннолетнего сына не занимаются, злоупотребляют спиртными напитками, нигде не работают, в комнате общежития антисанитарные условия.

В связи с этим считаем целесообразным рассматривать психологические особенности родителей и несовершеннолетних из неблагополучных семей в зависимости от типов семейных проблем (причин семейного неблагополучия), которые обуславливают попадание несовершеннолетних, воспитывающихся в них, в социально опасное положение.

Психологические особенности родителей в неблагополучных семьях

- В конфликтной семье родители отличаются недостаточной личностной зрелостью. Индикаторами личностного показателя являются: наличие внутрличностных конфликтов, тревожность, неуверенность в себе, психическое напряжение; трудности поведения, акцентуированные черты характера; недостаточная адекватность в уровне различных личностных сфер члена семьи; трудности саморегуляции состояний, чувств, поведения; ригидность, конфликтность, конкуренция, бескомпромиссность. В социально-психологическом плане семья отличается слабой адаптивностью в межличностном поведении ее членов; преобладанием в межличностном общении негативных эмоций, когнитивным рассогласованием в восприятии, пони-

мании, совпадении ценностей супругов; затрудненном поиске методов, способов, видов решения различных проблем в процессе жизненного цикла [2, с. 157].

- Представители криминальных семей являются носителями криминальной субкультуры, включающей в себя криминальные традиции, обычаи, жаргон, неформальные нормы поведения и особенности проведения досуга. Подобная культура имеет антагонистическую направленность и не позволяет ее носителям аккумулировать и передавать общечеловеческие ценности своим детям. Таким образом, у старшего поколения представителей «криминальных» семей нарушена система ценностных ориентаций, что влечет деформацию потребностно-мотивационной сферы их детей.

- Наличие в семье родителей, зависимых от ПАВ, то есть больных алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, часто, как было отмечено ранее, обуславливает их асоциально-аморальный образ жизни.

Лица, зависимые от алкоголя, могут находиться на первой (неврастенической, характеризующейся увеличением устойчивости к алкоголю), второй (наркоманической, характеризующейся появлением физической зависимости от алкоголя) и третьей (энцефалопатической, характеризующейся снижением устойчивости организма к алкоголю) стадии хронического алкоголизма.

На первой стадии у человека формируется психическая зависимость, проявляющаяся в навязчивом желании выпить, доминировании мыслей об алкоголе. Становятся отчетливыми характерологические изменения личности — по-

являются лживость, хвастовство, назойливость, болтливость. При отсутствии возможности принять алкоголь возникает раздражительность, депрессия, усиливается поиск средств для приобретения спиртных напитков.

На второй стадии у больных происходит алкогольная деградация личности со снижением памяти и интеллектуальной деятельности. Они становятся грубыми, эгоистичными, лживыми; не заботятся о семье; часто вынуждены менять место работы; продают вещи, чтобы купить спиртные напитки, пьют суррогаты. В состоянии опьянения у них появляется эмоциональная неустойчивость, беззаботная веселость, сменяемая злобой, раздражительностью, ассоциальными поступками.

На третьей стадии личность больного приобретает психопатоподобные черты, проявляющиеся эксплозивностью, неуместным юмором, иногда депрессивным настроением, суицидальными тенденциями [7, с. 450–451].

Женщины, злоупотребляющие алкоголем, отличаются доминированием характерологических особенностей по двум основным группам: эмоционально-лабильная психопатия с ассоциальными тенденциями (в характере преобладают следующие качества: грубость, агрессивность, ассоциальные тенденции) и тревожно-депрессивная психопатия с повышенной тревожностью и зависимостью (в характере преобладают следующие качества: повышенная ранимость, тревожность, мягкость, конформность). Женщины, страдающие эмоционально-лабильной психопатией с ассоциальными тенденциями, способны к жестокости, в том числе по отношению к своим детям.

Мужчины, страдающие алкогольной зависимостью, могут иметь следующие особенности патологий характера (психопатий) — психастенические, истерические, стенические [15, с. 6]. При психастеническом типе психопатии преобладают такие качества, как: неуверенность, недоверчивость, тревожность, депрессивность, обидчивость. При истерическом — крайний эгоцентризм, эксцентричность, авантюризм. При астеническом — выраженные колебания настроения, вспышки аффекта (эмоций) и агрессии, склонность к возникновению фобий, появлению чувства внутреннего напряжения и тревоги, к состоянию угнетения и отчаяния.

У больных наркоманией развиваются синдромы психической и физической зависимости. Синдром психической зависимости выражается в постоянных мыслях о наркотических препаратах, угнетенном, подавленном настроении при их отсутствии. У них начинается борьба мотивов, желаний, наплыв навязчивых влечений, мыслей. При развитии синдрома психической зависимости перестраивается весь духовный мир человека; все его интересы, межличностные и социальные отношения направлены на изыскание возможности наркотизации. Синдром физической зависимости (абстинентный синдром) проявляется в компульсивном (повторяющемся навязчивом) влечении к приему наркотического средства и развитии абстинентных явлений. Компульсивное влечение определяет почти все поступки больных, мотивы их действий и сопровождается постоянным стремлением к поиску наркотиков.

Больные токсикоманией проявляют социально дезадаптивные формы по-

ведения из-за следующих изменений: колебания настроения с преобладанием злобности, жесткости, агрессивности; наличие интеллектуально-мнестических расстройств, выражающихся в трудностях усвоения новых знаний, ухудшении памяти, нарушении активного внимания [7, с. 414–416, 438].

В ситуации наличия в составе семьи даже одного члена, злоупотребляющего ПАВ, у других ее членов возникают характерологические сдвиги или «созависимость», проявляющаяся в виде доминирования в мотивации поведения чувства страха, тревожных переживаний (за ближайшее будущее, о мнении окружающих и т. д.); в смещении центра внимания на больного члена семьи. При этом члены семьи, живущие совместно с человеком, злоупотребляющим ПАВ, испытывают оскорбления и унижения, насилие с его стороны, так как люди с аддикцией от ПАВ теряют контроль над своим поведением.

В медицинской литературе достаточно широко представлены описания психических расстройств и особенностей поведения лиц, ими страдающих. В связи с этим в рамках настоящей статьи не представляется целесообразным останавливаться на характеристике родителей, страдающих наследственно обусловленными психическими заболеваниями и расстройствами.

Семья, использующая негативные стили воспитания, применяет деструктивные стили родительского поведения: индифферентный, авторитарный, либеральный [2, с. 311].

Для *отчужденной семьи* характерен индифферентный стиль поведения, отличающийся низким контролем за поведением детей, отсутствием теплоты

в отношениях с ними. Такие родители безразлично относятся к своим детям вследствие недостатка интереса и внимания к ним или из-за недостатка времени и сил на воспитание.

В *авторитарной семье* доминирующим является авторитарный стиль поведения, который характеризуется высоким уровнем контроля, холодным отношением к детям. Родители закрыты для постоянного общения с детьми; устанавливают жесткие требования и правила, не допускают их обсуждения.

Семья с попустительским отношением использует либеральный стиль поведения, характеризующийся низким уровнем контроля и теплоты в отношениях.

Гиперопекающая семья проявляет гиперсоциальность [8, с. 60], которая включает в себя гипертрофированное, одностороннее чувство долга, отсутствие компромиссов, твердость характера, негибкость в отношениях с детьми.

Психологические особенности несовершеннолетних из неблагополучных семей

Анализ данных психологических и психиатрических исследований свидетельствует о возможности влияния неблагополучной семьи на личность несовершеннолетнего (В.А. Аврамовичуте, 1973; В.А. Гурьева, 2001; Д.Н. Леонтьев, 1996 и др.) [8, с. 70; 1, с. 10; 9, с. 35–44]. Среди психологических качеств, формирующихся у несовершеннолетних вследствие жизни в неблагополучной семье, выделяют следующие:

– неразвитость потребностно-мотивационной сферы личности, проявляющуюся в деформации ценностных ориентаций, норм морали и нравственных установок; отсутствии системы по-

ложительно ориентированных внутренних запретов; доминировании утилитарных интересов, потребительского отношения к жизни;

– операциональная сфера личности может включать в себя: слабое доверие к людям; неспособность адаптироваться в незнакомой среде; неспособность к устойчивым межличностным отношениям; низкую ответственность и самообладание; эмоциональную неуравновешенность и неспособность к контролю над своими эмоциями, побуждениями, влечениями; замкнутость; робость; мнительность; раздражительность; жесткость; агрессивность; легкость закрепления различных отрицательных привычек; неадекватность самооценки; «вязкость» мышления;

– модуляционная сфера личности может включать в себя: истощаемость нервной системы, пониженную активность, замедленный темп действий и т. д.

Разнонаправленность психологических качеств, присущих несовершеннолетним из неблагополучных семей, обусловлена спецификой их индивидуально-психологических особенностей (направленность личности, уровень самооценки, доминирующие черты характера, особенности темперамента, сформированные способы преодоления трудных жизненных ситуаций, преобладающие механизмы психологической защиты и др.), детерминированными, в том числе особенностями влияния неблагополучной семьи на указанную категорию лиц.

В русле проблематики статьи представляется целесообразным акцентировать внимание на психологических особенностях несовершеннолетних, воспитывающихся в семьях, имеющих раз-

личные проблемы, обуславливающие их неблагополучие.

- Наличие в семье постоянных конфликтов способствует аномалии волевого развития несовершеннолетнего. Характерными качествами для детей из таких семей являются: лень, неорганизованность, трусость, упрямство [6]. В условиях такого типа семьи дети испытывают чувства незащищенности, нестабильности, приводящие к страху, постоянному напряжению, замкнутости, неумению общаться. Постоянные конфликты в семье вызывают у детей неприязнь к ссорящимся родителям и агрессию по отношению к «неправому» с точки зрения ребенка родителя. Несовершеннолетние в таких семьях способны к неадекватным эмоциональным реакциям.

- Условия жизни в криминальной семье являются важнейшим фактором формирования негативных типов девиантного поведения, прежде всего: делинквентного, аддиктивного и агрессивного. Несовершеннолетние из криминальных семей совершают определенные виды деликтов (правонарушения, преступления) вследствие неустойчивости внутреннего мира и под воздействием криминального значимого социального окружения (семьи). Они не способны предвидеть наступление негативных последствий и поэтому легко поддаются на провокации. Такие несовершеннолетние могут проявлять неконструктивную агрессивность, вызванную осознваемым отрицательным отношением к действительности и окружающим людям, в том числе членам родительской семьи. В связи с тем что в криминальной семье несовершеннолетние могут испытывать дискомфорт в психическом состоянии

они испытывают потребность в активном его изменении, что может обуславливать появление у лиц данной категории аддикций. В несовершеннолетнем возрасте преимущественно начинает формироваться злоупотребление веществами, изменяющими психическое состояние.

- Наличие в семье родителей, зависимых от ПАВ, может обуславливать асоциально-аморальный образ жизни в ней. Для несовершеннолетних, имеющих родителей, зависимых от ПАВ, характерны следующие психологические особенности: нечеткость представления о себе (из-за неупорядоченности, непредсказуемости жизни семьи дети не знают, какие чувства являются нормальными, а какие — нет), низкая самооценка (вследствие наличия чувства вины за происходящее в семье), замкнутость (из-за преобладающего чувства страха говорить о том, что происходит в семье). Они испытывают чувства разочарования (так как родители не выполняют своих обещаний), безысходности, противоречивое отношение или даже неприязнь к родителю, зависимому от ПАВ. В связи с тем что у детей в этих семьях дефицит внимания со стороны родителей, для них характерны любые способы привлечения его, в том числе девиантные формы поведения. По данным Н.Н. Боднянской, в семьях с пьющими родителями у детей более чем в половине случаев наблюдались признаки нервно-психических патологий: умственная отсталость, задержка психического развития, неврозы, патология характера, эпилепсия [3, с. 9]. Эти признаки могут быть следствием как врожденных, так и приобретенных аномалий.

- Наличие в семье родителей, имеющих психическое заболевание, способствует появлению у детей повышенной тревожности, чувства беспокойства за жизнь родителей, собственное будущее, неуверенности в себе, низкой самооценки. При осуществлении профилактической работы с несовершеннолетними из семей, в которых родители страдают шизофренией, эпилепсией и МДП, следует помнить, что при данных заболеваниях имеет место возможность наследственной предрасположенности.

- Использование в семье негативных стилей воспитания, несогласованность воспитательных воздействий со стороны разных членов семьи (например, матери и отца; родителей и бабушек, дедушек и т. д.) негативно влияет на формирование личности ребенка особенно в подростковый период. Это обусловлено тем, что негативные черты личности человека особенно остро проявляются в периоды возрастных кризисов развития, а «подростковый кризис» — один из самых сложных кризисов в жизни человека.

Таким образом, психологическое благополучие родителей и их несовершеннолетних детей существенно обусловлены спецификой семейных взаимоотношений, которая также зависит от возрастных и индивидуально-психологических особенностей, культурного уровня членов семьи, ее количественного состава.

Отчужденная семья отличается недостатком внимания к несовершеннолетнему, непоследовательностью в воспитании или его отсутствием, что вызывают у подростка чувство дефицита эмоциональности, социально-психологического одиночества, и в результате может при-

вести его к поиску контактов вне семьи, в том числе в асоциальных группах. Это является причиной появления у несовершеннолетнего девиантного поведения. Для несовершеннолетних из отчужденной семьи характерны трудности в общении, умственной деятельности, негилистические реакции, ажитированная агрессия или неадекватная лояльность, невротические расстройства [12, с. 349, 350].

Авторитарная семья характеризуется жестоким обращением с несовершеннолетним, что является фактором риска возникновения неблагоприятных последствий в его развитии. У пострадавших детей отмечаются следующие отклонения: низкий уровень социального функционирования с различными формами агрессивного и деструктивного поведения; в отдаленном будущем — поведенческие расстройства, связанные с асоциальными личностными деформациями. Такой вид воспитания приводит к выработке пассивно-защитного типа поведения с заторможенностью, робостью, неуверенностью, зависимостью. Воспитание в условиях строгих, но вместе с тем противоречивых запретов является основой для развития неврозов, навязчивых состояний и психастении. Противоречиво-унижающее воспитание приводит к формированию агрессивно-защитного типа поведения детей с повышенной возбудимостью и неустойчивостью [4, с. 32, 35].

Семья с попустительским отношением обуславливает: формирование у несовершеннолетнего эгоизма и сопутствующей ему конфликтности, вседозволенности; отсутствие позитивных форм общения (адекватной лояльности). При общении такие люди используют

вербальную агрессию (например, «Я так хочу!», «Я сказал») и нигилизм. Таким образом, попустительская семья делает несовершеннолетнего несостоятельным в реальных взаимоотношениях с другими людьми.

Гиперопекающая семья проявляет чрезмерное внимание к ребенку, удовлетворяет все его желания, что обуславливает развитие у него истерических черт характера с повышенной и плохо контролируемой эмоциональностью на любые жизненные трудности и препятствия, эгоизмом; ведет к подавлению инициативы и воли подростка, инфантилизму [4, с. 35]. Постоянная система запретов у несовершеннолетних с сильным типом нервной системы (стеничных) вызывает протест; у слабых, тормозимых — резко утяжеляется комплекс неуверенности в себе.

Литература

1. *Аврамовичюте В.А.* Индивидуальный подход в воспитании подростков из неблагополучных семей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Вильнюс, 1973.
2. *Андреева Т.В.* Психология семьи: учеб. пособие. — СПб.: Речь, 2007.
3. *Висневская Л.Я., Данилова Е.А.* Пьют родители — страдают дети. — М., 1977.
4. *Ганишина И.С.* Психологическое влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних: дис. ... канд. психол. наук. — Рязань, 2004.
5. *Зайдулина Г.Г.* Педагогические условия социально-педагогической профилактики и коррекции девиантного поведения подростков в семье: дис. ... канд. пед. наук. — Челябинск, 2000.
6. *Капралова Р.М.* Влияние семейных отношений на волевое развитие подростка: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1967.
7. *Кирпиченко А.А.* Психиатрия: учебник. — Минск: Выш. шк., 2001.
8. *Клиническая и судебная подростковая психиатрия* / под ред. В.А. Гурьевой. — М.: Генезис, 2001.
9. *Леонтьев Д.Н.* От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 14. Психол.

логия. — 1996. — № 4.

10. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. — М.: Генезис, 2005.

11. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. — Пенза, 1994.

12. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учеб. для студентов вузов. — М.: Академия, 2002.

13. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ.

14. Социальная педагогика: курс лекций / под общ. ред. М.А. Галагузовой. — М., 2000.

15. Шайдукова Л.К. Женский и супружеский алкоголизм. Актуальные проблемы наркологии. — Казань: Мир без границ, 2006.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ БЛИЗОСТИ В СЕМЬЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

С. Д. Хачатурян, С. А. Худоконенко

Аннотация: в статье рассматриваются роль внутрисемейных отношений в генезе девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей. Изучены особенности эмоциональной близости в семейных отношениях несовершеннолетних осужденных без лишения свободы.

Выявлено, что нарушение степени эмоциональной близости в семьях несовершеннолетних осужденных является криминогенным фактором. Семьи осужденных отличаются от семей непослушных юношей по уровню сплоченности (эмоциональной близости).

Методологической основой работы является системно-феноменологический подход Берта Хеллингера, в котором деликвентное поведение несовершеннолетних рассматривается как вторичная или третичная компенсация системы, и криминалогическая теория воссоединяющего стыда Джона Брейтуэйта.

В исследовании использовалась разработанная авторами статьи «Шкала Эмоциональной близости».

Ключевые слова: внутрисемейные отношения. Девиантное поведение несо-

вершеннолетних правонарушителей. Эмоциональная близость в семейных отношениях. Системно-феноменологический подход Берта Хеллингера. Теория воссоединяющего стыда Джона Брейтуэйта. Методика «Шкала Эмоциональной близости».

The summary: in article are considered a role of intrafamily attitudes in development of criminal behaviour of minor offenders. Features of emotional affinity in family attitudes of minors condemned without imprisonment are investigated.

It is revealed, that infringement of a degree of emotional affinity in families of minors condemned is criminal the factor.

In research «the Scale of Emotional affinity» was used developed by authors of article.

Keywords: intrafamily attitudes. Emotional affinity in family attitudes. A technique «the Scale of Emotional affinity».

«Уже написаны тысячи томов, посвященных проблемам девиантного поведения, но до сих пор не совсем ясно, что же это такое», — замечает Я.И. Гишинский [1]. Проблема отклоня-

ющего поведения вызывает горячий интерес исследователей в различных областях научного знания.

Нами предпринята попытка исследовать некоторые аспекты семейных отношений несовершеннолетних осужденных, которые могут служить причиной формирования криминального поведения. В данной статье мы предлагаем наши исследования по вопросу эмоциональной близости в семьях несовершеннолетних преступников.

Подростковая преступность за последние восемь лет имеет тенденцию к снижению [8, с. 19]. При этом несовершеннолетние — одна из наиболее криминально пораженных категорий населения.

Статистические данные свидетельствуют об увеличении числа ранее судимых лиц среди несовершеннолетних осужденных по отношению к общей их численности. Растет количество несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений с применением насилия к потерпевшему [10, с. 64].

Специфика преступности несовершеннолетних зависит от особенностей социально-психологического развития подростков и несовершеннолетних. Семья в настоящее время признается основным социальным источником формирования девиантного поведения.

Базовой основой работы является положение о том, что всякая семья — это определенная саморегулирующаяся система, которая формируется в течение определенного времени в результате взаимодействия между людьми, входящими в нее [12]. Процесс семейного самоуправления осуществляется в соответствии с правилами, сформированными методом проб и ошибок в

течение некоторого периода времени. Через «пробы и ошибки» этих взаимодействий выясняется, что позволено и чего не позволено в отношениях, пока в конце концов группа не превращается в системную целостность, скрепляемую своими уникальными правилами [11, с. 64]. Эти правила касаются взаимодействий, осуществляемых в семье и выполняющих функцию коммуникации как на вербальном, так и на невербальном уровнях [7].

По мнению А.Я. Варги, семейная система — это открытая система, которая находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой. Семейная система — это самоорганизующаяся система, то есть поведение системы целесообразно, и источник преобразований системы лежит внутри ее самой. Исходя из этого понятно, что люди, составляющие семью, поступают так или иначе под влиянием правил функционирования данной семейной системы, а не под влиянием своих потребностей и мотивов. Система первична по отношению к входящему в нее элементу [4].

Дж. Хейли [14] считает, что благодаря стремлению не допустить ухода повзрослевшего ребенка из семьи и тем самым сохранить семейную структуру родители способны терпеть любое психопатологическое поведение подростка к полному изумлению всех посторонних. Тут же кроется одна из причин детской преступности — ребенок, чувствуя вседозволенность, готов идти на противоправные поступки, чтобы получить наиболее яркую эмоциональную реакцию.

Э. Фромм, рассматривая родительское отношение как фундаментальную основу развития ребенка, провел качественное различие между особенностями

ми материнского и отцовского отношения к ребенку. Это различие наиболее ярко прослеживается по следующим линиям: условность — безусловность, контролируемость — неконтролируемость. Материнская любовь безусловна — мать любит своего ребенка за то, что он есть. Отцовская любовь обусловлена — отец любит за то, что ребенок оправдывает его ожидания. Отцовская любовь управляема, ее можно заслужить, но ее можно и лишиться. При этом Э. Фромм отмечает, что «речь здесь идет не о конкретном родителе, а о материнском и отцовском началах, которые в определенной степени представлены в личности матери или отца» [13].

Среди исследований мы выделяем работу Г.Э. Бреслава, который делает вывод, что: «... неспособность устанавливать позитивные отношения с отцом оказывается одним из решающих факторов формирования у мальчиков антиобщественной направленности. Подростки с антиобщественным поведением, нарушающие законы, не доверяют окружающим, избегают ситуаций, в которых могут отказаться в эмоциональной зависимости. Они менее доброжелательно относятся к сверстникам, часто смешивают секс и агрессию, практически не чувствуют вины за агрессивное поведение. Они во многом напоминают маленьких детей, чьи импульсы подчиняются больше внешним, а не внутренним ограничениям. Такие подростки действуют практически во вред себе, потому что в результате своих действий еще более лишаются привязанностей и попадают под жесткий контроль представителей власти, к которым не испытывают ни доверия, ни уважения» [3].

Системно-феноменологический подход Б. Хеллингера — это синтетический подход, предполагающий гибкое включение в процесс психокоррекционной работы практических технологий и теоретических толкований, принадлежащих различным психологическим школам» [5, 6]. В основе его подхода лежат три базисных понятия, три основы существования здоровой нормальной семьи — это:

- 1) привязанность;
- 2) баланс между «давать» и «брать»;
- 3) порядок.

Одной из целей терапии по Б. Хеллингеру является восстановление, возобновление ранее существовавшей любви у всех членов рода клиента — любви каждого *к своим детям*. Если это наблюдается, выполняется одно из трех условий существования нормальной семьи [15].

Реальная жизнь семьи, особенно в сложных социальных ситуациях (войны, смены социальных формаций, техногенные катастрофы, урбанизация и т. д.), приводит к тому, что происходит нарушение каких-либо основ существования здоровой семейной структуры. Эти нарушения разрушают структуру семьи, нарушают трансляцию «семейных» сценариев. Однако семья — живой организм, и для того чтобы выжить в ней возникают процессы компенсации этих нарушений [16].

Криминализация несовершеннолетних по Б. Хеллингеру является вторичной или третичной компенсацией системы [5, 6].

В качестве объекта нашего исследования выступают семейные отношения несовершеннолетних осужденных. Предмета — эмоциональная близость в се-

мейных отношениях несовершеннолетних осужденных без лишения свободы.

Гипотеза исследования заключается в том, что нарушение степени эмоциональной близости в семьях несовершеннолетних осужденных является криминогенным фактором. Семьи осужденных будут отличаться от семей правоуполномоченных юношей по уровню сплоченности (эмоциональной близости).

Методологической основой исследования стал системно-феноменологический подход Б. Хеллингера [5, 6, 15, 16], в котором деликвентное поведение несовершеннолетних рассматривается как вторичная или третичная компенсация системы, и криминологическая теория воссоединяющего стыда Дж. Брейтуэйта [2].

В исследовании использовалась разработанная авторами статьи шкала эмоциональной близости.

В исследовании приняли участие 44 несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях УФСИН России по Владимирской области. 30 правоуполномоченных юношей в возрасте от 18 до 22 лет, являющихся студентами вузов г. Владимира, составили контрольную группу. Контрольная группа формировалась в случайном порядке по двум признакам: мужской пол, возраст от 18 до 22 лет.

Социально-демографический портрет выборки осужденных

Возраст осужденных от 16 до 20 лет. Все осужденные — мужчины. Из них 16-летние — 5 (11%), 17-летние — 17 (39%), 18-летние — 19 (43%), 19-летние — 1 (2%) и 20-летние — 2 (5%).

Все подростки осуждены условно с

испытательными сроками от 1 года до 3 лет по ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» — 3 чел. (7%), ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» — 1 чел. (2%), ст. 158 УК РФ «Кража» — 16 чел. (36%), ст. 161 УК РФ «Грабеж» — 12 чел. (27%), ст. 162 УК РФ «Разбой» — 2 чел. (5%), ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» — 8 чел. (18%), ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» — 2 чел. (5%). Многие преступления совершены в группе. Во время испытательного срока нарушений выявлено не было, что говорит об отсутствии явно выраженных криминогенных черт личности.

Состав семьи осужденных

Только 17 осужденных проживают в полных семьях (38%), из них пятеро проживают с отчимом или мачехой (11%). 27 осужденных проживают в семьях, где нет или отца или матери (61%). У двоих осужденных родителей нет совсем (2%). 12 человек осужденных проживают еще с одним или несколькими родственниками отца или матери: дяди, тети, дедушки и бабушки (27%), 18 человек имеют братьев или сестер (41%).

Исследование степени эмоциональной близости по шкале эмоциональной близости

С нашей точки зрения, при анализе семейных отношений первоочередное значение имеет показатель сплоченности. Мы придерживаемся определения сплоченности как степени эмоциональной близости между членами семьи.

Таблица 1

Степень эмоциональной близости в семьях правопослушных юношей

Родственник	Степень близости
Отец	8,93
Мать	8,96
Дедушка (по отцу)	4,56
Бабушка (по отцу)	5,73
Дедушка (по маме)	4,46
Бабушка (по маме)	6,60

Гипотеза исследования в данном случае предполагала, что по уровню сплоченности (эмоциональной близости) семьи правопослушных юношей будут отличаться от семей осужденных большей степенью эмоциональной близости (шкала эмоциональной близости) и большей лояльностью в семье (шкала «Эмоции» опросника «Качество семейных отношений»). Таким образом, семьи правопослушных юношей мы сможем определить как относящиеся к «связанной» или «раздельной» семейной системе, а семьи осужденных — либо к «запутанной», либо к «разобценной».

В контрольной группе (30 законопослушных мужчин в возрасте от 18 до 22 лет) выявлена следующая динамика (табл. 1):

1. Равное и очень высокое оценивание эмоциональной близости к обоим

родителям (отец — 8,93, мать — 8,96).

2. Эмоциональная близость с родителями родителей (дедушками и бабушками по отцовской и материнской линии) также равна, она ниже, чем оценка родителей, но находится в средних значениях (к родителям отца — средний балл 5,1, к родителям матери — 5,5).

3. Оценивание эмоциональной близости с дедушками ниже, чем с бабушками, но находится на одном уровне и имеет средние значения (дедушка по отцу — 4,5, дедушка по матери — 4,5; бабушка по отцу — 5,7, бабушка по матери — 6,6).

В экспериментальной группе (44 осужденных без лишения свободы — мужчины в возрасте от 18 до 21 года) выявлена следующая динамика (табл. 2):

1. Разное оценивание эмоциональной близости с каждым из родителей.

Таблица 2

Степень эмоциональной близости в семьях несовершеннолетних осужденных

Родственник	Степень близости
Отец	5,22
Мать	7,31
Дедушка (по отцу)	1,61
Бабушка (по отцу)	3,04
Дедушка (по маме)	2,45
Бабушка (по маме)	4,59

Таблица 3

Сравнение выборок по t-критерию Стьюдента

	Осужденные	Контрольная	p
Эмоц. близость Отец	5,22	8,93	0,001
Эмоц. близость Мать	7,31	8,96	0,026
Эмоц. близость Дедушка (по отцу)	1,61	4,56	0,001
Эмоц. близость Бабушка (по отцу)	3,04	5,73	0,001
Эмоц. близость Дедушка (по маме)	2,45	4,46	0,015
Эмоц. близость Бабушка (по маме)	4,59	6,60	0,036

В целом эмоциональная близость с матерью оценивается значительно выше, чем с отцом (отец — 5,2, мать — 7,3).

2. Эмоциональная близость с родителями родителей (дедушками и бабушками по отцовской и материнской линии) не равна, ниже, чем оценка родителей, и находится в низких значениях (к родителям отца — средний балл 2,3, к родителям матери — средний балл 3,5).

3. Оценивание эмоциональной близости с дедушками ниже, чем с бабушками (дед по отцу — 1,6, дед по матери — 2,5; бабушка по отцу — 3,0 бабушка по матери — 4,6).

Индуктивный анализ по t-критерию Стьюдента

Так как эмпирические значения асимметричности и эксцесса в распределении исследуемых признаков меньше критических, то их распределение в контрольной и экспериментальной группах можно считать нормальным, и для выявления различий в средних значениях возможно применение t-критерия Стьюдента.

Сравнение выборок по t-критерию Стьюдента показало, что средние значения эмоциональной близости (4,03 и 6,54) в контрольной и экспериментальной группах на достоверном уровне отличаются.

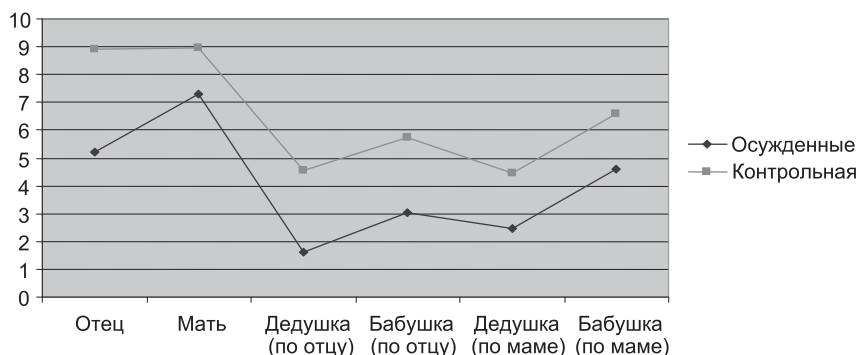

Рис. 1. Сравнение экспериментальной и контрольной групп по степени эмоциональной близости с каждым членом семьи

Выводы

1. Контрольная группа представляет собой близкую к нормальному описанию семью. Присутствуют оба родителя. К родителям у ребенка одинаковое отношение, один уровень эмоциональной близости. Семья поддерживает хорошие (реальные и символические) контакты с семьями обоих родителей. В эмоциональном поле ребенка присутствуют все основные фигуры (6).

2. Экспериментальная группа представляет из себя следующее: отношения с матерью у ребенка значительно ближе, чем с отцом. Таким образом, отец прямо или символически отсутствует. Отношения с родительскими семьями родителей не поддерживаются. Ребенок ближе к родственникам по линии матери. В эмоциональном поле ребенка всего 3 фигуры из 6 (мать, отец, одна из бабушек).

Опросник степени эмоциональной близости осужденного с членами семьи

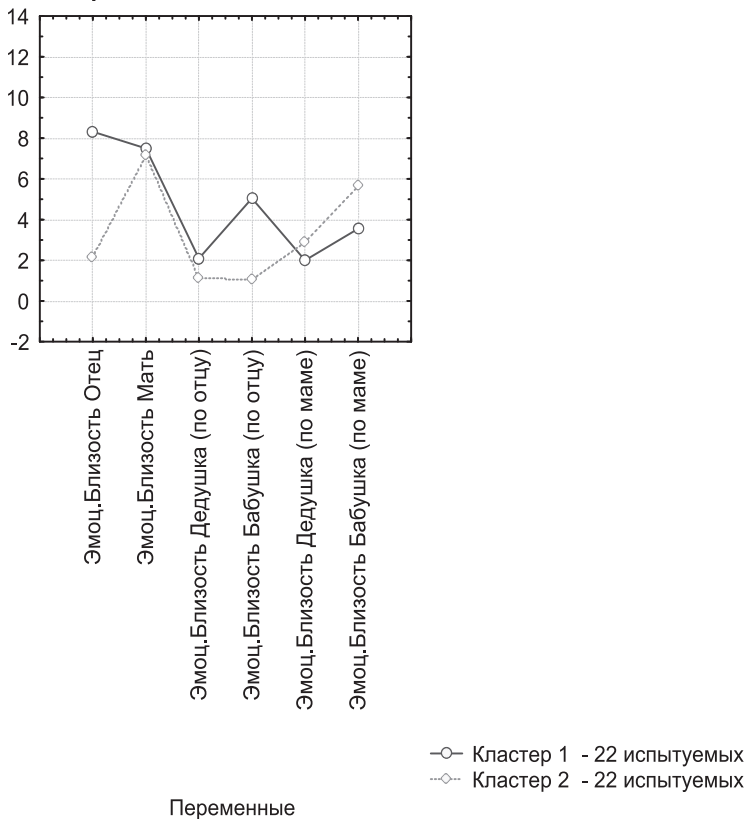

Рис. 2. Кластерный анализ результатов опроса степени эмоциональной близости осужденных с членами семьи

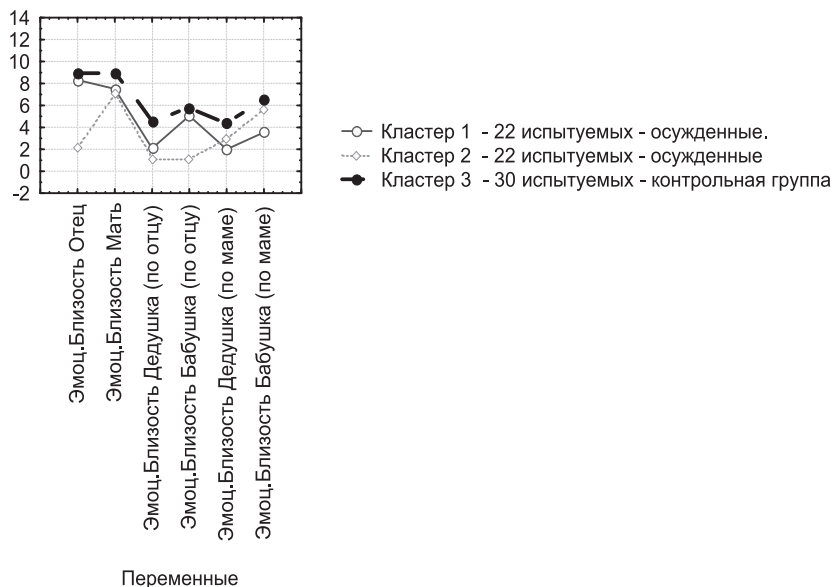

Рис. 3. Сравнение результатов опроса степени эмоциональной близости осужденных с членами семьи и контрольной группы

3. Мы предполагаем, что показатель «количество фигур» в эмоциональном поле может быть значимым. В правопопслушных семьях он выше.

4. В правопопслушной семье ребенок поддерживает отношения с 3 мужскими и 3 женскими фигурами (баланс мужского и женского соблюден). В семьях с ребенком-правонарушителем одна мужская и 2 женские фигуры (баланс нарушен в сторону женского).

5. Одним из символических смыслов преступного поведения осужденного может быть попытка восстановить баланс мужского и женского (преступления в культуре в основном оцениваются как мужское поведение).

Проверим эти гипотезы при помощи кластерного анализа.

Контрольная группа демонстрирует единство. Никаких кластеров не было

выявлено.

Экспериментальная группа разделилась на 2 кластера (одинаковые по количеству респондентов — по 22 человека) (рис. 1).

Для примера приведем график сравнения двух выявленных групп осужденных с контрольной выборкой (рис. 3).

Приведем данные по составу семей осужденных по двум выявленным кластерам (табл. 4).

Отнесенная нами к первому кластеру семья осужденного может быть описана как полная (отец и мать), проживающая отдельно от бабушек и дедушек. Во втором кластере осужденный проживает без отца только с матерью и бабушкой по матери.

Это реальный уровень. Возьмем данные по степени эмоциональной близости, которые определяют символиче-

Таблица 4

Состав семей осужденных по результатам опроса, %

	Первая группа (22 человека)	Вторая группа (22 человека)	Контрольная группа (30 человек)
Состав семьи отец	68,18	13,63	96,6
Состав семьи Мать	72,72	77,27	93,3
Состав семьи Дедушка (по отцу)	4,54	0,00	43,3
Состав семьи Бабушка (по отцу)	18,18	4,54	63,3
Состав семьи Дедушка (по маме)	0,00	22,72	46,6
Состав семьи Бабушка (по маме)	9,09	40,90	63,3

ский уровень (табл. 5).

Так как эмпирические значения асимметричности и эксцесса в распределении исследуемых признаков меньше критических, то их распределение в контрольной и экспериментальной группах можно считать нормальным и для выявления различий в средних значениях возможно применение t-критерия Стьюдента.

Сравнение выборок по t-критерию Стьюдента показало, что средние значения эмоциональной близости осужденных двух групп с членами семьи (4,7 и 3,3) на достоверном уровне отличаются.

При анализе результатов эмоциональной близости в семьях, отнесен-

ных нами к первому кластеру, выявилась следующая ситуация:

1. Оценки по эмоциональной близости с отцом выше, чем с матерью (отец — 8,3, мать — 7,5). Они находятся в зоне высоких значений, но ребенок явно предпочитает отца. Косвенно это указывает на смену половых позиций в родительской семье — предположительно отец выполняет женские функции (забота, опека, принятие), а мать — мужские (жесткость, нормирование, требование).

2. При этом из лиц третьего поколения (родителей родителей) выделяется эмоциональная близость только с бабушкой по линии отца (5,0). Эмоциональная связь с другой бабушкой и дедушками оценивается как слабая.

Таблица 5

Сравнение степени эмоциональной близости осужденных двух групп с членами семьи (t-критерий Стьюдента)

	1 группа (22 человека)	2 группа (22 человека)	p
Эмоц. близость Отец	8,31	2,13	0,001
Эмоц. близость Мать	7,50	7,13	0,726
Эмоц. близость Дедушка (по отцу)	2,09	1,13	0,081
Эмоц. близость Бабушка (по отцу)	5,04	1,04	0,001
Эмоц. близость Дедушка (по маме)	2,00	2,90	0,308
Эмоц. близость Бабушка (по маме)	3,54	5,63	0,076

3. Таким образом, в символическом окружении ребенка находится один мужчина и две женщины.

При анализе результатов эмоциональной близости в семьях, отнесенных нами ко второму кластеру, выявилась следующая ситуация:

1. Из родителей эмоциональная связь у ребенка имеется только с матерью (мать — 7,1, отец — 2,1).

2. При этом из лиц третьего поколения (родителей родителей) выделяется эмоциональная близость только с бабушкой по линии матери (5,6).

3. Таким образом, в символическом окружении ребенка находится две женщины и нет мужчин.

В обоих кластерах семей осужденных присутствует преобладание женщин. И мы обнаруживаем тесную эмоциональную связь ребенка с одной из бабушек. Также критичным, видимо, для формирования криминального поведения становится отсутствие эмоциональной связи с дедушками как по отцовской, так и по материнской линии.

При внимательном анализе можно выявить следующую динамику: присутствует феномен «воспитание ребенка-мальчика без отца». В первом кластере это будет иметь отношение к отцу ребенка-осужденного, а во втором к самому осужденному.

И в том и в другом случае мы наблюдаем триаду «ребенок-мальчик, мать, бабушка по матери». В первом кластере это относится к отцу ребенка. Во втором к самому ребенку.

На данном этапе гипотеза исследования подтверждается. Семьи правоополнительных юношей характеризуются большей степенью эмоциональной близости и относятся, скорее всего, к «связанной»

семейной системе, которая характеризуется высокой степенью эмоциональной близости, лояльностью во взаимоотношениях и определенной зависимостью членов семьи друг от друга.

Семьи осужденных характеризуются меньшей степенью эмоциональной близости и относятся к «разобщенной» семейной системе, которая характеризуется низким уровнем сплоченности и лояльности семье, где члены семьи крайне эмоционально разделены, мало привязаны друг к другу и ведут себя несогласованно. В таких семьях трудно оказывать поддержку друг другу и совместно решать жизненные проблемы.

Общие выводы и рекомендации

Во всех случаях отмечается нарушение структуры семьи несовершеннолетних осужденных. В большинстве случаев можно наблюдать нарушение порядка семейной структуры, выражающееся в отсутствии отца и воспитании ребенка матерью (с привлечением к воспитанию бабушки или дедушки).

На основе исследования нами подготовлены рекомендации к психокоррекционной программе с осужденным:

Подростку нужно осознать роль большой семьи, широких родственных связей. Большая часть подростков под семьей понимают только тех людей, которые живут вместе. И таким образом, он под семьей понимает чаще всего маму и себя, или маму, папу и себя, или маму, бабушку и себя. Особенно явно это заметно в неполных семьях, где отец совсем не признается членом семьи. Мы предлагаем подростку понять, что в семью входят все, кто по праву кровных или родственных связей ей принадлежит. Это всегда родители (и папа, и

мама), бабушки и дедушки, братья и сестры, дяди и тети подростка.

Не важно, поддерживаются ли с ними отношения, они все часть семьи. А значит их судьбы, их ценности, их взгляды в семье присутствуют и могут определять поведение людей. Программа предполагает широкий взгляд на мужские и женские судьбы в семье.

Подростку нужно найти правильное понимание и принятие отца. Большая часть подростков осуждает отца, и не может простроить с ним нормальные отношения. Чаще всего в этом подростки поддерживают мнение своих мам или других членов материнской семьи (например, бабушки). Таким образом, ребенок втягивается в отношения родителей. Ребенок должен принимать своего отца таким, какой он есть и любить и уважать его таким. Мы предлагаем ему понять, что другого отца у него не могло быть, что его мама выбрала ему такого папу. И он, безусловно, даже если они живут раздельно, сын своего отца. Ребенок занимает свое место в семье (место ребенка), когда находит уважение и любовь к такому отцу, какой он есть и каким он был. Тогда он может слушать его, слышать его, понимать его и понимать его отношение к жизни, ценности. Это же поможет подростку увидеть как много общих форм поведения и суждений есть у него и у отца. Так он становится более осознанным в жизни.

Подросток должен понять ответственность всех членов семьи друг перед другом, особенно родителей друг с другом и родителей перед детьми. В семьях часто используется убеждение, что кто-то более прав, а кто-то более виноват. И семья распадается, например, на хорошую маму и плохого

отца. Все взрослые члены семьи несут свою долю ответственности за то, что произошло в семье и с каждым членом семьи в отдельности. И если родители развелись, они оба за это отвечают. Ребенок меньше отвечает за родителя, чем родитель за ребенка, просто потому, что взрослые опытнее, сильнее и способны самостоятельно прорабатывать свою жизнь, а ребенок еще нет. Это позволяет подростку более объективно и ответственно относиться к своим собственным планам о будущей семье.

Подросток должен понять, что хорошая семья строится на уважении и любви друг к другу. А злость, жалость, страх, унижение создают условия для нарушенных и небезопасных отношений в семье.

Литература

1. Афанасьев В.С., Гишинский Я.И. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: учеб. пособие. — СПб.: ИС РАН, 1993. — 167 с.
2. Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение / пер. с англ. Н.Д. Хариковой; под общ. ред. М.Г. Флямера; коммент. Я.И. Гишинского. — М.: Судебно-правовая реформа, 2002.
3. Бреслав Г.Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности: учеб. пособие для специалистов и дилетантов. — СПб., 2004.
4. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. — Самара, 1996.
5. Вебер Г. Два рода счастья: Системно-феноменологическая психотерапия Берта Хеллингера. — М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2007. — 332 с.
6. Вебер Г. Кризисы любви: Системная психотерапия Берта Хеллингера. — М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2001.
7. Витакер К. Полночные размышления семейного терапевта. — М.: Класс, 1998. — 205 с.
8. Гаврилов Б.Я. Актуальные вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в отношении несовершеннолетних // Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 26–27 нояб. 2009 г.): в 2 ч. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. — Ч. 1.

9. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: учеб. пособие. — М., 2006.

10. Новиков Р.В. Некоторые вопросы назначения наказаний несовершеннолетним // Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 26–27 нояб. 2009 г.): в 2 ч. — Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. — Ч. 1.

11. Парадокс и контрпарадокс: Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие / М. Сельвини Палаццоли, Л. Босколо, Дж. Чекин [и др.]: пер. с итал. — М.: Когито-Центр, 2002. — 204 с.

12. Системная семейная терапия: Классика и современность / сост. и науч. ред. А.В. Черников. — М.: Класс, 2005. — 400 с.

13. Фромм Э. Душа человека. — М., 1998.

14. Хейли Дж. Терапия испытанием. Необычные способы менять поведение / пер. с англ. В.М. Саринной. — М.: Класс, 1998. — 208 с.

15. Хеллингер Б. Источнику не нужно спрашивать пути. — М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2007. — 308 с.

16. Хеллингер Б. Порядки помощи. — М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2006. — 242 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «Я-КОНЦЕПЦИИ» ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ

О. В. Старикова, К. А. Хрушкова

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) — проект № 10-06-53401а/Ц

Аннотация: статья посвящена анализу психологических особенностей «Я-концепции» осужденных за преступления против близких родственников. Авторами рассматриваются различные подходы к проблеме формирования «Я-концепции», раскрываются психологические механизмы совершения данных преступлений.

Ключевые слова: «Я-концепция», внутрисемейные преступления, осужденные за преступления против близких родственников, психологические механизмы.

The summary: the article analyzes the psychological characteristics of «I-concept» convicted of crimes against family members. The authors consider various approaches to the formation of

«I-concept», reveals the psychological mechanisms of the commission of these crimes.

Keywords: «I-concept», intrafamily offense, convicted perstupleniya against close relatives, the psychological mechanisms.

Большое количество совершаемых преступлений внутри семьи свидетельствует о кризисе института семьи, нарушении семейных взаимоотношений как системного явления. Эти нарушения, на наш взгляд, имеют глубокие корни, которые отправляют нас в главный период формирования модели будущих семейных взаимоотношений, в детство. Именно в этот период закладываются будущие сложности в будущей семье

ребенка. Накапливаются психологические проблемы, психологические и физические травмы, которые требуют вмешательства специалистов различных уровней. Агрессия внутри семьи, криминальная направленность родителей, отсутствие одного из них в процессе воспитания ребенка, гипо- и гиперопека, низкий нравственный и культурный уровень взрослых, оказывающих влияние на ребенка, и ряд других факторов способствуют формированию установок в сознании детей, нарушениям в становлении «Я-концепции» ребенка, как структурного элемента сознания, ведущим в последующем к совершению преступления против членов своей семьи.

В современной психологии под сознанием подразумевают — специфически человеческую форму ориентировки в мире, включающую в себя в качестве образцов (идеальных форм) ее обобщенные схемы, имеющие социальный и наиндивидуальный характер и принятые в данной культуре в качестве средства передачи опыта (в том числе опыта действий) новому поколению входящих в культуру людей. Сознание человека — это сформированная в процессе общественной жизни высшая форма психического отражения действительности в виде обобщенной и субъективной модели окружающего мира в форме словесных понятий и чувственных образов [1].

Вместе с тем «Я-концепция» как структурный элемент сознания имеет общие характеристики, присутствующие как в зарубежных (Г. Айзенк, А. Адлер, Ч. Кули, Д. Мид, Г. Олпорт, К. Роджерс, К. Юнг, К. Хорни, Э. Фромм, З. Фрейд, Э. Эриксон и др.), так и в отечественных (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь,

Д.А. Леонтьев, М.М. Бахтин и др.) теориях.

Образ «Я», складывающийся в результате личного жизненного опыта, оказывает влияние на восприятие данным человеком окружающего мира, людей, на оценки, которые человек дает людям и собственному поведению. На основе образа «Я» у каждого человека формируется «Я-концепция». Она может быть положительной, отрицательной и двойственной (противоречивой). Индивид с положительной «Я-концепцией» видит мир иначе, чем человек с отрицательной или двойственной «Я-концепцией». Она может быть реальной, соответствующей действительности, и нереальной (вымышленной, иллюзорной, искаженной). То, что не согласуется с «Я-концепцией» человека, может быть вытеснено из сферы его сознания, отвергнуто им, хотя на самом деле это может оказаться истинным. Степень удовлетворенности человека своей жизнью, мера полноты переживаемого им счастья непосредственно зависят от того, в какой степени его опыт, его реальное «Я» и его же идеальное «Я» согласуются друг с другом. Следовательно, «Я-концепция» — это динамическая система представлений человека о самом себе, в которую входит осознание им своих качеств (физических, эмоциональных и интеллектуальных), самооценка, а также субъективное восприятие влияющих на данную личность внешних факторов.

В данной работе проводились исследования, направленные на изучение психологических особенностей «Я-концепции» осужденных, отбывающих наказание за преступления против близких родственников. Степень

адекватности образа «Я» осужденного выясняется при изучении самооценки личности — оценки личностью самого себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей. От нее зависят взаимоотношения осужденного с окружающими, его критичность и требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам. Низкая социальная ответственность, желание удовлетворить свои потребности любыми средствами, частое употребление алкоголя и наркотиков в сочетании с бесцельным времяпрепровождением приводят к совершению преступлений насильственного характера.

В исследовании принимали участие 138 осужденных разного пола, отбывающих наказание за преступления против близких родственников. Осужденным было предложено заполнить анкету, разработанную исследователями Академии ФСИН России, выполнить проективную методику «Несуществующее животное», пройти тест «Индекс жизненного стиля» (LSI). Также был проведен анализ независимых характеристик осужденных.

В ходе исследования были выделены следующие особенности всех результатов независимых характеристик:

Анкетирование показало, что 103 испытуемых не состояли в браке, 18 — состояли в браке и семья сохранилась, у 17 — семья распалась. Судимость у 96 человек является первой и, как правило, по ст. 105 УК РФ. Второе место занимают изнасилования ст. 131, 132 УК РФ. Образование у 123 человек среднее и среднее специальное, высшего образования нет ни у одного из обследуемых. На момент совершения преступления 114 человек не работали.

Основная часть осужденных воспитывалась в неполных семьях. Чаще всего наиболее слабым звеном в системе социальных отношений выступают отношения с родителями (а уже потом их сверстниками и педагогами), при этом такие нарушения возникают при уже деформированном отношении к будущему и наличии выраженных акцентуаций характера. Эти качества личности формируются, как известно, в основном под влиянием семьи. Следовательно, наиболее исходным и в психологическом плане первичным моментом в возникновении деформированного развития личности являются ненормальные отношения в семье. Данная позиция оказала огромное влияние на формирование и развитие личности.

Как известно, характер ребенка закладывается до 3 лет. Большинство испытуемых в этом возрасте столкнулись с ранней утратой близких (смерть матери, либо отца), что, безусловно, оставило отпечаток на психике, вместо любви, теплоты, заботы и безопасности вселило чувство пустоты, незащищенности, одиночества. Так, 50 % осужденных воспитывались в неполных семьях, 35 % — не имели отца и 15 % — росли без родителей в интернатах. Кроме того, осужденные были лишены должного родительского внимания и воспитания. С детства испытуемые видели либо алкоголизм родителей, либо были предоставлены сами себе, ввиду частого нахождения родителей на работе. По статистике у 96 % осужденных родители работали полный рабочий день и лишь у 4 % — являлись безработными. Следовательно, в детском возрасте испытуемые ощущали недостаток внимания, что способствовало повышению риска усвоения негативного

опыта от старших сверстников, формированию девиантного поведения.

Большинство преступлений было совершено осужденными в 13–14 лет, то есть в подростковый период, который является важным, переломным моментом в жизни каждого человека. Подростковый и юношеский возраст рассматривается как один из наиболее опасных для формирования девиантного и делинквентного развития личности. Подростки продолжают составлять наиболее криминально активную часть населения. Нужно отметить, что мотивация преступного поведения имеет свои выраженные возрастные особенности. Как правило, подросткам присущи два вида криминальной мотивации: корыстная (более 50 %) и насильственно-эгоистическая (40 %), при этом три четверти преступлений носят ситуативно-импульсивный характер. Конкретными причинами становятся: желание развлечься, показать силу, смелость, утвердить себя в глазах сверстников, стремление к престижным вещам. Наиболее важным отличительным признаком подросткового периода являются фундаментальные изменения в сфере его самосознания, которые имеют кардинальное значение для последующего развития и становления подростка как личности. Именно в этот период сознание, пройдя через многие объекты отношений, само становится объектом самосознания и, завершая структуру характера, обеспечивает его целостность, способствует образованию и стабилизации личности. В подростковом возрасте у молодых людей активно формируется самосознание, вырабатывается собственная независимая система эталонов самооценивания и самоотношения, все более развиваются способности к

проникновению в свой собственный мир. В этом возрасте подросток начинает осознавать свою особенность и неповторимость, в его сознании происходит постепенная переориентация с внешних оценок (преимущественно родительских) на внутренние.

Таким образом, постепенно у подростка формируется своя «Я-концепция», которая способствует дальнейшему, осознанному или неосознанному построению поведения молодого человека. Следовательно, можно предположить, что «Я-концепция» осужденных деформировалась, отклонилась от социально принятых норм, тем самым привела к антиобщественному поведению данных лиц.

Осужденные воспитывались преимущественно представителями противоположного пола. Нужно отметить, что при полноценном воспитании ребенка необходимо как женское, так и мужское влияние, поскольку происходит основное усвоение социальных ролей. Девочка, как будущая женщина должна принять поведение будущей хозяйки, хранительницы домашнего очага, приобрести свойственную женственность. Мальчики же усваивают особенности мужского поведения, приобретают свойственные их природе черты характера (смелость, выдержку, настойчивость и т. д.).

Затем осужденным было предложено выполнить проективную методику «Несуществующее животное». Большинство рисунков примитивны, наблюдается наличие клыков, шипов, что говорит об агрессии человека, непрорисованность ног (лап) свидетельствует об отсутствии дальнейших жизненных планов, индивид не имеет представления о своем дальнейшем будущем. В рисунках при-

показатели по методике "Несуществующее животное"

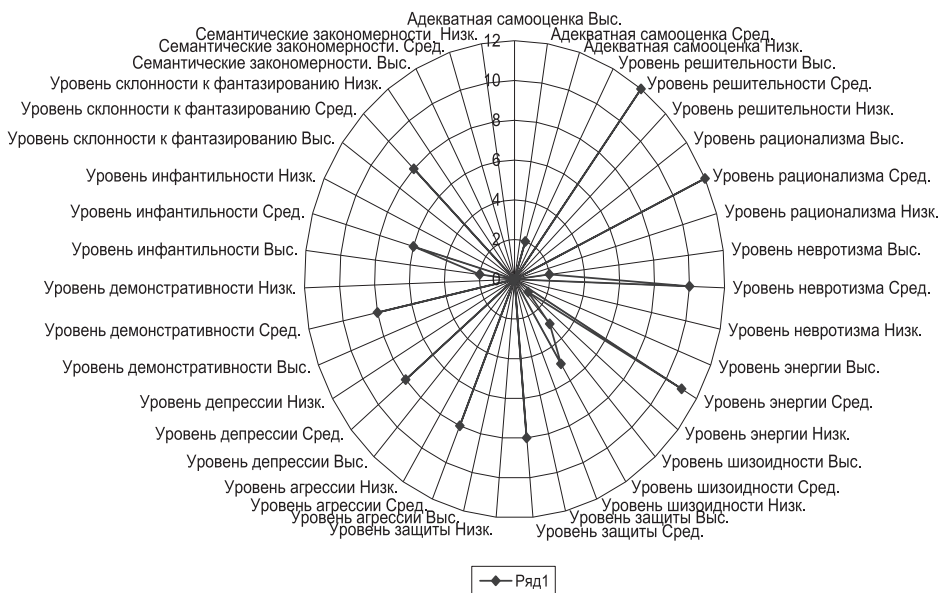

Рис. 1. Результаты тестирования по методике «Несуществующее животное»

сутствуют углы, тщательная штриховка элементов, небольшой размер изображения. Большинство изображений мелкие, невзрачные, часто встречаются только определенные части тела (только голова без туловища). Такое явление говорит об эгоцентризме осужденного, его стремлении выделить себя среди остальных.

Рисунок 1 содержит результаты тестирования по методике «Несуществующее животное».

Наблюдается высокий уровень невротизма, шизоидности, решительности и пр. В связи с этим осужденные, отбывающие наказание за преступления против близких родственников, обладают повышенной агрессией, высоким уровнем тревожности, преобладают злость, враждебность.

Также осужденным был предложен тест индекс жизненного стиля (LSI). В нем имеется 97 утверждений, среди которых испытуемым необходимо выбрать верное или неверное. Тест LSI направлен на изучение уровня и преобладания у человека определенных механизмов психологической защиты. К ним относят: отрицание, подавление, регрессия, компенсация, проекция, замещение, рационализм, реактивные образования.

В ходе выполнения работы было установлено, что у осужденных, отбывающих наказание за преступления против близких родственников, доминирующими являются замещение, регрессия, проекция, реактивные образования. Как показало исследование, у большинства испытуемых преобладают деструктив-

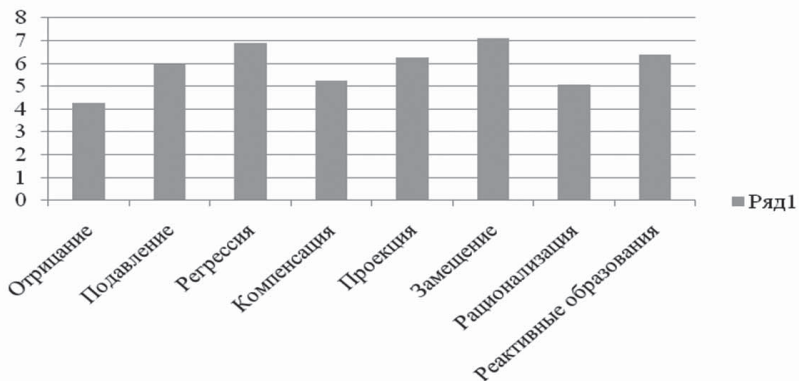

Рис. 2. Результаты тестирования осужденных, отбывающих наказание за преступления против близких родственников, по методике «Индекс жизненного стиля»

ные защитные психологические механизмы, то есть те механизмы, которые приводят к разрушению личности человека. Это обусловлено возникновением неверного представления человека об окружающем мире, отношения к жизни, сформированном в раннем детстве, иными словами формированием базовых мировоззренческих заблуждений, являющихся основной причиной приобретения криминальных установок. Будучи особенной, каждая личность несет в себе отпечаток тех общественных условий, в которых она живет и действует как сознательное, общественное существо. Своеобразие личности осужденного проявляется, прежде всего, в ее психическом облике: характере, способностях, интересах, установках, отношениях, формирующихся и проявляющихся в деятельности человека. На их развитие большое влияние оказывает микро-среда (ближайшее и непосредственное окружение), в которой протекает жизнедеятельность индивида. В то же время вряд ли можно полностью согласиться

с мнением зарубежных и отечественных криминологов и психологов о том, что у этих осужденных особые качества, особая психология, делающие их непохожими на законопослушных людей (Г.Й. Шнайдер, Н.А. Андреев). Следствием низкого общего уровня интересов, культуры осужденного является пренебрежение к моральным и иным ценностям, несдержанность в поведении, отношениях с другими. Так, отсутствие первичного надлежащего воспитания в семье, затем в школе сформировало личность с извращенными интересами и потребностями. Дальнейшее общение с близкими себе по духу, взглядам и воспитанию людьми привело к появлению стойкого стереотипа человека, пренебрегающего элементарными нормами, культурными и этическими взглядами и запросами, способного поступать лишь с узкоэгоцентрических позиций, не признающего нравственные правила поведения.

На рисунке 2 представлены результаты тестирования осужденных, отбывающих наказание за преступления про-

тив близких родственников, по методике «индекс жизненного стиля» (LSI).

Судя по данной гистограмме можно определить, что у осужденных преобладает такой механизм психологической защиты, как замещение, а также интенсивно развиты регрессия, проекция и реактивные образования.

Для механизма замещения характерны: импульсивность, раздражительность, требовательность к окружающим, грубость, вспыльчивость, реакции протеста в ответ на критику, отсутствие чувства вины, увлечение «боевыми» видами спорта, предпочтение кинофильмов со сценами насилия (боевики, фильмы ужасов и т. п.); приверженность к любой деятельности, связанной с риском; выраженная тенденция к доминированию, иногда сочетается с сентиментальностью; склонность к занятию физическим трудом.

Под регрессией понимают такие свойства личности, как: возвращение к ранним, связанным с детством типам поведения, переход на предшествующие уровни психического развития и актуализации успешных в прошлом способов реагирования, неустойчивость.

Такой защитный механизм, как проекция, включает в себя систематическое приписывание другим людям собственных вытесненных переживаний, черт характера. Может проявляться в приписывании окружающим различных негативных качеств как рациональной основе для их неприятия и самоприятия на этом фоне. Человек склонен искать виновников или причины своих проблем во внешнем мире, перекладывает на них ответственность за то, что происходит внутри «Я». Причем он искренне уверен в своей правоте. Доволь-

но часто объектом проекции являются близкие люди: дети, родители, супруги. Возможно бессознательное отвержение собственных негативных качеств и приписывание их окружающим. Вероятно осознание у себя приписываемых качеств и проецирование по формуле «все так делают», и (или) интерпретация своих реальных или мнимых недостатков как достоинств, приписывание недостатков по сходству, например, родитель — ребенок. При этом у него нередко возникает ощущение того, что окружающий мир холоден и безразличен к нему. Вместо того чтобы отнести имеющееся чувство отчужденности к самому себе, он переживает его так, как будто оно направлено на него из этого мира. Аналогично, внутренняя агрессивность часто объясняется как нападение извне. Любитель обвинительных речей и тотального подозрения.

Под реактивными образованиями понимают неприятие всего, связанного с функционированием организма и отношениями полов, оно выражается в различных формах и с различной интенсивностью; избегание общественных бань, уборных, раздевалок и т. п., резкое отрицательное отношение к «неприличным» разговорам, шуткам, кинофильмам эротического характера (а также со сценами насилия), эротической литературе; сильные переживания по поводу нарушений «личностного пространства», случайных соприкосновений с другими людьми (например, в общественном транспорте); подчеркнутое стремление соответствовать общепринятым стандартам поведения, актуальность, озабоченность «приличным» внешним видом, вежливость и т. д., осуждение флирта и эксгибиционизма, воздержанность, ино-

гда вегетарианство, морализаторство, желание быть примером для других.

Таким образом, у осужденных, отбывающих наказание за преступления против близких родственников, доминируют деструктивные механизмы психологической защиты, направленные на разрушение личности человека. Конструктивные механизмы развиты слабо, что говорит о низкой адаптации личности в социуме, неумении правильно строить взаимоотношения в обществе, отсутствии планов на будущее.

Итак, ознакомившись с характеристиками осужденных, можно сделать вывод о том, что испытуемым свойственен некоторый инфантилизм и эмоциональная незрелость — сохранение в психике и поведении взрослого особенностей, присущих детскому возрасту, что выражается в недостаточной зрелости эмоционально-волевой сферы. Возможны: несамостоятельность решений и действий, чувство незащищенности, пониженная критичность по отношению к себе, повышенная требовательность к заботе других, компенсаторные реакции (фантазирование, замещающее реальные поступки, эгоцентризм и пр.), ввиду отсутствия мужского воспитания.

Наблюдается низкий уровень самооценки, средний и высокий уровень невротизма, агрессии, а также средний уровень шизоидности и достаточно высокий уровень инфантильности. Поскольку в раннем возрасте испытуемые не получили должной любви, ласки, заботы произошло смещение социальных ролей, при котором осужденный занимает статус ребенка по отношению к своему партнеру. При нежелании гражданских жен (мужей) подчиняться правилам, удовлетворяющим потребностям

испытуемых (отказ составить компанию, недостаток внимания), у осужденных проявляется гнев, агрессия, что служит основанием для совершения преступлений против близких родственников. Значительно увеличилось число женщин, отбывающих наказание за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, умышленное нанесение тяжких телесных повреждений и даже соучастие в изнасиловании, что связано с возросшей в обществе агрессивностью.

Низкий уровень ответственности, неумение оценивать ситуацию с позиции взрослого человека говорят о высоком уровне инфантильности. Существовать в таких условиях партнерам осужденных психологически тяжело, даже невозможно. Много семей не выдерживают и распадаются, а часто осужденные на момент отбывания наказания вообще не создавали домашнего очага. Осужденных-женщин, совершивших насильственные преступления, отличает чрезмерная эмоциональность реакций на конкретные ситуации, отсутствие конвенциональных взглядов и установок, высокая самооценка и эгоизм, стойкий характер пренебрежения общепринятыми нормами, личностная тревожность, невротизм, депрессия, агрессивность, подозрительность, мстительность и упрямство. По данным Е.В. Середы, имеются специфические личностные особенности у женщин, посягнувших на жизнь своих мужей, отмечается высокий уровень эмоциональности, упрямство, отсутствие чувства вины и раскаяния в совершенном преступлении.

Основной чертой женщин-детоубийц является дисгармоничность их личности. С одной стороны, они стремятся к общению в связи с наличием в характере де-

прессивных признаков, с другой — бояться общения, поскольку подозревают большинство окружающих в недоброжелательности. Наблюдается высокий уровень ненависти к родной матери, ввиду функционирования деструктивных защитных механизмов. 74 % осужденных считают, что наказание со стороны матери, которая несла основную ответственность за воспитание детей, было несправедливым, слишком суровым. Самым частым видом наказания, по словам осужденных, были многочисленные удары по другим частям тела кроме ягодиц, такими предметами как ремень, щетка для волос, палка и другие предметы. Основными методами, которыми руководствовались родители в воспитании детей, были: повышение голоса, крик, попытка заставить ребенка чувствовать стыд, вину, всяческие шлепки, подзатыльники, пощечины и пр.

Отсюда возникает злопамятность; неумение прощать, являющееся, по мнению осужденных, признаком слабости; частое употребление алкогольных напитков, наркотиков, психотропных препаратов; недовольство собой; разочарование в жизни. Такие установки являются предпосылками для совершения преступлений. Исследование показало, что 87 % осужденных совершают правонарушения в состоянии алкогольного опьянения.

Таким образом, изложенное позволило нам сделать выводы об основных механизмах совершения преступлений против близких родственников:

– формирование антисоциальных установок на протяжении детского и подросткового периода. Прежде всего, это усвоение неприемлемых для общества норм, правил поведения в семье (алко-

голизм родителей, нищета, грязь), в ближайшем окружении (общение со сверстниками из неблагополучных семей, трудными подростками, обладающими девиантным или делинквентным поведением), в социуме (СМИ, просмотр видеофильмов жестокого и насильственного характера, чтение литературы, прославляющей представителей криминального мира). Также ввиду отсутствия воспитания со стороны родителей осужденные не были приучены к трудовой деятельности. По данным анкетирования, 80 % испытуемых не работали к моменту ареста;

– совершение правонарушений, мелких преступлений (краж, мошенничеств) и первое попадание в места лишения свободы;

– усвоение криминального опыта, ознакомление с преступной средой (повышенная депрессия, агрессивность, сформированная под влиянием тюремных условий);

– резкое, сильное, негативное психологическое воздействие близких родственников на испытуемого после освобождения (ссоры, скандалы, побои);

– совершение преступлений против близких родственников на фоне повышенной агрессии, ненависти, невроза.

Ознакомившись с данными механизмами, можно отметить, что осужденные, перед совершением преступлений против близких родственников, имели криминальный опыт. Тюремная романтика, жизнь «по понятиям» приходится большинству осужденных по нраву, поэтому, как правило, в своих преступлениях они не раскаиваются. Лишь 17 % сожалеют о содеянном, а остальные 83 % считают, что убитые ими родственники (в основном матери) заслуживали смерти.

Анкетирование осужденных показало, что, по мнению опрашиваемых, всегда можно оставлять себе найденные деньги, а также иногда стоит лгать в своих собственных интересах, брать взятки за выполнение своих обязанностей, покупать нечто, даже если эта вещь краденная, уклоняться от уплаты проезда в общественном транспорте, мошенничать с налогами при наличии возможности и убивать в целях самозащиты.

Следовательно, происходит определенное психологическое выравнивание сложности, опасности преступлений, безразличие к последствиям относительно себя и других. Тяжесть ответственности за убийство и мелкую кражу приравнивается. Такое явление можно объяснить с точки зрения повторного отбывания наказания осужденными.

Для более яркой иллюстрации описываемой нами проблемы мы приведем некоторые примеры из личных дел осужденных за преступления против близких родственников, являющиеся наиболее типичными жизненными случаями.

Осужденный № 1. К. жил с матерью, отцом и бабушкой. Родители были не расписаны. Отец сел в тюрьму в очередной раз, а мать начала пить и исчезла. С 3 лет осужденный К. жил с бабушкой, но через год она скончалась (повлияли старость и болезнь женщины) и мальчика на воспитание взяла соседская семья в составе 2 взрослых (супруги) и 3 детей. По словам осужденного, он воспитывался в любви и заботе. В 14 лет он решил бросить школу, поскольку не хотелось продолжать обучение, ушел из дома, начал бродяжничать, воровать, за что получил первую судимость. Приемные родители поняли его и простили, после освобождения приняли обратно в семью.

Осужденный часто ругался с младшим братом и в процессе очередной ссоры, осужденный К. зарубил своего родственника. Нужно отметить, что осужденный находился в тот момент в состоянии алкогольного опьянения.

Осужденный № 2. З. воспитывался матерью, взаимоотношения были хорошие. Он окончил школу, получил образование в техникуме по специальности менеджмент. Первую судимость имеет за подделку документов. После освобождения вернулся домой, начал выпивать и в состоянии алкогольного опьянения убил мать топором.

Осужденный № 3. К. воспитывался в неполной семье, преимущественно матерью. Мать много пила и била сына за малейшую провинность, вследствие чего сложились плохие отношения. В 14 лет осужденный К. ушел из дома, попал в неблагоприятную компанию и совершил свое первое преступление — кражу. После чего совершил еще несколько преступлений и в течение нескольких лет находился в местах лишения свободы. В тюрьме познакомился с женщиной, у которой от первого брака осталась несовершеннолетняя дочь (7 лет). После освобождения осужденный стал проживать с ней гражданским браком. Осужденный К. постоянно пил, а также ему не нравилось то, что женщина основное внимание уделяет ребенку и не употребляет алкогольные напитки, и не составляет компанию гражданскому мужу. Утром, после ухода жены на работу, осужденный, в состоянии алкогольного опьянения, совершил насильственный акт сексуального характера по отношению к девочке, после чего решил задушить подушкой находящегося без сознания ребенка.

Осужденный № 4. Ф. воспитывался в интернате, не был знаком со своими родителями. В 14 лет он познакомился со своей матерью, которая была лишена родительских прав по причине алкоголизма. Осужденный Ф. начал проживать с матерью. Первые судимости получил за кражу и хранение и распространение наркотиков. После освобождения вернулся домой, стал часто выпивать с матерью и ее гостями. Во время очередного застолья убил мать топором, так как осужденному не понравилось ее поведение.

Осужденный № 5. П. воспитывался отцом и бабушкой, мать умерла, когда осужденному было 3 года. В подростковом возрасте убил своего отца (перерезал горло), вследствие чего получил сильный стресс. В 13 лет осужденный лишился бабушки (женщина умерла по

причине болезни), стал выпивать, употреблять наркотики, воровать. Имел несколько судимостей, после освобождения начал жить с женщиной гражданским браком. Спустя некоторое время убил незнакомого мужчину, который грубо отзывался о его сожительнице.

Осужденный № 6. Б. воспитывался в неполной семье, мать и бабушкой, отец умер, когда осужденный был маленьким. В 13 лет у него появился отчим и младший брат. Первую судимость получил за насильственные действия сексуального характера (изнасиловал дочь младшего брата). Осужденный Б. имеет жену и дочь.

Литература

1. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — М., 1992.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

П. А. Галушкин

Аннотация: в статье ставится проблема самореализации лиц с ограниченными возможностями. Обосновывается модель самореализации личности. На основе эмпирических исследований выделены два типа самореализации лиц с ограниченными возможностями — продуктивный и непродуктивный. Приведена психологическая характеристика продуктивного и непродуктивного типов самореализации личности.

Ключевые слова: самореализация, самореализация лиц с ограниченными возможностями, внешние и внутренние факторы самореализации, тип самореализации личности, продуктивный и непродуктивный тип самореализации личности.

The summary: the problem of selfrealization of handicapped people is stated in the article. The model of selfrealization of a person is substantiated. Based on empirical research two types of selfrealisation of handicapped people are defined- productive and non-productive. Characteristics of productive and non-productive types of selfrealization of handicapped people are given.

Keywords: selfrealization, selfrealization of handicapped people, external and internal factors of selfrealization, type of selfrealization of a person, productive and non-productive types of selfrealization of a person.

В психологии все большую актуальность приобретают исследования личностного потенциала и возможности его

реализации в современных социально-экономических условиях. Впервые проблема самореализации личности была поставлена в гуманистической психологии. Основной вклад в ее создание внесли А. Маслоу [5], Г. Олпорт [6] и К. Роджерс [7], но в ней нашли отражение идеи, разрабатываемые в работах А. Адлера, К. Гольдштейна, В. Франкла, Э. Фромма, К. Хорни, К.Г. Юнга и др.

Теория самоактуализации — ключевой системообразующий элемент гуманистического направления в современной отечественной психологии и педагогике [1–4, 8]. основополагающей для гуманистического направления является идея о том, что осознанное стремление к максимально возможному раскрытию своего человеческого потенциала и его реализации в практической жизнедеятельности выступает в качестве необходимого фактора полноценного развития личности. При этом самореализация личности не происходит спонтанно; этот процесс требует от человека больших волевых усилий. В результате человек изменяет свое отношение к окружающим; внутриличностные изменения несут перемены и в поведении. По мнению гуманистических психологов, самоактуализирующиеся люди обладают целым рядом позитивных качеств.

Предметом нашего исследования выступило выявление психологических особенностей самореализации личности с ограниченными возможностями. В отечественной психологии данная проблема изучена недостаточно. Исходным

в нашем исследовании стало понимание самореализации как процесса актуализации имеющихся потенциалов личности, реализации жизненных планов в рамках общественно полезной практики и на основе принятой субъектом системы ценностных ориентаций и смыслов. Самореализация — полидетерминированный процесс, имеющий как внутренние (зависящие от человека), так и внешние (не зависящие) факторы.

Факторы, которые оказывают воздействие на человека извне, — это социально-психологические условия, которые можно представить в следующем виде:

1. Макросредовые факторы — глобальные воздействия, экологические, социально-политические и экономические особенности того государства и общества, где живет и действует человек.

2. Мезосредовые факторы — такие социальные институты, как система образования, социальной поддержки и т. п.

3. Микросредовые факторы — влияние родительской семьи, отношения «мать-дитя», влияние референтной группы, студенческого или трудового коллектива и т. п.

Внутренние детерминанты процесса самореализации личности — это предпосылки самореализации. Нами были выделены наиболее значимые детерминанты самореализации:

1) индивидуально-психологические свойства личности — это самоотношение, самопринятие, удовлетворенность собственной жизнью и контроль за событиями жизни;

2) осмысленность или смысловые ориентации, цели в жизни, жизненные планы, насыщенность жизни и

удовлетворенность самореализацией;

3) включенность в социальные процессы и отношения с социумом как степень адаптированности индивида к социальной среде, характеристики отношения к окружающим, самостоятельность в принятии решений и построении отношений в больших и малых группах;

4) компетенции или задатки, знания и умения, которые уже реализуются или могут реализоваться в дальнейшем;

5) психофизиологические свойства индивида, наследственные факторы, физиологические особенности организма.

Помимо условий и предпосылок, важнейшей составляющей самореализации личности выступает и сфера ее проявления. К внешним формам проявления самореализации мы можем отнести проявления, которые возможно объективно фиксировать. Это, во-первых, деятельностное проявление самореализации, выражающееся в профессиональных достижениях, творческих успехах, уровне компетенции, материальном положении. Также к внешним формам мы можем отнести и социальные проявления самореализации, такие как высокий социальный статус, включенность в общественные отношения, широкий круг общения. Отдельно следует рассматривать внутренние формы самореализации, которые отражаются в личностном развитии.

Нами было проведено эмпирическое исследование психологических особенностей самореализации лиц с ограниченными возможностями. В исследовании приняли участие 32 респондента в возрасте от 18 до 33 лет с различной степенью выраженности дефекта зрительного восприятия. Был применен следующий

методический инструментарий: краткая форма Опросника личностной ориентации (А. Джоунс, Р. Крэндалл), тест смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев), методика «Уровень субъективного контроля» (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткин), методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд).

Основной задачей нашего исследования стало выделение и характеристика типов самореализации личности, свойственных для исследуемой выборки. В результате анализа собранной психологической информации с применением методов математической обработки данных (критерий ϕ^* — угловое преобразование Фишера, H — критерий Крускала-Уоллиса) нами были получены две наиболее значимые подгруппы, которые характеризуются продуктивным и непродуктивным типом самореализации личности. Приведем их психологические характеристики.

В подгруппу, составившую продуктивный тип самореализации, вошли 12 испытуемых: 8 мужчин и 4 женщины. Эта подгруппа характеризуется высокими показателями, определяющими уровень общей осмысленности жизни. Респонденты четко осознают свои цели, предопределяющие их направленность на реализацию своих потенциалов в профессиональной сфере, создание семьи, которую они воспринимают как фактор поддержки. В процессе целеполагания они адекватно оценивают свои возможности и на основании этого выбирают наиболее эффективные пути решения поставленных задач. Это выражается в выборе профессии, совершенствовании навыков бытовой адаптации и самостоятельности, ориентировании на

гармоничное взаимодействие с окружающими, что в определенной степени позволяет преодолевать препятствия, поставленные физическими ограничениями здоровья.

Для испытуемых, входящих в эту подгруппу, характерно позитивное отношение к собственной жизни, что позволяет им субъективно оценивать себя как полноценных людей, способных преодолевать препятствия, встречающиеся на их жизненном пути. Испытуемые продемонстрировали высокую оценку пройденного отрезка жизни. Они отмечают продуктивность своей деятельности, наполненность своей жизни смыслом, что позволяет им субъективно оценивать себя как компетентных, значимых для окружающих, достигающих личностей.

Уверенность в способностях человека контролировать собственную жизнь подтверждается преобладанием интернального типа субъективного контроля у респондентов, входящих в рассматриваемую подгруппу. Так, по результатам исследования была выявлена общая интернальность, свойственная всем участникам подгруппы. Преобладание интернального типа субъективного контроля было выявлено в сфере достижений, неудач и межличностных отношений. Таким людям свойственно высоко оценивать собственный вклад в различные ситуации, как эмоционально положительные, так и отрицательные события и ситуации. Это подтверждает ранее высказанное нами положение, что они считают себя ответственными за все разнообразие ситуаций, возникающих в их жизни. Также было установлено, что подобным людям свойственна активная и ответственная позиция в сфере построения отношений с окружающими,

что в случае с инвалидами может проявляться в способности интегрироваться в общество и, в частности, в возможности попросить помощь и воспользоваться ею.

Неоднозначные результаты были получены в сфере производственных и семейных отношений. Выраженность у половины испытуемых данной подгруппы экстернального типа субъективного контроля в сфере производственных отношений объясняется воздействием упомянутых ранее внешних условий (например, дискриминацией при приеме на работу), которые значительно ограничивают возможность инвалида реально контролировать собственную производственную деятельность и карьерный рост. Анализ других показателей, составляющих основные характеристики самореализации личности, показал, что испытуемые позитивно относятся как к себе, так и к окружающим, и не испытывают эмоционального дискомфорта в повседневных ситуациях.

В подгруппу людей с ограниченными возможностями, демонстрирующих низкие показатели по основным компонентам самореализации личности, вошли 7 испытуемых, из которых 2 мужчин, 5 женщин. Рассматриваемая подгруппа характеризуется низкими показателями, определяющими общий уровень осмысленности жизни. Испытуемые не имеют четких жизненных целей, что мешает им строить осознанные жизненные планы и реализовывать свой потенциал. По результатам интервью с испытуемыми выяснилось, что они оценивают как наиболее благоприятный отрезок жизни детство или школьные годы. Эта подгруппа характеризуется низкими показателями процесса осмысленности

жизни, ее представители не испытывают эмоционального удовлетворения от жизни в настоящем и часто находят смысл в воспоминаниях о прошлом.

Испытуемые продемонстрировали низкую субъективную оценку пройденного отрезка жизни, они также демонстрируют низкую оценку продуктивности прожитого времени. Их ценностно-смысловая сфера характеризуется наличием экзистенциального вакуума. Анализ показателей «Локус контроля — Я» и «Локус контроля — жизнь» показал, что респонденты не верят в собственные силы и не могут контролировать событийную сферу жизни. Они убеждены, что в целом жизненный путь человека не поддается сознательному и осмысленному волевому контролю.

Неверие в способность человека контролировать собственную жизнь подтверждается преобладанием экстернального типа субъективного контроля у респондентов, входящих в рассматриваемую подгруппу. По результатам исследования была выявлена общая экстернальность, свойственная всем участникам этой подгруппы. Преобладание экстернального типа субъективного контроля было выявлено в сфере достижений и неудач. Все это свидетельствует о том, что испытуемые относятся к экстернальному типу личности. Волевой контроль собственных действий вызывает у них существенные затруднения: они не способны самостоятельно контролировать свои действия, принимать ответственные решения, ставить значимые цели и достигать их, планировать будущее. Подобным людям свойственно занижать ценность собственного вклада в ту или иную деятельность. Это сочетается с такими свойствами личности, вы-

явленными нами у представителей этой подгруппы, как конформизм, фатализм, пассивность.

Выраженность у испытуемых данной подгруппы экстернального типа субъективного контроля в сфере производственных отношений объясняется тем, что такие люди склонны приписывать более важное значение внешним обстоятельствам — стилю руководства, отношениям в коллективе, случайным факторам, а также социально-экономическим условиям, которые значительно ограничивают возможность инвалида реально контролировать собственную производственную деятельность и карьерный рост.

Анализ составляющих самореализации личности, связанных с социально-психологической адаптацией, показывает, что для указанной группы свойственны в основном средние результаты. Однако в сравнении с группой людей с ограниченными возможностями с высоким уровнем самореализации личности эти результаты значительно ниже. Особенно это заметно при рассмотрении показателей эмоциональной

комфортности и эскапизма. Это свидетельствует о том, что они испытывают значительно больший эмоциональный дискомфорт и относительно чаще пытаются избежать принятия решений в значимых ситуациях.

Литература

1. Коростылева Л.А. Проблемы самореализации личности в системе наук о человеке // Психологические проблемы самореализации личности. — СПб., 1997. — С. 3–19.
2. Кудинов С.И. Функционально-стилевой подход в исследовании самореализации личности // Наука. Образование. Практика: сб. материалов регион. межвуз. науч.-практ. конф. — Уфа: Восточ. ун-т, 2007. — С. 37–41.
3. Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. — М.: Смысл, 1997. — С. 156–176.
4. Манеров В.Х. Самореализация личности: взгляд с позиций христианской психологии // Психологические проблемы самореализации личности: сборник / под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростелевой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.
5. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. — СПб.: Евразия, 2002.
6. Олпорт Г. Становление личности. — М.: Смысл, 2001.
7. Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. — М.: Рефл-бук, 1997.
8. Рябова Л.В. Проблемы самореализации человека. — Ростов н/Д, 1993.

В этом номере мы открываем новую рубрику «Психология девиантного поведения», учитывая несомненную актуальность этой тематики в современном российском обществе, а также образовательном пространстве России. Мы приглашаем наших авторов и читателей присылать свои научные материалы и дискуссионные заметки по этой теме, неразработанность которой, наверное, ни у кого не вызывает сомнений.

Если исходить из очень общего (и достаточно неточного пока) определения девиантного поведения как отклоняющегося от социальных норм, при этом причиняющего ущерб обществу, другой личности или самому субъекту поведения, а также сопровождающегося социальной дезадаптацией, возможно, порождающего дезадаптацию других членов общества (как, например, в случае действий некоторых субкультур, о чем нам уже приходилось публиковать материалы на страницах нашего журнала), то проблематика эта достаточно широка, и к ее уточнению и анализу мы и приглашаем наших авторов и читателей. В этом номере мы публикуем первые статьи, так или иначе связанные с этой тематикой.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИУ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

О. Г. Ананьев

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) — проект № 10-06-54901 а/Ц.

Аннотация: в статье рассматриваются современные проблемы совершенствования образовательной системы, связанной с реабилитационной деятельностью исправительных учреждений в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: образовательная система в исправительных учреждениях, педагогические принципы, осужденные, тенденции развития образования несовершеннолетних.

The summary: the article deals with contemporary issues of improving the educational system, related to rehabilitation activities in correctional facilities for juveniles.

Keywords: educational system in the penitentiary institutions, pedagogical principles, convicted and trends of education of minors.

Анализ ситуации, складывающейся в сфере уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, позволяет нам обнаружить определенные тенденции в данном направлении деятельности. В настоящее время имеет место не только озабоченность государственно-общественных сил вопросом роста преступности среди несовершеннолетних, но и осознание необходимости решения социальных про-

блем этой категории правонарушителей, находящихся и освобождающихся из мест лишения свободы. Исследования показывают, что значительная их часть оказываются там по вине взрослых людей, в основном не справившихся с задачей их обучения и воспитания. В связи с этим общественность беспокоят и вопросы содержания несовершеннолетних в «жутких» тюремных условиях, возможного совершения такими лицами повторных преступлений, и вопросы их социальной реабилитации, а также недопущения становления на профессиональный преступный путь во взрослый период жизни.

Вследствие изложенных причин на государственном уровне, руководителями страны постоянно инициируются вопросы, направленные на борьбу с преступностью, необходимость принятия решительных мер всеми ресурсами по декриминализации общества, решению проблем рецидивной преступности и социальной адаптации лиц, отбывших уголовные наказания. Мы наблюдаем, что на различных уровнях государственной власти осознается необходимость политических решений, которые должны быть направлены на решение проблем несовершеннолетних, исправление преступников в период отбывания ими наказаний и проведение с ними мер по их социальной адаптации и социальной реабилитации.

На основании этого целесообразно выделить аспекты, относящиеся к улучшению социально-педагогической реабилитационной деятельности с несовершеннолетними. Акцент на них в первую очередь объясняется достаточно высоким рецидивом среди лиц мужского пола, отбывших наказания в

исправительных учреждениях для несовершеннолетних, а, следовательно, низким уровнем организации учебно-воспитательного процесса.

Следует отметить, что в настоящее время приняты определенные решения, направленные на развитие УИС в этом направлении, в частности в отношении усиления образовательно-воспитательной составляющей процесса, организуемого в ИУ для несовершеннолетних. Уже осуществляется апробирование новой модели образовательно-воспитательной системы исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных. Так, на базе Брянской и Алексинской (Тульская область) воспитательных колоний проводится эксперимент по их преобразованию в воспитательные центры, который преследует цель изменения не только структуры, но и содержания образовательно-воспитательной деятельности. При этом главное внимание уделяется вопросам повышения эффективности деятельности таких учреждений. При реализации этой задачи важно ответить на вопрос: над решением каких проблем несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы надо работать, чтобы разрешать их с использованием тех или иных компонентов образовательно-воспитательной системы. Также важно знать, что для решения такой задачи можно пользоваться базовой схемой организации образовательно-воспитательной системы или же исходя из изменений внешних (ситуация в стране) и внутренних условий (ситуация, относящаяся к изменениям социально-демографической или уголовно-правовой характеристики несовершеннолетних) следует как-либо

изменять (усиливать, уменьшать) ее отдельные компоненты.

Другой важный вопрос: может ли существующая образовательно-воспитательная система действующих исправительных учреждений для несовершеннолетних иметь ресурс решения тех проблем, которые достаточно острым образом обозначились именно в современный период? Отвечая на него, заметим, что не во всех случаях имеющийся ресурс образовательно-воспитательной системы может быть использован, так как на объект (состав осужденных) могут повлиять некоторые условия, чтобы он в короткий промежуток времени значительно изменился. Откуда мы можем получать информацию об изменениях, произошедших в составе осужденных и имеющихся у них социальных проблемах? В прежние времена обнаружение тех или иных процессов, происходящих в сфере исполнения наказаний в отношении известной категории лиц, нам позволяли получать материалы отчетности из различных служб ИУ, наблюдения специалистов, а также проводимые в определенных рамках специальные исследования.

В последнее время серьезным намерением решения данного вопроса послужила проводимая в УИС перепись осужденных. Она же способствовала получению качественных статистических материалов и подтверждению предположений о процессах, происходящих в местах лишения свободы в среде несовершеннолетних, отбывающих уголовное наказание.

Именно обобщенная информация, полученная по результатам проведения переписи, показала, что среди несовершеннолетних лиц, отбывающих наказа-

ния в местах лишения свободы, образовались значимые тенденции, неучет которых в дальнейшем может способствовать ухудшению условий их пребывания в ИУ, вплоть до трудной жизненной ситуации. Было выявлено, что значительную часть среди несовершеннолетних, отбывающих наказания в местах лишения свободы, представляют сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети, воспитывавшиеся в неполных семьях, детских домах, а также у бабушек, дедушек и других родственников. В полной семье к моменту ареста воспитывались всего 34,6 %, в неполной семье — 48 %, а 17,4 % представляли категорию лиц, лишенных родительского попечения [1].

Другая тенденция обозначила отсутствие социально полезных связей у большей части несовершеннолетних, находящихся в местах лишения свободы. Зададим вопрос: а откуда им взяться полезным связям, если именно в начале их жизненного пути были только асоциальные, а жизненный опыт настолько мал, что позитивным контактам образоваться было невозможно. В связи с этим перед сотрудниками УИС, работающими с несовершеннолетними осужденными, стоят вопросы о содействии не в восстановлении, а в первичном установлении (образовании) для них социально полезных связей либо обучении способам и методам их обретения. При этом мало кто представляет формы реализации такой работы, да и нормативные документы этого пока не предусматривают.

Следующая важная тенденция, которая была выявлена в ходе переписи: значительное снижение образовательного уровня несовершеннолетних осуж-

денных, поступающих для отбывания наказаний в места лишения свободы. В ряде колоний для несовершеннолетних появились «коррекционные» классы и увеличилось количество абсолютно неграмотных лиц. Учитывая это, можно сделать определенные выводы об образовательно-воспитательных возможностях семей, где пребывали такие дети, и ответственности государственных учреждений за ведение образовательно-воспитательной деятельности.

Обозначенные тенденции явились детерминант-факторами, способствующими совершению преступлений несовершеннолетними и попаданию их в места лишения свободы. Вследствие чего возникает вопрос: как с помощью имеющихся в исправительных учреждениях для несовершеннолетних ресурсов решать их проблемы в связи с обозначившимися тенденциями?

Анализ действующей образовательно-воспитательной системы уже показал, что она недостаточно эффективна, что ее необходимо приспособить для решения целей социальной адаптации и социальной реабилитации несовершеннолетних. Хотя для оказания социально-педагогической помощи несовершеннолетним, отбывающим наказания, созданы структуры (службы), образующие жизнеспособную современную образовательно-воспитательную систему, основными структурными элементами которой являются:

- помещения для проживания, столовая, возможности для соблюдения правил общественной санитарии и личной гигиены;
- вечерняя школа или УКП; компьютерные классы с возможностью выхода в сеть Интернет;

- профессиональное училище;
- отдел воспитательной работы, психологическая лаборатория, группа социальной защиты осужденных;
- учебно-производственная мастерская для трудовой адаптации;
- клуб, библиотека;
- комнаты воспитательной работы, а также для просмотра телевизионных программ;
- помещения (строения) для отправления религиозных обрядов (церкви, молитвенные комнаты, мечети и т. д.);
- спортивные площадки, отдельные спортивные сооружения.

Казалось бы, что указанных структур, где трудятся сотрудники-специалисты по различным направлениям деятельности, должно хватать для организации эффективной социально-педагогической деятельности. Однако практика показывает, что представленные элементы образовательно-воспитательной системы в своей деятельности должны давать иной, а не получаемый результат.

Следует заметить, что в целях реагирования на необходимость эффективного решения стоящих задач ресурсами действующей образовательно-воспитательной системы, вот уже в течение 10 лет велся и продолжает вестись поиск возможностей ее оптимизации, который предстает перед нами в различных формах. В связи с этим самым примечательным явился опыт УФСИН России по Орловской области по организации *центров психолого-педагогической и социальной работы*. Именно здесь созданные структуры (центры ПП и СР) позволили усилить образовательно-воспитательную систему и направить персонал ИУ на социально-педагогическую и реабилита-

ционную деятельность, о чем в течение длительного времени свидетельствовали результаты оценочных показателей практически всех исправительных учреждений УФСИН России по Орловской области (входившего в число самых лучших в стране).

Также имеется опыт создания в системе исполнения наказания в виде лишения свободы реабилитационного центра для несовершеннолетних в Рязанской воспитательной колонии. Он был организован за пределами охраняемой территории для социальной адаптации и социальной реабилитации несовершеннолетних из числа сирот и социальных сирот, а также их подготовки к освобождению. Анализ деятельности данного центра показал, что благодаря применению индивидуальных социально-педагогических реабилитационных программ среди лиц, прошедших здесь реабилитацию, из 140 человек воспитанниц за 8 лет имел место только единичный случай проявления рецидива. В настоящее время в УИС функционируют уже 4 подобных реабилитационных центра, и 5-й создается в Татарстане.

В исправительных учреждениях г. Екатеринбурга созданы возможности для заочного и дистанционного обучения осужденных в высших учебных заведениях. И такая практика получения образования осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, уже реализуется во многих регионах, хотя имеются не только скептики, но и критики реализации подобных программ.

Особое место в укреплении образовательно-воспитательной системы занимают религиозные организации традиционных конфессий, реализующих

свою деятельность в Российской Федерации. Священство Российской Православной Церкви и традиционного ислама встречаются с лицами, находящимися в местах лишения свободы, проводят беседы, занятия по изучению религиозных учений, проводят обряды, что в целом содействует возвращению несовершеннолетних лиц к правопослушной организации своей последующей жизнедеятельности.

В связи с этим организованный общественно-научный поиск повышения эффективности деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных является закономерным выводом оценки деятельности ресурсов ее образовательно-воспитательной системы.

Отечественный и зарубежный опыт организации подобных образовательно-воспитательных систем в исправительных учреждениях для несовершеннолетних осужденных позволяет сформулировать ряд принципов, которых необходимо придерживаться при их формировании или проводимых преобразованиях.

Образовательно-воспитательная система исправительных учреждений для несовершеннолетних должна строиться следующим образом:

- в соответствии с исторически выверенными педагогическими принципами: обучения и воспитания в деятельности (учебной, трудовой, культурно-массовой, физкультурно-спортивной и т. д.);

- согласно национальному уголовно-исполнительному законодательству, а также с учетом требований международно-правовых актов, которые ратифицировала Российская Федерация;

– процесс образовательно-воспитательного воздействия на осужденных должен быть управляемым, а деятельность персонала ВК — упорядочена внутренним нормативным регулированием (организационно-распорядительные способы), наличием планов и учетов проведения социально-педагогической работы в групповых и индивидуальных формах;

– должен быть обеспечен приоритет применения психолого-педагогических форм воздействия с учетом возрастных особенностей осужденных;

– должны учитываться последние достижения науки и передовые технологии социально-педагогического воздействия на осужденных, полученные из учреждений, имеющих высокую эффективность образовательно-воспитательной работы с несовершеннолетними;

– социально-педагогическая реабилитационная деятельность должна быть направлена прежде всего на решение образовательных проблем несовершеннолетних и учитывать возможности воздействия на чувства и эмоции детей, а также на формирование у них внутренней мотивации на завершение социализации и формирование умений постоянного построения-реализации в пределах законопослушности планов решения индивидуальных жизненных проблем;

– для осуществления надлежащего по продолжительности и интенсивности социально-педагогического реабилитационного воздействия в течение суток на несовершеннолетних осужденных необходимо иметь профессионально подготовленных сотрудников и добровольных помощников, привлекаемых из граждан-

ской сферы; это могут быть психологи, специалисты по социальной работе, педагоги, люди, достигшие в определенных видах деятельности значительных успехов; представители религиозных конфессий, исторически традиционно организующих свою деятельность на территории России и деятельность которых легитимна;

– могут привлекаться родственники лиц, лишенных свободы, способные по своим личностным качествам участвовать в организуемых образовательно-воспитательных мероприятиях, где их участие в соответствии с правилами безопасности и этически допустимо;

– необходимо создавать приемлемые социально-бытовые условия, в которых будет происходить социально-педагогическое реабилитационное воздействие, не вызывающее получение обратного (отрицательного) эффекта в противовес ожидаемому и нежелательный обмен преступным опытом, дальнейшую дезадаптацию личности несовершеннолетних;

– для надлежащей организации и проведения социально-педагогической реабилитационной работы должны выделяться соответствующие финансово-материальные ресурсы; без вложения соответствующих средств в настоящее время претендовать на получение конкретного позитивного результата весьма затруднительно;

– необходимо фиксировать результаты социально-педагогических реабилитационных воздействий (осуществлять документирование, контролировать ход выполнения поставленных задач, проведения воспитательных мероприятий), а также анализировать их с целью своевременной коррекции для

улучшения полученных результатов и повышения эффективности.

Таким образом, совершенствование образовательно-воспитательной системы реабилитационной деятельности исправительных учреждений для несовершеннолетних может давать результаты, которые будут свидетельствовать об улучшении деятельности указанных государственных структур исполнения уголовных наказаний.

Характеристика клиентов социальной работы как объектов гражданских социальных служб

Наиболее сложную категорию представляют *осужденные, освободившиеся из ИУ*:

- часть из них окончательно утратили навыки адаптированности к труду, работать не хотят;
- меры к тому, чтобы в кратчайшие сроки после освобождения заниматься вопросами своего трудоустройства и регистрации, не предпринимают;
- в службу занятости населения в подавляющем большинстве на учет не становятся;
- еще более дезадаптированы в связи с пребыванием в местах лишения свободы в условиях криминальной субкультуры;
- после освобождения из ИУ строят свое поведение, ориентируясь в основном на употребление ПАВ и ведение преступного, а также паразитического образа жизни; свое существование обеспечивают, как правило, за счет родственников;
- к собственному здоровью и организации дальнейшей жизни относятся крайне безответственно;
- психологического порога на не-

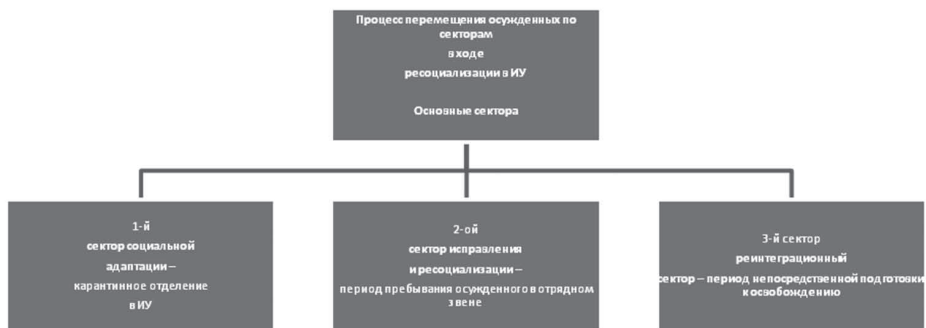
совершение повторного преступления не имеют и повторного попадания в места лишения свободы в основном не боятся.

Стратегия проведения социальной адаптации лиц, прибывших к избранному месту жительства после освобождения из мест лишения свободы, включает в себя следующие направления деятельности:

- а) содействие *социально-бытовой адаптации* и регистрации по месту жительства в короткий срок;
- б) решение вопроса с *получением оплачиваемой работы*, как источника существования, исключающего ведение преступного образа жизни;
- в) воздействие с целью *формирования мотивации на ведение семейного образа жизни* без обращения к аддиктивному поведению;
- г) *профилактика* средствами социальной работы совершения лицами, освободившимися из мест лишения свободы, *повторных преступлений*;
- д) включение в систему социально полезной занятости и *ведения здорового образа жизни* и т. д.

Поиск эффективных форм и методов работы с клиентами социальных служб, прибывшими к постоянному месту жительства из мест лишения свободы, в будущем будет происходить на постоянной основе. Однако среди известных форм и методов (в отношении отдельных из них) уже сейчас можно ставить вопросы о возможности современного использования.

Необходимо *организовать общественно-научный и практический поиск проведения их некоторой внутренней реструктуризации* и расстановки персонала в направлении повышения эф-

фективности деятельности. В качестве исходной идеи может служить теоретическая модель «превращения исправительных учреждений в реабилитационные», в которой основой деятельности может стать — именно ресоциализация и социальная реабилитация осужденных.

Концептуальную идею придания деятельности исправительных учреждений ресоциализационных и более четко обозначенных реабилитационных функций можно обозначить схематично по так называемым *основным секторам*, перевод осужденных в которые будет происходить в течение срока отбывания наказания. Именно в этих секторах (по возможности изолированно друг от друга) будут проходить все этапы отбывания наказания. Считаем, что формально, то есть с помощью законодательных и ведомственных нормативных актов, весь период отбывания наказания осужденных в местах лишения свободы уже разделен на три части — *начальную, основную, заключительную* (или подготовки к освобождению). На наш взгляд, каждого осужденного, отбывающего наказание в ИУ, необходимо перемещать в этом процессе по трем основным секторам, которые надо назвать соответствен-

но: 1) сектор социальной адаптации; 2) сектор исправления и ресоциализации; 3) сектор подготовки к реинтеграции в общество.

Кроме того, в ИУ могут быть созданы и функционировать следующие дополнительные сектора: *трудоустройства* (он уже есть — это производство); *сектор медико-социальной реабилитации*: для лиц, нуждающихся в периодическом получении медико-психиатрической и психологической помощи; *сектор коррекции поведения*: ШИЗО, ПКТ, СУОН, добровольное уединение в маломестных закрывающихся помещениях; *сектор ОВЗОЖ* (обучения ведению здорового образа жизни) или *рекреации*; *сектор информации и образования* (для лиц, занимающихся образованием).

Какие цели при такой системе создания секторов могут быть достигнуты:

– изменение деятельности ИУ УИС от исполнения режимно-изолирующей функции к реализации исправительно-реабилитационной, в конечном счете *переориентация деятельности ИУ* в аспектах применения не только исправления и ресоциализации, но и социальной реабилитации преступников, освобождающихся из ИУ;

– создание секторной исправительно-реабилитационной деятельности с целью реализации возможностей для противодействия тюремной субкультуре (большая изолированность и усиленная ресоциализационная работа с осужденными не будет способствовать росту авторитета криминальных лидеров);

– повышение профессиональной подготовленности персонала УИС и его роли в возможности воздействия на осужденных с целью их исправления, ресоциализации и социальной реабилитации;

– создание исправительно-ресоциализационного сектора в структуре каждого ИУ и переноса всей тяжести и ответственности работы соответственно материального стимулирования на персонал, работающий в данном секторе;

– овладение персоналом ИУ, работающим в исправительно-ресоциализационном секторе, современными конкретными социальными технология-

ми работы с лицами, отбывающими уголовные наказания.

Чтобы данная модель работала эффективно, необходимо ее дополнить возможностью приобретения гражданскими социальными службами функции оказания содействия исправительным учреждениям (прежде всего обществу) в социальной адаптации освобожденных лиц. Решение этой проблемы возможно через принятие изменений в действующее законодательство о социальном обслуживании населения.

Если не будет возможности создания социальной службы в таком виде, то можно рассмотреть необходимость передачи указанной функции уголовно-исполнительным инспекциям, но при этом полностью реформировав их деятельность. Имеется в виду, что в настоящее время УИИ, по сути, выполняют лишь функции, связанные с работой с документами по подобию, как в ИУ работают спецотделы. А в реальности существует необходимость в исполнении

наказаний и проведении мероприятий по исправлению, ресоциализации, оказанию социальной помощи лицам, в отношении которых исполняются уголовные наказания. Следовательно, содержательная сторона работы УИИ должна быть преобразована.

Приведенная модель организации деятельности исправительных учреждений — это проект, но уже сейчас в отдельных регионах существуют в ИК *центры ППиСР*, а также *реабилитационные сектора* или *отряды* внутри охраняемого объекта, где успешно идет работа, в том числе по подготовке осужденных к освобождению. В УИС России имеется и опыт создания реабилитационного центра для подготовки осужденных из числа сирот и социальных сирот к освобождению, размещенный за пределами охраняемого объекта.

В некоторых регионах в ИУ делаются попытки на заключительном этапе переводить осужденных, которым осталось отбывать наказание менее 6 месяцев в отдельный отряд, где с ними проводится усиленная работа по их подготовке к освобождению. Нередко именно перед освобождением часть таких лиц допускают срывы и совершают в ИК преступления.

Для надлежащей подготовки осужденных к освобождению, по нашему мнению, в каждом ИУ необходимо создавать лаборатории по социальной работе.

В некоторых ВК имеется опыт создания отрядов (отделений), где размещаются осужденные, готовящиеся к освобождению, а также реабилитационных центров или центров социальной адаптации (реабилитации), которые находятся как внутри охраняемого объекта, так и за его пределами. И здесь нет никаких противоречий законодательству, методам и технологиям проведения воспитательной, социальной и психологической работы с данной категорией лиц, которых (исходя из объективных показателей) необходимо перемещать, создавая для них новые стимулы, побуждающие к изменению поведения и работе над собой. Важно при этом, чтобы решения о помещении в обозначенные структуры принимались коллегиально (на учебно-воспитательном совете, советах воспитателей отрядов) и утверждались руководством ВК.

Литература

1. Характеристика несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы // Ведомости УИС. — 2011. — № 4. — С. 22–27.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Михайлов

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) — проект № 10-06-54901 а/Ц

Аннотация: в статье рассматриваются психолого-педагогические проблемы развития современного российского среднего профессионального образования, проводится анализ ситуации со средними специальными учебными заведениями.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, психология личности подростка, средние специальные учебные заведения.

The summary: the article considers the psychological and pedagogical problems of development of the modern Russian secondary vocational education, is carried out the analysis of the situation with average special educational institutions.

Keywords: secondary professional education, the psychology of the personality of the teenager, secondary special educational institutions.

В условиях формирующегося общества, основанного на знаниях, стремительного технологического прогресса, постоянно возрастающих требований рынка труда, глобализации рынка образовательных услуг, увеличивающейся профессиональной и академической мобильности наблюдается постоянный рост уровня образования населения. Сегодня образование рассматривается как рычаг управления социальными и экономическими преобразованиями в стране.

С российским профессиональным образованием сложилась действительно весьма опасная ситуация, угрожающая национальной безопасности страны. Одна из причин этого заключается в том, что государственный аппарат России пытается скопировать для нашей страны западные модели, в том числе в сфере образования. Однако это весьма опасная тенденция.

Современные процессы глобализации порождают деформации и нестабильность в экономике самих западных стран. Так, в США практически ликвидирована легкая промышленность, в упадке находится автомобильная и ряд других отраслей промышленности, то есть материальное производство сворачивается. При этом большая часть работающего населения (около 85 %) занята либо информационными технологиями, либо бизнесом в сфере финансов, то есть по сути люди «перекладывают бумажки» и «качают воздух». Фактически же экономика США на сегодняшний день подкрепляется лишь печатанием долларов и продажей их по всему миру. И чтобы как-то удержать эту ситуацию на плаву США вынуждены ежедневно «поглощать» 2,5 млрд долларов иностранных инвестиций.

Примерно в том же положении, может быть несколько лучше, находится экономика стран Западной Европы.

Возникает вопрос, а причем же здесь среднее профессиональное образование (СПО)? В чем его вина в создавшейся нестабильности экономики Запада? Да самая непосредственная. В последние десятилетия молодежь этих стран устремилась к высшему образованию, и в основном не по индустриальным профессиям, а к якобы «престижным» специальностям: юристов, экономистов, финансистов, менеджеров и т. п. «Непрестижные» же рабочие места заняты: в США — афроамериканцами, латиноамериканцами, китайцами, а также иммигрантами различных национальностей, в том числе выходцами из России; в Западной Европе — турками, арабами, индонезийцами и т. д., которые все прибывают и прибывают в эти страны, создавая при этом все больше социальных и криминогенных проблем.

Обратимся теперь к России. Мы в точности повторяем этот же путь. В 2008 г. число выпускников 11-х классов составило 1,35 млн чел., а в вузы поступили 1,2 млн, причем в подавляющем большинстве по «престижным» специальностям: экономистов, юристов, психологов, менеджеров и т. п. В то же время рабочие места на заводах и стройках пустуют. Так, в г. Санкт-Петербурге 70 тыс. вакансий рабочих мест для специалистов со средним специальным образованием, но при этом масса безработных с высшим образованием [7]. Современные российские средства массовой информации (СМИ) как бы не замечают этого, продолжая рекламировать в сериалах «престижные» профессии.

По данным Росстата России, за период с 1995/1996 по 2007/2008 учебный год число студентов российских высших учебных заведений (вузов) уве-

личилось в 2,6 раза, а средних специальных учебных заведений (ссузов) — только на 30 % [7].

Прослеживается следующая закономерность: лица с высшим образованием, по крайней мере с высшим гуманитарным образованием, на должности рабочих трудиться не идут. «Непрестижные» рабочие места (на заводах, стройках, рынках) у нас в стране все чаще занимают: китайцы, вьетнамцы, украинцы, молдаване, азербайджанцы, грузины и т. д.

В то же время необходимо отметить, что общеобразовательная школа с 1-го по 11-й класс «теряет по дороге» до 4,7 млн чел. Из них примерно 700 тыс. чел. поступают в учреждения начального профессионального образования, 800 тыс. чел. — СПО. Однако более 3 млн чел. уходят из школы «в никуда», становясь люмпенами, маргиналами, пополняя ряды преступников, наркоманов и т. п. Отказ от школьного всеобуча — заслуга наших «демократов» — это не только огромная социальная опасность, но и экономическая «яма», особенно в условиях напряженной демографической ситуации. Так, одна из причин развала промышленности США — это такие же квалификационные ножницы: «белые воротнички» в производство не идут, а люмпены, которых там еще больше чем у нас, не способны к квалифицированному труду.

Социально-психологический анализ социализации современных российских подростков показывает, что доминирующее влияние на становление личности оказывают различные молодежные субкультуры и СМИ, что касается образовательной системы то ее позиция не самая первая [8]. Педагогическое воздействие на подрастающее поколение фактически

не просматривается. Если раньше была идея построения светлого будущего, то теперь этого нет, получается некий вакуум, который пытаются заполнить всевозможные идеологические системы (не всегда положительного направления). В данном случае просматриваются разнообразные западные субкультурные теории (готы, ЭМО и т. д.), сюда направлено внимание экстремистских организаций, «работает» криминал, пополняя свои ряды. Роль государственных образовательных институтов принижена в связи общей социально-экономической политикой.

В соответствии с Законом РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1 среднее профессиональное образование имеет целью подготовку специалистов среднего звена, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования на базе основного общего, среднего (полного) общего или начального профессионального образования. Среднее профессиональное образование может быть получено в сузах или на первой ступени образовательных учреждений высшего профессионального образования.

По Международной стандартной классификации образования ЮНЕСКО среднее профессиональное образование приравнено к высшему или доуниверситетскому высшему образованию, направленному на подготовку практико-ориентированных специалистов. Его базой является среднее (полное) общее образование (11 классов), которое обеспечивает освоение образовательной программы среднего профессионального образования.

В соответствии с Типовым положением об образовательном учреждении

среднего профессионального образования (среднем специальном учебном заведении), утвержденным Постановлением Правительства РФ от 18 июля 2008 г. № 543 [10], в России узаконены следующие виды сузов:

- техникум (училище, школа) — среднее специальное учебное заведение, реализующее основные профессиональные образовательные программы среднего профессионального образования базового уровня;

- колледж — среднее специальное учебное заведение, реализующее основные профессиональные образовательные программы среднего профессионального образования базового и повышенного уровня;

- техникум-предприятие (учреждение).

Реализация образовательных программ среднего профессионального образования может также осуществляться и в высших учебных заведениях.

Учреждения среднего профессионального образования могут иметь филиалы, отделения, подготовительные курсы, учебные кабинеты, лаборатории, учебные и учебно-производственные мастерские и хозяйства, учебные полигоны, отделения повышения квалификации и переподготовки специалистов и другие структурные подразделения.

В настоящее время в экономике России занято 17,5 млн специалистов со средним профессиональным образованием, что составляет 25 % от общей численности занятых или 51 % от общей численности занятых специалистов со средним профессиональным и высшим профессиональным образованием [7].

В ранее проведенных нами исследованиях [1] мы показали социально-

психологический портрет современного студента ссуза. Одной из отличительных черт учащихся средних специальных учебных заведений было то, что молодые люди направлены на профессию, они видят, и на старших курсах все больше осознают свою «нужность». У них есть вектор развития, который заключается в том, что они после окончания техникума или колледжа пойдут работать по выбранной ими специальности (как было показано ранее, особых вопросов в трудоустройстве у них не будет, так как молодые рабочие руки сейчас очень нужны) и будут востребованы. На первый взгляд может показаться, что в ссузы идут слабенькие ученики, которым пойти-то некуда (как это было прежде). Однако ситуация начинает постепенно меняться, молодые люди, а также их родители начинают задумываться о хлебе насущном, о получении в будущем специальности, приносящей стабильный доход (транспортное направление, энергетический комплекс, добыча и обработка полезных ископаемых и др.). Профессиональная социализация студентов ссузов направлена на практическое овладение специальностью, в отличие от студентов вузов, у которых занятия больше носят теоретический характер.

Средние профессиональные учебные заведения обладают целым рядом преимуществ:

- менее продолжительный срок обучения по сравнению с вузами (2 года 10 месяцев вместо 5 лет);
- доступность для более широкого круга абитуриентов по причине меньшей стоимости, плата за обучение за семестр в российских ссузах в среднем в два раза ниже, чем в вузах (например, средняя стоимость в ссузах в 2007 г.

составляла 9873 руб. за семестр, а в вузах — 18024 руб. [4]. Если при этом учесть и более короткий срок обучения, то за весь период получения образования эта разница удвоится.

Однако в настоящее время среди ссузов одно из главных преимуществ, по нашему мнению, у колледжей, которые можно отнести к наиболее перспективной форме развития средних специальных учебных заведений. Обучение в таких заведениях весьма престижно. Их основное отличие от училищ и техникумов заключается в повышенном уровне подготовки, приближенном к высшему образованию. Программы колледжей предусматривают фундаментальное многопрофильное образование. Процесс обучения построен с учетом университетских методик преподавания; учебный год разбит на семестры и сессии, а занятия проходят в форме лекций, семинаров, коллоквиумов. В результате выпускники колледжей, которые решили поступать в вуз, оказываются более подготовленными к системе учебы в институте, чем вчерашние школьники. По данным официальной статистики, 25 % лиц, принятых в государственные и муниципальные высшие учебные заведения, имеют среднее профессиональное образование, а среди студентов негосударственных вузов данный показатель составляет 30 % [6].

Современное среднее профессиональное образование имеет и ряд проблем, тормозящих его развитие. Прежде всего следует отметить недостаточное бюджетное финансирование, низкую социальную поддержку студентов и работников учебных заведений, нехватку преподавателей и старение

кадров, тревожную демографическую ситуацию. Из-за постоянного дефицита средств некоторые образовательные учреждения располагают устаревшей материально-технической базой. Общий показатель износа основных фондов в системе образования составил 31,2%, а коэффициент обновления — лишь 1,2%. В аварийном состоянии находятся 5,5% учреждений СПО [5]. Наблюдается низкая оснащенность вузов современным учебным оборудованием, средствами информационных и коммуникационных технологий.

Доля преподавателей старше 50 лет в образовательных учреждениях среднего профессионального образования составляет 65%. Их менталитет определяется опытом прошлого, поэтому многие из них с трудом вписываются в рыночные отношения. Ссузам необходимо срочно заняться переподготовкой преподавательских кадров: направлять преподавателей на стажировку на передовые отечественные предприятия (есть и такие в России) и за рубежом, научить их читать современную техническую литературу, в том числе на иностранных языках, и т. д.

В последние годы государство все больше молодежи направляет на обучение за границу, в основном для подготовки будущих руководителей. Однако не менее, а может быть и более актуально для социально-экономической ситуации в России направлять на обучение за границу преподавателей средних профессиональных учебных заведений, а еще важнее мастеров производственного обучения, то есть тех, кто будет обучать современным технологиям производства и тем самым распространять их в России. Вспомним Петра I... он сам в

Голландии учился на плотника, а не на монарха. И обучал за границей других сначала строить корабли, а лишь затем командовать ими.

По данным Росстата России, в 2007/2008 учебном году на одного преподавателя среднего, высшего и послевузовского профессионального образования приходилось 11,5 студентов [7]. Это самый низкий показатель в России по сравнению с начальным общим образованием, где на одного преподавателя приходится 17,3 учащихся, и начальным профессиональным образованием — 13,2 студентов на преподавателя.

Существенным фактором, воздействующим на состояние системы образования, являются процессы демографических изменений. По прогнозам ООН, по сравнению с 2000 г. численность населения России в возрасте 5–14 лет сократится к 2012 г. на 25%, а к 2015 г. — на 38%. Численность населения в возрасте в возрасте 15–19 лет по сравнению с 2000 г. сократится к 2012 г. на 33%, а к 2015 г. — на 47% [4]. Это обуславливает необходимость принятия некоторых опережающих мер по сохранению потенциала системы образования. Эти меры должны быть дифференцированы по отношению к различным уровням образования и регионам РФ. На деятельность среднего профессионального образования демографический спад окажет воздействие, прежде всего, в силу сокращения спроса на образовательные услуги со стороны населения, когда общее количество абитуриентов сравняется или будет ниже современных размеров приема обучаемых в учебные заведения, осуществляющие подготовку по основным программам

профессионального образования всех уровней.

Последнее время все более актуализируется проблема перераспределения потоков молодежи по ступеням профессионального образования. Необходимо перераспределить потоки молодежи по ступеням начального, среднего, высшего профессионального образования, увеличив первые два и значительно сократив последнее (прием в государственные вузы на бесплатные образовательные программы). Эту меру вроде бы Министерство образования РФ обещает осуществить в ближайшее время, хотя верится с трудом — слишком уж зависим аппарат министерства от ректорского корпуса. Например, если Минобразование готово сместить акцент с вузов на ссузы, то почему во главу угла поставлен вопрос о профильной школе?! Ведь профильная школа нужна только для одного — для лучшей подготовки ее выпускников для обучения в вузе.

Введение механизма ЕГЭ практически отрезает путь выпускникам ссузов к дальнейшему продолжению образования в вузе, в том числе возможность получения высшего образования в сокращенные сроки за счет широко распространявшегося заключения прямых договоров ссузов с вузами. Все должны быть в равных условиях. При этом считается, что лучшими специалистами будут те, кто лучше знает школьную математику, химию и т. п.

Такие утверждения могут делать люди, не знающие ни производства, ни экономики, ни самой системы образования. Еще в 80-е годы прошлого века проводились социологические исследования на заводах. Практически весь линейный руководящий состав предприятий

от сменных инженеров и начальников участков до главных инженеров и директоров заводов поголовно состоял из бывших выпускников ПТУ и техникумов, которые впоследствии получали высшее образование по заочной или вечерней форме. Выпускники дневных вузов в цехах, как правило, не задерживались, поскольку они не умели общаться с рабочим коллективом. Выпускники дневных вузов работали в основном в аппарате заводоуправления (в конструкторском бюро, плановом отделе и т.п.).

Те же самые социологические исследования, проведенные 20 лет назад, показывали, что выпускники ссузов, поступившие в вузы, на первых двух курсах, пока шла общеобразовательная подготовка, явно были слабее своих сверстников из общеобразовательной школы. Однако впоследствии, когда дело доходило до специальной подготовки, они были на голову выше последних, поскольку они попадали в свою колею, которую уже изучили на практике [2].

Говоря о перераспределении потоков молодежи по ступеням профессионального образования — начального, среднего, высшего, следует иметь в виду, что просто механически увеличив прием в учреждения начального и среднего профессионального образования и сократив прием в вузы, вряд ли мы добьемся чего-либо положительного. Дело в том, что в России высшее образование традиционно было престижным. Сейчас появились негосударственные вузы, прием в которые вряд ли директивным путем можно будет ограничить. Молодежь устремится туда. Напрашивается иной механизм.

На сегодняшний день около 60% выпускников среднего профессионально-

го образования, а в некоторых отраслях (например, на железнодорожном транспорте) до 70 %, трудоустраиваются по полученной специальности. В отличие от выпускников вузов, там это число составляет менее 40 % (причем основная форма получения высшего образования — дневная). Таким образом, основная формула получается следующей: «школа–вуз–безработица».

Однако в перспективе возможен другой подход: следует увеличить прием молодежи в учреждения среднего профессионального образования, создав для выпускников, работающих на производстве, льготные условия для продолжения образования в профильных вузах на вечерней, заочной, открытой, дистанционной и других формах обучения без отрыва от производства. Тогда, получив и высшее образование, люди будут оставаться работать на производстве.

Что же касается выпускников вузов, пришедших туда непосредственно из школы, то в большинстве своем они инфантильны, социально незрелы и к профессии серьезно не относятся, могут легко ее бросить или поменять. Другое дело, что академическая подготовка у них лучше, и дневная форма является, пожалуй, наиболее оптимальной для подготовки научных кадров, конструкторов и т. д., но не для практической производственной деятельности (имеется в виду производство в широком смысле — и материальное производство, и духовное производство).

Рассматривая вопрос о перераспределении потоков молодежи по ступеням профессионального образования, следует также сказать о такой давно назревшей мере, как узаконение высшего образования в колледжах на уровне

бакалавриата (во всем мире выделяют как бы два высших образования — университетское и колледжное). Молодежь охотно пойдет в колледжи за высшим образованием, а оттуда скорее пойдет работать на производство и останется там. Условия для этого во многих колледжах есть.

Университетские комплексы как якобы средство интеграции различных образовательных ступеней — это благодатный предлог поглощения вузами учреждений среднего профессионального образования. Как бы «приток свежей крови», но лучше быть головой у мухи, чем другим органом у слона. Хорошая идея объединить все под общее начало имеет и отрицательную сторону — потерю самобытности и многолетней отлаженности системы СПО. Колледжи и техникумы теряют свое лицо, они становятся придатками больших вузов, и тем самым перестают быть самостоятельной единицей.

Перейдем к вопросу о перераспределении потоков молодежи по профилям и специальностям профессионального образования. Чиновники от образования в последние годы постоянно жалуются на «перепроизводство» специалистов по избыточным для народного хозяйства профессиям — юристов, экономистов и т. д. В то же время невольно возникает вопрос: если профессиональное образование осуществляется на деньги всего общества, налогоплательщиков, то зачем надо готовить на бесплатной основе специалистов по «избыточным» в данный момент профессиям? Зачем надо давать студентам этих специальностей отсрочку от армии?

Совсем запретить такую подготовку нельзя, чтобы не нарушать права гражд-

дан. Если молодой человек хочет стать юристом — пусть учится. Однако на платной основе. Или ввести для них систему образовательных кредитов, о которых разговоры идут уже многие годы, но дело не движется.

Другое дело, что чиновники министерств и ведомств постоянно жалуются, что в нынешних условиях невозможно определить, какие профессии понадобятся через несколько лет (период подготовки специалистов). Действительно, прогнозировать развитие экономики по старым советским меркам в нынешних условиях невозможно. Следовательно, невозможно по этим методикам прогнозировать и профессионально-квалификационную структуру кадров народного хозяйства.

Российская экономика сегодня более чем наполовину теневая: предприятия любых размеров и форм собственности скрывают объемы своего производства, чтобы не платить налогов. Официальная статистика не отражает настоящее состояние дел. И упования многих ученых и практических работников профессионального образования на так называемое социальное партнерство, на то, что предприятия, работодатели будут заблаговременно заказывать подготовку кадров для них, а союзы промышленников и предпринимателей, торговые палаты будут этому содействовать, пока что, на верное, преждевременны.

Однако можно вывести определенные косвенные показатели, по которым вполне однозначно можно оценивать состояние экономики: что продается на рынках (в широком смысле, включая магазины, биржи, объявления в газетах и т. п.): от продуктов питания, автомобилей, экскаваторов, станков до интел-

лектуальных отечественных продуктов на компьютерных рынках. Зная ассортимент и объемы продукции на рынках, можно достаточно просто оценить, где, что и в каких объемах производится. Например, даже в самые «провальные» для российской экономики годы потребление электроэнергии в стране постоянно росло. О развитии экономики можно судить и по таким косвенным показателям, как количество покупаемых населением автомобилей, мобильных телефонов, мебели и т. д.

Сегодня в России около миллиона так называемых ремесленников-предпринимателей, то есть людей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. В любом городе масса всевозможных индивидуальных объявлений: ремонт квартир, строительство дачных домов, легковые и грузовые автоперевозки, ремонт бытовой техники и компьютеров, репетиторство, шитье одежды, массаж и т. п. Специфика России такова, что многие люди, чтобы не платить налогов, занимаются индивидуальной трудовой деятельностью, то есть ремеслом, образуя тем самым специфический теневой рынок труда. И не считаться с этим нельзя. Возможно, со временем этот теневой рынок в стране станет лицензированным, официальным. Однако сегодня система профессионального образования не может не учитывать этой огромной ниши на рынке труда и профессиональных образовательных услуг.

Развитие ремесленного образования может сыграть существенную роль в решении еще одной социально-экономической проблемы, которая также вырастает из тенденций, пройденной или, точнее, проходимой странами

Европы. Как уже говорилось, молодежь в массовом порядке устремилась к получению высшего образования. В то же время известно, что подавляющее большинство безработных составляют лица с высшим образованием: при наличии вакансий на заводах, в строительстве и т. п. «белые воротнички» к станку не идут. До последнего времени, пока в России развивалась торговля, выпускники вузов работу себе еще могли найти. Даже сложилась формула трудоустройства в фирмы: наличие высшего образования (любого), свободное владение английским языком и владение компьютером. Однако сейчас эта ниша на рынке труда уже заполнена. Уже сегодня сложилась массовая безработица «белых воротничков». Однако есть некоторый выход: «белые воротнички», избегая заводов, строек и т. п., охотно работают в сфере индивидуальной трудовой деятельности, в том числе ремесленничества — если владеют какой-либо рабочей профессией: владельцами ателье, минипекарен, фотографий, ресторанчиков и т. п.

В странах Европы службы занятости на специальных курсах обучают «белых воротничков» таким рабочим профессиям, и плюс к этому дают определенную предпринимательскую подготовку. В России возможен и этот путь, в том числе в первую очередь в учреждениях базового профессионального образования — профессиональных училищах, лицеях, техникумах, колледжах. В то же время возможен и более перспективен другой путь — получение рабочей профессии, в частности ремесленного профиля в техникуме или колледже с дальнейшим продолжением образования в вузе или с одновременным обучением в вузе. Последний путь можно попробо-

вать. Учреждения среднего профессионального образования могут здесь проявить инициативу: пригласить студентов дневных вузов на одновременное получение рабочих профессий в техникуме или колледже. Причем вовсе не обязательно приглашать студентов вузов технического профиля. По нашему мнению, как раз сочетание «технической» рабочей профессии или профессии техника с высшим гуманитарным образованием дают наибольшую устойчивость личности на рынке труда, и в целом наибольшую устойчивость личности в жизни. Так что и в этом направлении развитие ремесленного образования имеет большие перспективы.

Кроме того, развитие ремесленного образования имеет еще один важный аспект — стратегический. Как уже отмечалось, в последние годы в Россию в массовом порядке хлынула иностранная рабочая сила: китайцы, молдаване, таджики, азербайджанцы и т. д. Эти иностранные рабочие, так называемые гастарбайтеры, в основном занимаются индивидуальной трудовой деятельностью, то есть являются ремесленниками-предпринимателями в сферах торговли, общественного питания, индивидуального строительства и т. п. (в настоящее время несколько миллионов рабочих мест). Однако в этом отношении Россия повторяет путь, пройденный многими европейскими странами. Большинство гастарбайтеров являются представителями национальностей с очень высоким уровнем рождаемости. Их дети, рождающиеся на территории России, автоматически становятся ее гражданами, порождая тем самым в дальнейшем массу политических, социально-психологических, демографических и иных проблем, также

как и в других странах Европы. Массовое распространение и развитие ремесленного образования в перспективе может предупредить эту проблему, заполнив эти рабочие места молодежью из коренного населения России.

Итак, среднее профессиональное образование на сегодняшний день представляет собой самодостаточный, экономичный и отвечающий потребностям рынка труда уровень образования. Такие факторы, как гибкость, мобильность, относительная краткосрочность и невысокая стоимость обучения, определили ведущее место среднего профессионального образования в подготовке кадров для всех сфер экономической деятельности.

Однако несмотря на наличие проблем в сфере современного среднего профессионального образования, в будущем оно сохранит свою актуальность. Этому способствуют информатизация образования, введение новых технологий и методов обучения, распространение дистанционной формы обучения, позволяющей получить знания в максимально короткие сроки с наименьшими финансовыми затратами. Самым перспективным направлением развития среднего профессионального образования станет открытие новых колледжей и многопрофильных, многоуровневых образовательных учреждений других форм, реализующих широкий спектр образовательных программ. СПО необходимо придать современную рыночную направленность, совершенно отличную от традиционной подготовки для бывшей плановой экономики.

Социально-экономическая ситуация в стране в значительной мере зависит от эффективности среднего професси-

онального образования. В настоящее время система СПО находится в кризисном положении: на старые нерешенные проблемы наслаиваются новые. Эти проблемы хорошо понимают руководители и работники средних профессиональных образовательных учреждений. Однако, к сожалению, не понимают или не хотят понимать работники государственного аппарата, которые увлеклись «красивыми» модными новациями: двенадцатилеткой, профильной школой, ЕГЭ, университетскими комплексами и т. п. Ситуация представляет собой картину, когда дом горит, а маляры продолжают красить фасад и наклеивать разноцветную рекламу.

Литература

1. Михайлов А.В. Социально-психологический портрет рабочей молодежи // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 1.
2. Новиков А.Н. Профессиональное образование и национальная безопасность России // Специализированный журнал. — 2003. — № 6.
3. Об Образовании: Закон Рос. Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 3. — Ст. 150.
4. Полетаев А.В., Агранович М.Л., Жарова Л.Н. Российское образование в контексте международных сопоставлений: сопоставительный доклад. — М.: Информика, 2005.
5. Российский статистический ежегодник. — М., 2007.
6. Сайт статистики российского образования. — URL: <http://stat.edu.ru/>.
7. Сайт Федеральной службы государственной статистики. — URL: <http://www.gks.ru/>.
8. Сочивко Д.В. Социально-психологические проблемы социализации школьников старших классов в различных регионах России. — М.: МПСИ, 2010. — 55 с.
9. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения. — М.: МПСИ, 2009.
10. Типовое положение об образовательном учреждении среднего профессионального образования (среднем специальном учебном заведении): утв. Постановлением Правительства Рос. Федерации от 18 июля 2008 г. № 543.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ СОЦИУМА И УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

С. Н. Толстикова

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые аспекты формирования толерантности личности на современном этапе развития российского общества. Уделено внимание воспитанию этого качества в раннем детстве и на этапе школьного обучения. Автор акцентирует свое исследование на проблеме организации толерантной среды в вузе с целью создания условий развития толерантности у студенческой молодежи.

Ключевые слова: толерантность, личность, студенческая молодежь, учебно-воспитательный процесс, педагогические технологии.

The summary: the article deals with some aspects of forming a person's tolerance in the modern Russian society. It covers forming this quality on the stages of early childhood and school age. The author focuses on the problem of organizing a tolerant environment in a university as a means of setting conditions for developing tolerance among students.

Keywords: tolerance, personality, students, educational process, teaching techniques.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. (утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) выделена одна из приоритетных задач гражданского образования и патриотического воспитания молодежи в процессе формирования правовых, культурных и нравственных

ценностей среди молодежи — воспитание толерантности к представителям различных этносов, межнациональное сотрудничество.

Таким образом, формирование толерантного поведения и толерантной культуры российского сообщества обозначено в числе приоритетов государства.

Толерантность в современном понимании этого слова базируется на признании, уважении универсальных прав и основных свобод человека. Уважительный компонент в толерантной культуре — личной, общественной или межгосударственной — обусловлен принятием и правильным пониманием богатого разнообразием культур окружающего нас мира, а также «уважением, принятием и правильным пониманием богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности», как отмечено в Декларации принципов толерантности, утвержденной ЮНЕСКО в 1995 г. [2].

В современной науке рассматриваемой проблеме уделено достаточно внимания:

- развитию диалога и взаимовлияния этнических культур (М.М. Бахтин, В.С. Библер). Толерантность в этом случае выступает как уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций (и даже в некоторых случаях изменение индивидуальной и культурной идентичности) в результате критического диалога;

- взаимоотношению представителей различных культур, наций, конфессий (Дж. Бэнкс, О.В. Лешер, Г.В. Палаткина, Г.У. Солдатова, М. Уолцер, К. Цюрхер). Толерантное взаимодействие субъектов различных национальностей, вероисповеданий, взглядов на мир должно происходить без ущемления личной свободы;
- развитию культуры народов России (Ю.В. Арутюнян, З.Т. Гасанов, Г.Д. Дмитриев, Л.М. Дробужева, В.А. Тишков);
- учебно-воспитательному процессу как фактору воспитания толерантности личности (А.М. Байбаков, Б.З. Вульф, В.П. Комаров);
- возрастным, личностным особенностям и познавательным способностям студенческой молодежи (Э.Ф. Зеер, Е.П. Климов, И.С. Кон, Г. Крайг) и др.

Проблема толерантности в современном мире чрезвычайно актуальна. Она в настоящее время приобретает межкультурный, межэтнический, межконфессиональный характер.

Воспитание толерантности на всех возрастных этапах развития целесообразно рассматривать в контексте преемственности, связывая его с развитием личности. Можно также предположить, что на разных уровнях системы образования могут быть сходные закономерности развития толерантных качеств личности.

Формирование толерантности следует начинать еще в раннем детстве, когда закладывается первооснова человеческого общения и основные нравственные категории (доброта, чуткость, отзывчивость, честность и т. д.).

Необходимость формирования толерантного отношения между дошкольниками обусловлена возрастными и инди-

видуальными особенностями детей. С одной стороны, им присущи активность, инициативность, любознательность, с другой — произвольность поведения, эмоциональность, импульсивность и др., что нередко приводит к нежелательным поступкам по отношению к своим сверстникам (Е.О. Смирнова, Г.Р. Хузеева, Р.С. Буре). Негативные проявления в поведении дошкольников исследователи объясняют ограниченным опытом и ограниченными возможностями детей, что приводит к возникновению у одних детей пассивности, а у других — усиления агрессивности, деструктивных тенденций в отношении к сверстникам.

Затем в школьном возрасте с целью целенаправленного формирования толерантности предлагается организация деятельности по следующим направлениям: познание и принятие себя (толерантность к себе), познание, принятие себя как субъекта семейной культуры, изучение семейной самобытности, обучение основам толерантного общения в семье, определение и принятие культуры малой Родины, своего этноса, осмысление себя полноправным участником этой культуры, формирование толерантности к своему народу, понимание мультикультурного пространства России и формирование толерантности к представителям народов и народностей нашей страны, постижение идей культуры мира и определение стратегии толерантного взаимодействия в мировом культурном пространстве. Деятельность по данным направлениям может быть организована последовательно с использованием различных форм (классные часы, беседы, дискуссии, игровые тренинги, викторины, выставки и др.) и методов (пример, поощрение, убеждение,

требование, метод воспитывающих ситуаций, метод анализа деятельности и общения и др.).

Следует отметить, что процесс формирования толерантности, как и любого нравственного качества, зависит не только от профессиональных усилий педагога, но и от той среды, в которой происходит воспитание (семья, социум и др.).

Очевидно, что главный субъект российской национальной модернизации — молодежь (граждане России в возрасте 14–30 лет), поэтому формирование толерантности у нынешнего поколения молодых россиян — безусловный общенациональный приоритет.

Формирование толерантности студенческой молодежи является одним из наиболее важных направлений в процессе их профессионального становления в современной России. Эффективное, инновационное и динамичное развитие российского общества невозможно без становления культуры толерантных отношений, охватывающей прежде всего молодое поколение.

В период обучения в вузе основная часть студентов находятся в возрасте, характеризующемся переходом из фазы юности в фазу взрослости. При этом для студенческой группы свойственна такая особенность, как однородность возрастного состава (разница в возрасте не более 5 лет), которая обуславливает возрастное сходство интересов, целей, психологических особенностей, способствует сплочению группы.

Общность интересов и потребностей у студентов выступает в качестве базы для формирования у них особого социально-группового самосознания, особых черт студенческой морали, эти-

ки, студенческой микросреды, морально-психологического климата студенческих групп. Главная характеристика этого периода — устремление студентов на свое будущее, на свою профессию. Основной деятельностью студента является активное усвоение системы знаний, умений, навыков. Их деятельность дополняют различные молодежные организации — политические, спортивные, культурно-просветительные.

Особое значение в период студенчества имеют психологическая защита и психологическая устойчивость. Защитное поведение может принимать различные формы: бегство или уход от ситуации, причем оно может быть как реальным, так и внутренним, осуществляемым только в самосознании; направленное забывание или вытеснение; идентификация с агрессией; проекция; рационализация и др.

Цель нашего исследования — рассмотреть психолого-педагогические возможности образовательного процесса в вузе для формирования толерантности у студентов. Для ее реализации нам необходимо определить основные компоненты этого свойства личности и наметить направления его становления. К ним мы относим:

- формирование знаний о толерантности, представлений о чертах толерантной личности;
- способность объективно оценивать людей, эмпатийность, позитивное отношение к себе и к окружающим;
- развитие навыков позитивного взаимодействия; желание вступать в диалогические отношения, сотрудничать в процессе взаимодействия.

Анализ оснащенности учебно-воспитательного процесса позволил

нам сделать вывод о необходимости усовершенствования воспитательных планов и учебных программ гуманитарных и социальных дисциплин, способствующих воспитанию толерантности. Тема толерантности может найти прямое или косвенное воплощение во многих дисциплинах, преподаваемых в вузе (педагогике, социологии, истории, литературе, иностранных языках и т. д.).

Разработка гибких образовательных программ или индивидуальных образовательных маршрутов предполагает реализацию личностно ориентированного подхода в образовании и организацию образовательного пространства, которое создаст условия для развития таких качеств, как терпимость к инакомыслию, умение понять другого, целостность, интегрированность собственного «Я», принятие себя и других, ответственность, альтруизм. Иными словами, она способствует созданию условий для развития толерантности.

Для подлинного развития данного качества необходимо участие в таких ситуациях, где учащийся сам сможет испытывать и развивать толерантные чувства к другому, то есть быть субъектом толерантности. В связи с этим нельзя забывать, что центральными категориями личностно ориентированного образования являются не только личность учащегося, но и его деятельность.

Процесс формирования гражданской ответственности, гражданского поведения, толерантности возможен только через опыт общественной, групповой, личной жизни каждого человека, юноши или девушки. При всей важности конкретных знаний, информации, приобщения к мировой и отечественной культурам, сама жизнь в вузе должна быть устроена так,

чтобы давать ему этот опыт свободы, ответственности и самостоятельности.

Средствами воспитания толерантности можно назвать все виды учебной и внеучебной деятельности, нацеленные на развитие толерантных качеств, а именно: организация учебно-воспитательного процесса как толерантного образовательного пространства, разработка специальной программы воспитательной работы в образовательном учреждении, использование технологий, способствующих развитию толерантных качеств личности в учебной и внеучебной деятельности.

Проведем анализ приемов и методов, используемых в процессе воспитания толерантности.

Так, Н.А. Асташова среди педагогических технологий, наиболее точно ориентированных на развитие толерантности, выделяет такие, которые, во-первых, личностно ориентированны, во-вторых, имеют диалогическое основание, а в-третьих, являются рефлексивными [5, с. 74–85]. К такого рода технологиям, в частности, относится диалог. Он выступает в качестве одного из ведущих компонентов современной гуманистической парадигмы, универсального принципа бытия, определяющего посредством общения всю жизнедеятельность человека. Именно диалогу свойственен поиск личностных смыслов. В рамках этой технологии передается разнообразная информация, так как в диалоге личность транслирует себя, свою уникальность и самобытность при условии адекватной самооценки, способности к полноценной самореализации, наличия умения определять смысл явлений и предметов, быть критичным и т. п. [5, с. 81].

К наиболее востребованным технологиям, имеющим диалогическое основание, относятся технология проектной деятельности, дискуссии, дебаты, технологии развития критического мышления, например, чтение и письмо для развития критического мышления; технология «портфолио».

Технология проектной деятельности позволяет активизировать учащегося как субъекта учебно-познавательной деятельности, реализовать его личностный потенциал. С одной стороны, проектное обучение — это личностно ориентированная технология, а с другой — она создает условия для взаимодействия и сотрудничества в группе, актуализируя коллективный субъект учебной деятельности. В процессе применения этой технологии развиваются такие качества, входящие в понятие толерантности, как способность воспринимать и принимать как безусловно ценную личность в своем окружении, свободу и открытость к новым идеям, позитивное, оптимистическое отношение к ситуации, способность к рефлексивной самооценке.

Главная цель дискуссии — развитие коммуникативной и дискуссионной культуры в процессе поиска истины. Умело организованная дискуссия является важнейшей методической формой развития толерантности, так как все формы дискуссии способны стимулировать инициативу и продуктивный обмен идеями, развивать рефлексивное мышление, побуждать к поиску адекватной аргументации и различных способов выражения мысли, повышать восприимчивость и толерантность к новым идеям, учить видеть явление объемно и многопланово. Успех дискуссии во многом зависит от наличия контакта между участниками,

их выступления на равных и поддержки свободного обмена мнениями [5, с. 74–85].

Дебаты — форма обучения общению, способ организации воспитательной и обучающей работы, позволяющий тренировать навыки самостоятельной работы с литературой и источниками, оттаивать умения ведения спора и отстаивания собственной точки зрения с учетом того, что и противоположная позиция имеет право на существование [1, с. 220]. Например, Т.В. Светенко и И.В. Галковская подчеркивают, что технология развивает умения действовать рационально, слушать и понимать, управлять своими эмоциями, быть объективным, беспристрастным, коммуникабельным и, самое главное, умение говорить правду и иметь смелость признаваться в своей неправоте, что, на наш взгляд, невозможно без признания толерантности принципом деятельности личности [3, с. 3].

Необходимо отметить, что мы упомянули, конечно, не все диалоговые технологии, так как формы и средства воспитания и развития толерантности могут быть совершенно разными: спецсеминары и спецкурсы, различные тематические тренинги, внеаудиторные мероприятия, экскурсии, вечера, анализ жизненных ситуаций и т. д. Это разнообразие форм может стимулировать педагогический коллектив к созданию новых технологий, имеющих диалогическое основание.

В последнее время воспитанию толерантности стали уделять большее внимание, и усилия в этой сфере оказываются не бесполезными. Очевидно, что развивать толерантные качества необходимо особенно в том вузе, где ведет-

ся подготовка специалистов, которые должны работать с детьми.

Наш опрос, проведенный среди студентов МГПИ, показал, что более 80 % из них считают, что нашей стране требуется большее количество толерантных людей, так как это будет способствовать конструктивному решению политических и социальных вопросов. Этот факт доказывает, что значительное большинство молодежи готово придать толерантности личностный смысл.

Таким образом, существует необходимость в создании моделей толерантного поведения, адекватных состоянию современного общества. На наш взгляд, в их основу могут быть положены следующие положения:

1. Роль студентов заключается в том, что они должны выступать не как потребители информационно-образовательного продукта, а как активные участники его создания и совершенствования. Следовательно, в учебном процессе вузов могут быть внедрены образовательные проекты на основе молодежных форумов (лагерей) с активным привлечением волонтерских ресурсов. Основной формой подобной работы должны выступать различные тренинги.

2. Организация на всех уровнях (федеральном, муниципальном, локальном) публичных акций. Они могут иметь относительно самостоятельный (специальный, единичный) характер либо вклю-

чаться в более масштабные массовые мероприятия, приуроченные к праздникам или памятным датам.

На основании изложенного можно сделать вывод, что исследование проблемы толерантности своевременно и актуально, так как существующая образовательная система, чтобы удовлетворить через 10–15 лет актуальные потребности социально-экономического развития страны, должна реагировать на них сегодня. Имеется в виду необходимость формирования сознательного гражданина, эффективно участвующего в демократическом процессе, не использующего силовые методы разрешения конфликтов, способного к самоорганизации, умеющего отстаивать свои права быть толерантным и терпимым к чужому мнению, умеющего искать и находить разумные компромиссы.

Литература

1. Галицких Е.О. Диалог в образовании как способ становления толерантности: учеб.-метод. пособие. — М., 2004.
2. Декларация принципов толерантности. — Париж, 1995.
3. Светенко Т.В., Галковская И.В. Путеводитель по дебатам для школьников и студентов. — Псков, 2001.
4. Степанов Е.Н., Лузина Л.М. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. — М., 2002.
5. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. — М.; Воронеж, 2003.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА-ПРАКТИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

М. Б. Юсова

Аннотация: в статье содержатся вопросы эффективности деятельности, касающиеся сотрудников психологической службы в исправительных учреждениях ФСИН России. Главная задача — не просто подготовить профессиональных специалистов, а сделать все необходимое, чтобы они обладали высокими гражданскими качествами, были интеллектуально, нравственно и физически развиты, при этом самое главное, чтобы они закрепились в системе и могли во время службы в полной мере использовать полученные знания.

Ключевые слова: психолог-практик, психологическая деятельность, основные требования, предъявляемые к личности психолога, эффективность деятельности психолога-практика.

The summary: this article includes the questions of the activity efficiency concerning the psychological service staff in correctional facility of the Russian Federal Service for Punishments Executives. The main object is not only to train skilled specialists, but also to do everything that is possible to make them individuals with high civic qualities, intellectually, morally and physically developed. And the most important thing is to make them take root in the system and during the service use all the knowledge they got to the full extent.

Keywords: psychologist practitioner, psychological activity, basic demands made of the psychologist personality, activity efficiency of the psychologist practitioner.

Материалы Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, нормативные документы Минюста и ФСИН России требуют повышения уровня профессиональной подготовки психологов-практиков, как через образовательные учреждения ФСИН России (очное обучение), так и через переподготовку после получения образования в гражданских вузах.

Переполнение учреждений ведет к общему ухудшению условий содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, нарушению предусмотренных законом прав и интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, увеличивает нагрузку на работников уголовно-исполнительной системы, создает конфликтные ситуации, которые должны разбираться и регулироваться психологом-практиком.

Необходимо:

- создать справедливую и эффективную систему стимулов к законопослушному поведению для осужденных, включая совершенствование порядка замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, обновление механизма условно-досрочного освобождения, учитывающего при его применении в отношении осужденного тяжесть совершенного преступления, отбытый срок наказания, рецидив преступления и возмещение ущерба потерпевшим;
- разработать меры дисциплинар-

ного воздействия за незначительные правонарушения (запрет на занятия спортом и участие в культурных мероприятиях, пользование телевизором и прессой, литературой развлекательного характера и т. п.) и новые мерыощернения, применяемые к осужденным, а также подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в следственных изоляторах;

– усилить воспитательную работу в отношении осужденных, способных к ресоциализации, с особым акцентом на вовлечение их в трудовую деятельность, приобретение профессии или переквалификацию;

– развивать социальную, психологическую и воспитательную работу с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоение ими основных социальных функций как необходимое условие исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения;

– повысить роль высших образовательных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний и межрегиональных психологических лабораторий территориальных органов уголовно-исполнительной системы в разработке и проведении научно-прикладных исследований, внедрении диагностических программ и инновационных технологий, психологической работе с осужденными, адаптации передового отечественного и зарубежного опыта работы [2].

Анализом профессиональной психологической деятельности (в частности, ее концепции, технологии, сферы межличностного приложения) занимается профессиография, цель которой состоит в выявлении особенностей взаимодействия специалиста в про-

цессе профессиональной деятельности с предметами, средствами и продуктами труда, окружающими людьми и другими явлениями, сопровождающими эту деятельность. В последнее время уделяется пристальное внимание одному из направлений профессиографии — акмеографии, охватывающей профессиональные позиции, индивидуальные особенности деятельности и акмеологические инварианты. На основе профессиограммы формулируются наиболее важные требования, предъявляемые профессиональной деятельностью к профессионалам психологам или кандидатам, избирающим данную специальность.

Ответственная и многоплановая деятельность практического психолога предъявляет определенные требования к его профессиональным качествам и умениям. Это прежде всего широта и основательность знаний в своей области; высокий уровень владения самыми разнообразными психологическими методами обследования; достаточно высокое интеллектуальное и личностное развитие; широта и глубина, а также правильность психологических заключений; способность к успешному взаимодействию с различными людьми.

Психолог должен уметь:

1) видеть в каждой проблеме сферу собственной профессиональной компетенции, рассматривать вопросы и принимать решения строго в ее границах;

2) обладать навыками индивидуальной и групповой диагностики;

3) свободно оперировать разнообразными диагностическими приемами и методами, применение и интерпретация которых направлены на целенаправленное воздействие;

4) устанавливать доверительные, доброжелательные отношения со всеми, кто к нему обращается, так как без предварительного установления личных взаимоотношений невозможно вести свою профессиональную деятельность.

Психолог всегда должен осознавать ситуацию взаимодействия, контролировать свое поведение, быть терпеливым, коммуникабельным и находчивым. В этом случае он сумеет реализовать себя как профессионал.

В технологическом плане вся разнообразная практика работающих психологов должна быть сведена к двум основным формам услуг: экспертного обслуживания осужденных и коррекционного вмешательства с целью улучшения функционирования индивидов и групп.

В коммуникативном плане профессия психолога — пример социальных специальностей, требующих интерперсональных способностей, то есть таких качеств личности, которые обеспечивают успешное взаимодействие между людьми, понимание людей и эффективное воздействие на них, установление контактов, организацию совместных действий. В соответствии с этим успешность деятельности психолога будет определяться:

- уровнем сформированности у него интерперсональных (коммуникативных) умений;
- уровнем сформированности проектных умений или силой воздействия на поведение других людей;
- степенью сформированности антропоцентрической направленности — интегральной чувствительности к объекту, процессу и результатам психологической деятельности.

В этом процессе, по мнению ряда авторов, можно выделить два основных вида деятельности:

- деятельность психолога как эксперта по распознаванию отклонений при минимизации влияний человека;
- деятельность психолога как эксперта по коррекции отклонений в функционировании человека при максимизации влияния на поведение объекта.

Эффективность деятельности психолога может быть определена скоростью распознавания изменений в поведении человека и способностью коррекции.

Следует иметь в виду предрасположенность психолога (как профессионала) к развитию синдрома «эмоционального сгорания», понимаемого как бессилие или уход от решения проблем осужденного, или как пресыщение общением, проявляющееся в постоянной усталости, подавленности, немотивированной агрессии, недовольстве собой и окружающими. Этот показатель часто является основанием для вывода о профессиональной деформации или усталости от психологической деятельности.

Некоторые авторы в структуре способностей психолога выделяют пять главных составляющих таланта общения:

- 1) умение полно и правильно воспринимать человека (проявление наблюдательности, быстрая ориентация в ситуации и т. п.);
- 2) умение понимать внутренние свойства и особенности человека (проникновение в его духовный мир, интуиция);
- 3) умение к сопереживанию (эмпатия, сочувствие, доброта и уважение к человеку, готовность помочь);

4) умение анализировать свое поведение как рефлексия;

5) умение управлять самим собой и процессом общения как самоконтроль.

Можно утверждать, что способность психолога-практика выполнять свои функции зависит от его определенных качеств, которые во взаимосвязи характеризуются общим понятием — профессиональная компетентность или профессионализм.

Профессиональная компетентность выступает интегральной характеристикой, которая позволит судить об уровне подготовленности психолога и его способности выполнять должностные функции [6].

В пенитенциарной психологии существуют разные точки зрения применительно к деятельности пенитенциарного психолога [1, 4].

Выделяют основные требования к личности психолога, обусловленные спецификой уголовно-исполнительной системы и его должностными обязанностями:

- к профессиональной направленности — профессиональная и жизненная активность, в основе которой лежат потребности, жизненные цели, ценностные ориентации и нравственные качества; мотивы поступления на службу, уровень целеустремленности, мобилизованности (напряженности), совестливости, чувство долга, уважительное отношение к людям, а также отсутствие корыстных потребностей, жадности к деньгам. Доминирующими мотивами труда должны быть интерес к работе с людьми, стремление к успеху, потребность в аффиляции;

2) *к эмоционально-волевой сфере* — уверенность в себе, смелость, ре-

шительность, мужество, эмоциональная устойчивость, самоконтроль, самообладание в экстремальных ситуациях;

3) *к коммуникативным способностям* — потребность в общении, возможность выдержать обширные и длительные контакты, раскрепощенность, эмпатия, сензитивность, дипломатичность, умение вызывать к себе доверие, понимать людей по невербальным реакциям, сглаживать острые углы и не провоцировать конфликты;

4) *к интеллектуальному потенциалу* — предпочтение не абстрактного, а практического, социального мышления, умение реалистически оценивать профессиональную ситуацию;

5) *к основным профессиональным умениям* — их стержень составляют профессиональные обязанности.

В свою очередь, профессиональные обязанности могут быть рассмотрены по трем основаниям: по функциям, объекту воздействия и содержанию решаемых задач.

Рассматривая требования к личности практического психолога пенитенциарных учреждений, представляется целесообразным учитывать следующие аспекты:

- во-первых, уровень требований, которые предъявляются к личности практического психолога;

- во-вторых, структуру требований и их содержание, обусловленные уровнем, на котором они рассматриваются, а также профессиональной специализацией практического психолога;

- в-третьих, процедуры и методы определения личностных особенностей кандидатов на должность, а также их соответствие требованиям, которые предъявляет деятельность. Эти требова-

ния должны носить «сквозной» характер и соответствовать определенному уровню, среди них:

1) требования, предъявляемые к личности кандидатов на учебу для получения профессии практического психолога;

2) требования, предъявляемые к выпускникам учебных заведений, готовящих специалистов психологов-практиков для уголовно-исполнительной системы;

3) требования, предъявляемые к специалистам психологам, прошедшим период адаптации к профессиональной деятельности;

4) требования, предъявляемые к практическому психологу как профессору.

Последний уровень требований можно рассматривать как требования к уровню профессиональной квалификации психолога.

В зависимости от уровня требований определяется структура и содержание, которые могут быть обусловлены специализацией практического психолога, например, психолог — эксперт по диагностике, психолог — эксперт по воздействию и т. п. [5].

От структуры и содержания требований зависит выбор и разработка методов и процедур определения соответствия кандидатов на должность психолога. Существующая практика отбора должна учитывать в процессе диагностирования особенности личности, которые должны быть присущи будущим практическим психологам. Так, в Академии ФСИН России кандидатов, поступающих на психологический факультет, изучают с помощью тех же методик, что и поступающих на юридиче-

ский и экономический факультеты.

В определенной степени это обусловлено неразработанностью требований к поступающим на учебу на психологический факультет, а в связи с этим и отсутствием методик, позволяющих диагностировать соответствие личностных особенностей требованиям, предъявляемым профессиональной деятельностью психолога-практика.

Профессия психолога обязывает при отборе кандидатов основное внимание обращать на психологические особенности личности, обеспечивающие понимание людей, установление контактов, успешное взаимодействие и т. п. К ним можно отнести: терпеливость и эмоциональную стабильность; эмпатию и рефлексивность; проницательность и чуткость; готовность помочь; сочувствие, доброту и уважение к человеку. Следует обращать внимание также на склад мышления, самостоятельность суждений.

В процессе диагностирования кандидатов на учебу необходимо выявлять такие качества, в которых проявляются умения коммуникативного воздействия (способность снимать психологические барьеры, создавать атмосферу доброжелательности, доверия к собеседникам; готовность к контактам, умение их поддерживать, открытость, чувствительность к изменению ситуации общения и т. д.). Особое внимание при этом должно уделяться психологическим качествам, являющимся противопоказаниями к профессиональной деятельности практического психолога: категоричность, приверженность к стереотипам, амбициозность, бесчувственность, озлобленность, неуважение к другим людям и мнениям и др.

Профессиональная подготовка специалистов включает в себя как теоретический, так и практический аспекты. На психологических факультетах образовательных учреждений ФСИН России обучение проводится в ходе практических занятий по учебным дисциплинам и практики в правоохранительных органах. За период учебы курсанты, обучающиеся по специальности 020400 — Психология, проходят четыре вида практик: учебно-ознакомительную, психолого-педагогическую, производственную и научно-исследовательскую.

Для каждого вида практики разработаны программы в соответствии с требованиями нормативных документов федерального, ведомственного и вузовского уровней. Они включают в себя: цели и задачи, организацию и примерный план проведения, содержание и отчетную документацию, критерии оценки результатов выполненных заданий и список рекомендуемой литературы.

На 1–2-х курсах проводится учебно-ознакомительная практика, целями которой являются:

- общее знакомство с деятельностью учреждений УИС и учреждений, занимающихся профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- закрепление теоретических знаний, полученных в процессе изучения дисциплин «Введение в профессию», «Общая психология» и «Общий психологический практикум»;
- воспитание позитивного отношения к специальности психолога, формирование профессиональной направленности.

На 3-м курсе проводится психолого-педагогическая практика, которая осу-

ществляется в два этапа: 1) в общеобразовательной школе; 2) в исправительном учреждении.

Основными целями данного вида практики являются:

- закрепление и систематизация знаний, полученных при изучении дисциплин «Общая психология», «Педагогика», «Пенитенциарная психология», «Пенитенциарная педагогика» и обучение навыкам их практического применения;
- приобретение и осознание курсантами опыта практической деятельности психолога в учреждениях различного типа (общеобразовательная школа и исправительное учреждение);
- развитие у курсантов интереса к избранной специальности.

Содержание первого и второго этапов практики включает в себя:

- изучение основных направлений, форм и методов работы практических психологов (школьного и пенитенциарного);
- развитие умений диагностики личности (школьника и осужденного) с помощью психолого-педагогических методов исследования и составления ее психолого-педагогической характеристики;
- формирование умений планирования, проведения и анализа учебных занятий по психолого-педагогической тематике с учащимися и осужденными;
- развитие умения рефлексии психолого-педагогической деятельности.

На 4-м курсе проводится производственная практика в базовых территориальных органах в составе группы. Непосредственное руководство производственной практикой осуществляют начальники исправительных учрежде-

ний, их заместители по месту ее проведения. Приказом начальника учреждения за курсантом или слушателем на весь период практики (6 недель) закрепляется наиболее опытный психолог. Он обеспечивает организацию и помощь курсанту в успешном выполнении практических заданий.

Разработанная программа практики предлагает альтернативные задания, предусматривающие в качестве объекта изучения как осужденных, так и сотрудников. Их выполнение курсантами (слушателями) способствует углублению и закреплению теоретических знаний, приобретению и совершенствованию профессиональных умений и навыков, приобщению обучаемых к практической деятельности в органах УИС и других правоохранительных органах.

В процессе данного вида практики приобретается и осознается опыт деятельности практического психолога, развивается интерес к избранной специальности, обеспечивается скорейшая адаптация будущих специалистов к условиям деятельности практических органов.

Значимой является и система повышения квалификации пенитенциарных психологов. Это обусловлено как новыми требованиями к специалистам (например, необходимостью оказывать психологическую помощь осужденным), так и высокими темпами развития современных психотехнологий.

Повышение квалификации осуществляется на федеральном и региональном уровнях. По заявкам из территориальных органов УИС ежегодно составляется план повышения квалификации сотрудников всех служб, в том числе психологов. Ежегодно на федеральном

уровне повышают квалификацию более 100 сотрудников психологической службы в образовательных заведениях ФСИН России.

Традиционная концепция, которая лежит в основе повышения квалификации специалистов УИС, — это многофункциональный подход, стремление рассмотреть актуальные проблемы деятельности сотрудника по всем выполняемым функциям.

Важную роль в повышении квалификации специалистов выполняют межрегиональные психологические лаборатории. На их базе регулярно проводятся обучающие семинары, научно-практические конференции по темам, которые закреплены за межрегиональными психологическими лабораториями (МПЛ).

Необходимо остановиться и на такой форме повышения квалификации, как стажировки в территориальных органах, где накоплен положительный опыт работы.

В большинстве территориальных органов имеются договоры о научно-практическом сотрудничестве с местными образовательными заведениями. В рамках этого сотрудничества пенитенциарные психологи повышают квалификацию в престижных учебных заведениях. Такое сотрудничество развивается не только на региональном, но и на федеральном уровнях.

При организации работы психологической службы УИС по повышению квалификации психологов учитывается и зарубежный опыт, с которым часть психологов имели возможность ознакомиться не только по книгам, но и непосредственно. В частности, заслуживает внимания опыт США по созданию

в тюрьмах специализированных групп работы с осужденными, имеющими психические аномалии. В их составе психологи, социальные работники, психотерапевты, психиатры. Весьма перспективным является опыт ФРГ по созданию тюрем-распределителей (с углубленным изучением личности) и психотерапевтических тюрем (в их штате, помимо службы безопасности, работают в основном психологи и психотерапевты). Значительных успехов добились пениitenciарные психологи Польши, создав в каждом воеводстве базовые тюрьмы, имеющие центры психодиагностики и терапевтические отделения (психотерапевтические * участки) по работе с осужденными, имеющими зависимость от алкоголя и наркотиков.

Деятельность практического психолога относится к группе профессий, предметом которых является другой человек, поэтому она носит гуманистический и творческий характер.

Творческий потенциал личности психолога проявляется в применении оригинальных решений, новаторских форм и методов, новых подходов в процессе деятельности. Творческую личность отличает и особое сочетание личностно-

деловых качеств, характеризующих ее креативность (оригинальность, фантазия, активность, концентрированность, четкость, чувствительность).

Продолжает повышаться роль практических психологов в УИС, заинтересованность в их деятельности и доверие к ним растет как со стороны руководства и сотрудников учреждений, так и со стороны осужденных, подозреваемых и обвиняемых. Сегодня уже трудно представить себе эффективную систему исполнения наказаний без психологической службы.

На современном этапе в качестве ключевой задачи психологической службы выступает создание инновационной предпосылки для организации эффективного комплексного исправительно-го воздействия. В связи с этим основная задача межрегиональных психологических лабораторий — создание базовых (обязательных) психологических программ для различных категорий лиц, содержащихся под стражей, либо отбывающих уголовное наказание в различных типах учреждений (осужденные за преступления сексуального характера, экстремизм и террористическую деятельность, больные социально значимыми заболеваниями, и др.)

Таким образом, по-прежнему центральное место в деятельности психологической службы отводится изучению личности осужденных, так как данная информация используется при разработке планов индивидуально-воспитательной и психологической работы, а также для сопровождения лиц, нуждающихся в повышенном контроле [3].

Сформулированные выводы и практические предложения направлены на совершенствование организационно-

* Термин «психотерапия» не должен смущать психологов, так как имеются клинически ориентированные психотерапевты с медицинским образованием и психотерапевты психологической ориентации с базовым психологическим образованием. И в Германии, и в Польше в тюрьмах в качестве психотерапевтов работают психологи. Их главная цель не лечение, а психологическая реабилитация, то есть изменение взглядов, социальных установок осужденных, осознание своих личных проблем, оказание помощи в саморазвитии и адекватном поведении в социальной среде. Чтобы избежать лишнего дискуссионный, предпочтительнее использовать не термин «психотерапия», а понятие «психологическая коррекция».

правового обеспечения деятельности сотрудников психологических служб в исправительных учреждениях ФСИН России, в связи с чем предлагаются два направления подготовки кадрового резерва руководителей психологических лабораторий и служб территориальных органов УИС: управленческая деятельность и повышение квалификации в области практической психологии.

Литература

1. Дебольский М.Г. Разработка профессиограммы психолога и ее использование при отборе специалистов. — М., 1996.

2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 43. — Ст. 5544.

3. О результатах психологической работы с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в учреждениях УИС по итогам 2009 года: обзор ФСИН России от 27 февр. 2010 г. № 10/15-181.

4. Прикладная юридическая психология. — М., 2001.

5. Рабочая книга пенитенциарного психолога. — М., 1997.

6. Ушатилов А.И., Лузгин С.А., Суровцев В.А. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы: учеб. пособие. — Рязань, 2001.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

М. С. Тарасиков

Аннотация: в статье дается сущностная характеристика профессионально-ценностного отношения к функциональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: ценность, ценностное отношение, профессиональная деятельность, уголовно-исполнительная система.

The summary: the article deals with essential characteristic of professional and valuable attitude towards functional activity of penal staff.

Keywords: value, value attitude, professional activity, penal system.

Исследование проблемы формирования профессионально-ценностного отношения к функциональной деятельно-

сти сотрудника уголовно-исполнительной системы на уровне внутренних потребностей предполагает определение и обоснование его основных категорий: ценность, отношение, ценностное отношение, профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы, профессионально-ценностное отношение к функциональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Осмысление природы ценностей неоднозначно. Многочисленные аксиологические концепции философских школ и направлений в целом можно отнести либо к идеалистическому, либо к материалистическому их пониманию.

Понятие ценностных категорий многозначно, поскольку они проявляются в

различных областях знаний и сферах человеческой деятельности, но единого подхода к их трактовке и изучению нет. Понятие «ценность» — это многоуровневое и многоплановое понятие, имеющее различные определения. Однако выработать общее, удовлетворяющее всех исследователей определение ценности невозможно — столь широк спектр использования термина в обычной жизни, науке и искусстве [5].

В толковом словаре русского языка под редакцией Б.М. Волина и Д.Н. Ушакова понятие «ценности» определяется как «явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-либо отношении. Духовные ценности. Культурные ценности» [14, с. 1214]. Это определение является очень широким и безотносительным к жизнедеятельности человека как основе его бытия в мире. Более широкое толкование данного понятия можно обнаружить в Советском энциклопедическом словаре: «ценность — положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений; критерий и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, целях. Различают материальные, общественно-политические и духовные ценности; положительные и отрицательные ценности» [11, с. 1481].

В философии система ценностей представлена как область объективной истинности и отношения к ней человека. Ценность определяется как то, что

чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, почтением [15, с. 507]. Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта. Выделяются предметные и субъектные ценности. Предметные ценности «лишь внешне выражают деятельную потребность человека». Субъектные — выступают в виде «регулятивов и оценок», которые позволяют выбирать и занимать позицию, действовать в сложной социальной действительности.

Понятию ценности в психологии соответствуют психологические явления, обозначаемые как «значимость» (Н.Ф. Добрынин, С.Л. Рубинштейн), «значение и личностный смысл» (А.Н. Леонтьев), «жизненная позиция» (Л.И. Божович), «мотив» (Г.И. Додонов), «установка» (Д.Н. Узнадзе). В психологическом аспекте понятие «ценность» применяется для обозначения объектов, явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе общественные идеалы и выступающих благодаря этому как эталон должного, а также как элементы структуры личности.

По определению В.А. Межерикова, социальные ценности — это «более или менее общепризнанные поведенческие стандарты, то есть разделяемые обществом или социальной группой убеждения по поводу целей, которые необходимо достигнуть, и тех основных путей и средств, которые ведут к этим целям. Ценности социальные — важнейший элемент культуры, системы социальной регуляции, обеспечивающей общую стратегическую регуляцию поведения людей [6, с. 476].

Подобную точку зрения высказывает и М. Рокич, определяя ценность как «стойкое предпочтение личностью или обществом определенного образа поведения или конечного состояния, в противоположность другому типу поведения или состояния» [18]. Однако данная трактовка ценности, удовлетворяющая потребности конкретных социологических исследований, в полной мере не отражает своеобразие ценностного отношения, выражающегося в поведении людей.

В социологической науке понятие ценности определяется как «особое общественное отношение, благодаря которому потребности и интересы индивида или социальной группы переносятся на мир вещей, предметов, духовных явлений, придавая им определенные социальные свойства, не связанные прямо с утилитарным назначением этих вещей, предметов, духовных явлений» [12, с. 403].

В отдельных случаях норма рассматривается как вид ценности. Между тем норма является чисто рациональным и формализованным регулятором поведения людей, который они получают извне. Люди должны подчиняться ей, если даже они не понимают ее смысла и целесообразности. Ценность — это внутренний, эмоционально освоенный субъектом ориентир его деятельности, поэтому она воспринимается им как его собственная духовная интенция [4, с. 205].

Из анализа представленных определений следует, что «объектом окружающего мира» может выступать явление или предмет, ценимый не столько отдельной личностью, сколько обществом в целом. В таком случае конкретная цен-

ность, признанная в обществе как значимая, может стать регулятором социальных отношений в нем, в том числе профессиональных. Иными словами, в каждой профессии в соответствии с ее спецификой и соответствующими особенностями выделяются свои профессиональные ценности.

В.Г. Выжжлецов и В.Н. Козлов считают, что категория ценности представляет наиболее общий тип межсубъектных отношений. Л.М. Архангельский, Г.И. Полушин, Л.П. Фомина рассматривают ценность с позиций субъектно-объектных отношений, где объект выступает значимым для субъекта. «Ценность находится в пределах ценностного отношения, под которым понимают связь субъекта и объекта, в которой то или иное свойство объекта одухотворяет осознанную потребность субъекта, человека, потребность, сформированную в виде интереса и цели» [9, с. 6]. Следовательно, ценности можно рассматривать как свойства объекта, имеющие значимость для субъекта за счет способности отвечать его потребностям и интересам, поставленной цели.

Преобладание различных ценностей в каждом обществе детерминирует их иерархию. Несмотря на наличие общностей ценностей в социуме, каждому человеку присуща индивидуальная иерархия личностных ценностей, которые служат связующим звеном между духовной культурой общества и духовным миром личности, между общественным и личным бытием. Ю.А. Шерковин подчеркивает, что ценности могут быть непостоянны, «они изменяются во времени в результате исторической деятельности людей, как изменяются и сами люди» [17, с. 143].

С позиции пенитенциарной системы смысловое понятие «ценность», выступая как регулятор социальных отношений в обществе, является регулятором профессиональных отношений в ней: между персоналом учреждений и осужденными, между осужденными, отдельной личностью и группой осужденных.

В специфических условиях уголовно-исполнительной системы профессиональная ценность выступает в качестве многомерной полифункциональной способности сотрудника соответствовать его профессиональным функциональным обязанностям на личностном и должностном уровне, учитывать и обеспечивать при этом потребности и интересы правонарушителя в рамках законности, правильно ставить педагогические цели в работе с осужденными, руководствуясь принципом гуманизации отношений «человек-человек» (умение правильно чувствовать человека, попавшего в беду, и соответственно сопереживать ему, уважение собственной личности (чувство чести и достоинства) и уважение личности другого человека), знать психолого-педагогические особенности контингента правонарушителей и соответствующие особенности работы с ними; уметь выстраивать отношения со всеми субъектами окружающего пространства в практической профессиональной деятельности [13, с. 19].

Категория «отношение» в философии характеризуется как взаимозависимость элементов определенной системы [16, с. 470].

В Социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г.В. Осипова понятие «отношение» определяется как «взаимная связь различных величин, предметов, действий; эмо-

ционально-волевая установка личности на что-либо, т. е. выражение ее позиции» [12, с. 88].

В обоих определениях данной категории явно не достает ее возможного ценностного выражения, поскольку в этом же словаре представлено понятие ценности как особого общественно-го отношения, благодаря которому потребности и интересы индивида или социальной группы переносятся на мир вещей, предметов, духовных явлений, придавая им определенные социальные свойства [12, с. 403]. Иными словами, «эмоционально-волевая установка личности на что-либо», выражая по сути отношение предполагаемого взаимодействия либо с предметом, либо с человеком или группой людей, всегда имеет ценностный аспект.

На необходимость подхода к ценности с позиции отношения указывал немецкий философ И. Хайде, утверждавший, что ценность есть отношение между объектами и обслуживающими их субъектами.

Разделяя данную точку зрения, М.С. Каган пишет: «Ценность предстает перед нами именно как отношение, причем специфическое отношение, поскольку она связывает объект не с другим объектом, а с субъектом, т. е. носителем социальных и культурных качеств, которые и определяют сверхиндивидуальное содержание его духовной деятельности» [4, с. 67].

Таким образом, ценностное отношение представляется как некая системная целостность, имеющая свое содержание и форму: его содержание — мировоззренческо-смысловое, детерминированное общим социокультурным контекстом, а его форма — психологиче-

ский процесс, в котором ценность «схватывается» сознанием. Ценностное отношение связано с познанием, оценкой и практикой. Оцениваемые качества объективны и независимы от воли и желания человека, но оценка и выбор зависят от оценивающего субъекта.

Этой же мысли придерживаются и другие ученые [1, с. 195; 8, с. 311], которые рассматривают ценности не как объекты и качества, а определяют их через понятие «отношение». Однако это особое отношение — отношение значимости свойств одного объекта для функционирования другого, то есть субъектно-объектное отношение, связывающее человека с объектами и явлениями действительности. Ценностное отношение — это результат оценочной деятельности личности, которая рассматривается как один из видов ее психологических отношений. И.С. Нарский отмечал, что «нет ценностей как особых сущностей», но функцию ценностей исполняют передовые социальные отношения [7, с. 241].

Сущность процесса формирования ценностного отношения состоит в переходе общественной ценности в личностную через оценку человеком объекта по какому-то критерию с точки зрения его интересов, целей или потребностей. Именно отношения, рассматриваемые как ценностная общественно обусловленная система индивидуальных сознательных избирательных связей личности с объективной действительностью, структурированная по степени обобщенности, составляют личность человека.

Необходимость ценностного подхода в развитии личности для образовательного процесса подтверждается рассмотрением воспитания как формирова-

ния ценностного отношения в духовном мире личности. Так как ценностные отношения не являются врожденными, а приобретаются прижизненно, то их источником являются ценности той социальной общности, к которой принадлежит индивид и к которой она стремится его приобщить.

Наличие определенной системы ценностей и ценностного отношения к предметам и явлениям окружающего мира проявляется у человека в качествах его личности. В связи с этим различают как природные психофизиологические качества индивида, так и формирующиеся на их основе ценностные отношения, способные изменяться с течением жизни.

Профессиональная деятельность человека является сложнейшим комплексом поступков, операций, эпизодов общения, направленных на достижение профессионально важных результатов в структуре организации.

Профессия — род трудовой деятельности человека, предмет его постоянных занятий, а также свидетельство наличия у него знаний и умений, опыта, позволяющих квалифицированно выполнять определенный вид работ.

В психологии термин «профессия» обычно используется для обозначения любого занятия, которое требует высокой степени развития умений и обширной специализированной подготовки с целью исполнения определенной социальной роли [2, с. 559].

В значительной мере дополняет данное понятие термин «профессия», приведенный в Советском энциклопедическом словаре (лат. *professio*, от *profitere* — объявляю своим делом), обозначаемый как род трудовой деятельности, требующий определенной подготовки и

являющийся обычно (что немаловажно в настоящее время) источником существования [11, с. 1002].

Понятие «профессиональная деятельность» мы определяем как специфическую форму отношения человека к окружающему миру, направленную на его целесообразное изменение и преобразование в интересах общества, требующее от него высокой степени развития умений и обширной специализированной подготовки с целью исполнения данной социальной роли [13, с. 30].

При этом стоит отметить, что «в отличие от законов природы, законы общества обнаруживаются только через человеческую деятельность, которая создает новые формы и свойства действительности, превращает некоторый исходный материал в продукт» [10, с. 263].

В таком случае понятие «профессиональная деятельность сотрудника уголовно-исполнительной системы», на наш взгляд, это специфическая форма отношения среди сотрудников УИС, между персоналом пенитенциарных учреждений и объектом уголовно-исполнительного воздействия, направленная на решение задач по исполнению уголовного наказания, возлагаемых на сотрудников нормативными документами, и требующая от них высокой степени развития умений и обширной специализированной подготовки с целью исполнения данной социальной роли [13, с. 31].

Общепризнанно, что результативность функционирования пенитенциарных учреждений во многом зависит от профессиональной компетентности и психологической пригодности персонала. На основании этого в пенитенциар-

ной науке (как отечественной, так и зарубежной) уделяется существенное внимание обоснованию профессиональных и нравственных требований, предъявляемых к сотрудникам данной системы.

В числе профессионально значимых качеств отмечают нравственную активность, эмоциональную устойчивость, развитые педагогические и коммуникативные способности, психологическую готовность к службе, устойчивость к неблагоприятному влиянию среды осужденных.

Условия работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы очень тяжелые, и, мягко говоря, эта служба не всегда привлекательна [3]. Деятельность сотрудников протекает в напряженных, конфликтных ситуациях, опасных для жизни обстоятельствах. Подобные условия создают большие сложности в решении ими оперативно-служебных задач, сказываются на успешности их действий, требуют от персонала психологической устойчивости, особой подготовленности, умения адекватно действовать при любых экстремальных условиях.

В связи с этим каждый сотрудник должен обладать определенными ценностными ориентирами к предмету своей профессиональной деятельности — воспитательной работе с осужденными, проводимой с участием родственников осужденных, общественности, иных лиц и организаций, а также самостоятельных формирований осужденных.

Наряду с требованиями нормативных документов результативность осуществляемой профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, на наш взгляд, во многом будет зависеть от правильных

личностных отношений между всеми ее субъектами.

Как показывает практика, профессиональными специалистами, умеющими искать пути и творчески решать поставленные задачи, оказывая при этом необходимое воспитательное влияние на человека в особых условиях уголовно-исполнительной системы, могут быть те люди, у которых явно выражены ценностные отношения к своей профессиональной деятельности и личности другого человека.

Решая проблему профессионально-ценностного отношения к функциональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы, следует рассматривать профессию сотрудника УИС как ценность общественного и личного бытия, несущую позитивное значение социуму и отдельной личности.

Ценностное отношение к профессии, где профессиональный труд становится ведущей нравственной ценностью и мотивирующей силой личностного саморазвития, формируется в ходе усвоения личностью определенных форм поведения и деятельности. Однако эти усваиваемые формы поведения закрепляются и приобретают устойчивость только тогда, когда они становятся для человека средством реализации определенных мотивов, стремлений, потребностей. Воспитание устойчивости психологических качеств личности требует определенной организации и ее мотивационной сферы, и поведения. Устойчивость качества возникает, когда человек испытывает потребность в таком поведении, которое составляет основу данного качества, когда это поведение выступает для него как образец, как идеал, к которому он стремится.

Таким образом, ценностное отношение к профессиональной деятельности относится к смысловой сфере личности, сфере личностной направленности, которая проявляется через ведущие устойчивые мотивы деятельности, интерес к профессиональной деятельности и отношение к окружающему миру.

В основе ценностных отношений личности к профессиональной деятельности находятся: осознание достоинств профессии и профессионального долга специалиста пенитенциарного учреждения; чувство личностного долга и достоинства во взаимодействии с человеком, совершившим преступление против закона и призванного к исправлению средствами пенитенциарной системы.

Таким образом, рассмотренные категории имеют свое смысловое выражение, определяемое спецификой функциональной деятельности сотрудников пенитенциарной системы.

Анализ рассмотренных характеристик позволяет установить нам, что сущность профессионально-ценностного отношения к функциональной деятельности сотрудника пенитенциарной системы есть системообразующее понятие, в котором интегрируются смысловое выражение ценностных представлений о профессии (в обществе и пенитенциарной системе; семье и на личностном уровне); эмоционально-волевое состояние личности (устойчивость в ценностных ориентациях на функциональную деятельность даже в непредсказуемых ситуациях); готовность оперативно действовать в решении задач профессиональной деятельности (знания, умения и способности адекватно осмысливать ситуацию, ставить и решать соответствующие задачи).

Литература

1. Багаева И.Д. Формирование у будущего учителя ценностного отношения к педагогической теории: дис. ... канд. пед. наук. — Л., 1976.
2. Большой толковый психологический словарь / сост. А. Ребер: пер. с англ. — М.: Вече, АСТ, 2000. — Т. 2.
3. Из выступления Президента Российской Федерации Д.А. Медведева на заседании президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», г. Вологда, 11 февраля 2009 г.
4. Каган М.С. Философская теория ценности. — СПб.: Петрополис, 1997.
5. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // *Вопр. философии.* — 1996. — № 11. — С. 15–25.
6. Межериков В.А. Психолого-педагогический словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений. — Ростов н/Д: Феникс, 1988.
7. Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. — М.: Наука, 1969.
8. Основы вузовской педагогики / под ред. Н.В. Кузьминой. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972.
9. Полушин Г.И. Моральная ценность научных знаний. — М.: Знание, 1984.
10. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. — М.: Большая рос. энцикл., 1993. — Т. 1.
11. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. — 2-е изд. — М.: Сов. энцикл., 1983.
12. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-коорд. Г.В. Осипов. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998.
13. Тарасиков М.С. Формирование у старшеклассников ценностных отношений к будущей профессиональной деятельности в пенитенциарных учреждениях: дис. ... канд. пед. наук. — Рязань, 2006.
14. Толковый словарь русского языка / под ред. Б.М. Волина и Д.Н. Ушакова. — М.: Наука, 1983.
15. Философский энциклопедический словарь — М.: ИНФРА-М, 1997.
16. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — М.: Сов. энцикл., 1983.
17. Шерковин Ю.А. Проблема ценностной ориентации и массовые информационные процессы // *Психол. журн.* — 1982. — № 5.
18. *Rokeach M. Beliefs, attitude and values.* — San Francisco: Jossey-Bass Inc. Publishers, 1969. — 214 p.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ СЕРИЙНЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ УБИЙЦ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

О. А. Логунова

Аннотация: в статье предлагается обзор результатов современных зарубежных исследований личностных и поведенческих особенностей серийных сексуальных убийц. Рассматриваются проблемы изучения факторов влияния на формирование сексуальной криминальной агрессии, типологии серийных сексуальных убийц, моделей анализа их личности и поведения. Представлены также результаты исследований, направленных на решение прикладных задач, связанных с криминальным профилированием личности данной категории преступников.

Ключевые слова: серийный сексуальный убийца, криминальное профилирование, типология серийных сексуальных убийц, модели анализа личности и поведения серийных сексуальных убийц.

The summary: the article suggests the review of results of modern foreign research concerning the peculiarities of personality and behavior of serial sexual murderers. The article discusses the problems of research that deals with the factors of influence on formation of sexual criminal aggression, typology of serial sexual murderers, the models of analysis of their personality and behavior. The article focuses on the results of research aimed at the solution of practical issues connected with the criminal profiling of personality of such category of offenders.

Keywords: serial sexual murderer, criminal profiling, typology of serial sex-

ual murderers, the models of personality and behavior analysis of serial sexual murderers.

Феномен серийных сексуальных убийц в течение многих лет является объектом как теоретических, так и прикладных зарубежных исследований. В связи с междисциплинарным характером данного феномена исследовательские работы проводятся специалистами разного профиля — криминологами, криминалистами, психиатрами, психологами; с использованием различного методического инструментария — качественного и статистического анализа; а также с привлечением разнообразных баз данных — публикаций СМИ, уголовных дел, результатов интервьюирования серийных сексуальных убийц, отбывающих срок заключения или содержащихся в стационарах принудительного лечения.

В рамках теоретического подхода чаще всего изучаются проблемы факторов и механизмов формирования сексуальной криминальной агрессии, типологии серийных сексуальных убийц, моделей анализа личности и поведения данного вида преступников.

Исследования прикладного характера, проводимые, как правило, в контексте решения задач криминального профилирования, направлены на выявление устойчивых связей между особенностями личности серийного сексуального убийцы и характеристиками его крими-

нальной деятельности, получение данных о степени его поведенческого постоянства в серии, определение характера влияния на криминальное поведение ситуационных переменных.

В статье приводится обзор результатов некоторых зарубежных исследований в области личности и поведения серийных сексуальных убийц, представляющих интерес, как для специалистов в области криминальной психологии, так и для сотрудников правоохранительных органов.

Одно из направлений исследований личности серийных убийц, проводимых в основном психiatрами и психологами, базируется на клиническом изучении лиц, совершивших серийные преступления, в том числе на сексуальной почве. В их работах (P. Firestone, 1998; R. Langevin, 2003, 2006; S. Porter, 2003) указывается на выявленные у данных преступников таких психических расстройств, как шизофрения, расстройство личности, различные виды парафилий [11]. Большинство серийных убийц, по мнению исследователей V. Geberth (1997), O. Kernberg (1998), S. Harbort (1999), имеют антисоциальные расстройства личности, расстройства личности, связанные с нарциссизмом [8, 12]. Преступников с антисоциальными личностными расстройствами отличают: неспособность к соблюдению социальных норм, лживость, импульсивность, раздражительность и агрессивность, пренебрежение личной безопасностью и безопасностью других людей, безответственность, отсутствие угрызений совести. Для лиц с нарциссическими расстройствами личности характерны: гипертрофированная самооценка, высокомерие, склонность к фантази-

рованию о своих успехах, чувство собственной исключительности и вседозволенности, потребность в постоянном восхищении и особом обращении, эгоистическая личностная позиция, завистливость, использование людей для достижения собственных целей. Среди сексуальных отклонений указанной категории преступников, по данным V. Geberth (1997), S. Harbort (1999), чаще всего встречаются сексуальный садизм, фетишизм, педофилия, некрофилия [8, 12]. Наличие у серийных убийц сексуальных и/или насильственных отклоняющихся от нормы фантазий подтверждается исследованиями S. Harbort [8]. Исследования P. Briken выявляют наличие у трети изученной им группы сексуальных убийц дисфункций головного мозга и хромосомных аномалий [11].

Приведенные данные свидетельствуют о существовании определенных биологических и психопатологических предпосылок к формированию личности сексуального убийцы. Однако сведение причин, объясняющих природу сексуальной криминальной агрессии, лишь к указанным факторам существенно искажает объективность понимания феномена серийного сексуального убийцы. По мнению J. Levin, J. Fox (2008), отграничение обычных (законопослушных) людей от серийных убийц только на основании наличия у последних личностных расстройств неправомерно. Такие проявления личностных нарушений, как умение манипулировать человеческим сознанием для создания определенного впечатления о себе, двойственность отношения к реальности, отсутствие сочувствия, не присущи лишь исключительно популяции убийц, так как встречаются и среди других людей [10]. Наличие психопато-

логии не является отличительным признаком серийных убийц и единственным вектором, определяющим криминальное направление развития их личности.

В ряде криминологических исследований (D. MacDonald, L. Morgenbesser, 1984; E. Hickey, 2002; L. Schlesinger, 2004), проводимых на основе изучения биографий («историй жизни») сексуальных серийных убийц, выявляется совокупность факторов, повлиявших на развитие «преступной карьеры» указанных лиц, среди которых значимую роль играют социальные — неблагополучная семья, воспитание в «агрессивной субкультуре», наличие психических травм в детстве, раннее приобщение к алкоголю (наркотикам) и вовлечение в криминальную среду [1, 11]. Влияние системы факторов на развитие криминальной агрессии серийного сексуального убийцы рассматривается E. Hickey, разработавшим «динамическую модель управления травмой» [1]. Исследователь выделяет факторы predisposedности, которые могут быть биологическими (отягощенная наследственность, поражения головного мозга различной этиологии и т. п.), социальными и психологическими. Во время своего личностного формирования убийцы травмируются такими социальными факторами, как физическое и сексуальное негативное воздействие, проблемы с родителями, развод, смерть родителей. Следствие этих проблем — развитие чувства отверженности от общества, бесполезности, неспособности преодолеть стресс. Это глубинное переживание своей неадекватности прячется за необходимостью сохранения «фасада» самоуважения и самоконтроля. Такие двойственные дестабилизи-

рующие влияния на личность преступника вызывают фантазии, чьи компенсаторные темы связаны с угрозой в отношении жертвы, управлением и доминированием над ней. Данные фантазии являются ритуальным проявлением первоначальной детской травмы и способствуют балансу противоположных свойств личности. В дальнейшем фантазии становятся привычными, и даже с возрастающим жестоким содержанием они теряют свое компенсаторное значение и степень воздействия на преступника. Фантазии начинают претворяться в реальную жизнь сначала в форме преследования жертв, затем попыток проникновения в их жилище, их изнасилования, а позже — убийства. Так как убийства не в полной мере или только на короткий срок облегчают негативные переживания, процесс криминального поведения становится циклическим.

Таким образом, в своих исследованиях в области изучения генеза криминальной сексуальной агрессии и причин, ее обуславливающих, западные ученые приходят к выводу о многофакторной природе формирования личности серийного сексуального убийцы.

Другая научная проблема, активно разрабатываемая зарубежными специалистами, касается изучения типологии серийных сексуальных убийц и создания «классификационной модели» таких преступников.

Один из подходов к созданию классификационной модели базируется на специфике мотивационной детерминации криминальной деятельности. Исследователь Вееч А. (2005), основываясь на различиях в мотивах криминального поведения, разделяет лиц, совершивших

убийства на сексуальной почве на: мотивируемых обидой, мотивируемых сексом и убийц-садистов [11].

Широкой известностью пользуется классификация R.M. Holmes (1998), который выделяет четыре типа серийного убийцы в соответствии с преобладающей у него мотивацией: 1) *киллер-визионер* — у него часто возникают галлюцинации и бредовые представления, которые подталкивают к убийству определенных жертв. Этот тип следует классифицировать как психотичный и невменяемый, среди серийных убийц количественно представляющий исключение; 2) *киллер-миссионер* — решает таким воинственным способом преследовать и наказывать представителей определенных социальных групп; 3) *киллер-гедонист* — представители этой категории неоднородны и включают три подгруппы: *сладолюбивые убийцы*, которым сам акт убийства доставляет сексуальное удовольствие; *киллеры — искатели приключений*, которые убивают не из-за сексуальных мотивов, а из любопытства и интереса к экстремальному опыту совершения убийства; *киллеры, ориентированные на комфорт*, — не интересуются процессом убийства, они убивают жертву с тем, чтобы достичь других целей — ради собственной безопасности, для присвоения личного имущества. Выбор ими способа и обстоятельств совершения преступления определяется только прагматическими соображениями; 4) *киллеры, стремящиеся к власти и контролю*, — для них необходим тотальный контроль над жертвой и доминирование в решении вопроса ее половой неприкосновенности, жизни или смерти. На переднем плане стоит не сексуальное удовлетворение, а возмож-

ность прибегнуть к сексуальным действиям [12].

Большим разнообразием отличаются классификационные модели, созданные на основе различий в характеристиках криминального поведения (J. Proulx, 2002, 2005, 2006; R. Kocsis, 2006; D. Rossmo, 1997, 2000). Так, J. Proulx выделяет «садистский» (*sadistic*) и «гневный» (*anger*) стиль поведения. В первом случае преступники выбирают незнакомых жертв, планируют свои криминальные действия, совершают преступление более чем за 30 минут, используют в отношении жертв средства физического ограничения, унижения и пыток, чаще прячут тела своих жертв. Во втором — преступники совершают убийства за время меньше 30 минут, для них нехарактерна преднамеренность, физические ограничения, оскорбления и увечья жертв. Они чаще оставляют тела жертв на месте преступления [11].

R. Kocsis, анализируя криминальную деятельность сексуальных убийц, выявляет четыре поведенческих паттерна: «хищника» (*predator*), «насильника» (*rape*), «неистового» (*fury*), «извращенца» (*perversion*). Для «хищника» характерно проявление в поведении садистской составляющей, для «неистового» — избыточной жестокости, для «насильника» — сексуального насилия над жертвой, для «извращенца» — аномальности сексуальной мотивации [11].

D. Rossmo, в течение длительного времени изучавший пространственные аспекты криминальной деятельности серийных сексуальных убийц, в том числе стратегии их поведения и рисунки преступных нападений («охотничьи паттерны»), выделяет среди лиц данной кате-

гории несколько типов. По методу поиска преступником в своей «охотничьей зоне» подходящей жертвы исследователь выделяет: «охотника» (hunter), выслеживающего себе жертв в пределах знакомой местности, недалеко от места проживания; «браконьера» (poacher), предпочитающего осуществлять поиск жертв на удалении от дома, переезжая для этого на большие расстояния; «рыбака на блесну» (troller), нападающего не на незнакомых жертв, а на женщин, с которыми он связан в своей обыденной жизни; «ловца» (trapper), заманивающего своих жертв в специально подготовленные места и создающего ситуации, позволяющие полностью контролировать потерпевших. По способу нападения на жертву D. Rossmo дифференцирует серийных сексуальных преступников на следующие типы: «наильник» (raptor), нападающий на жертву практически сразу после встречи с ней; «преследователь» (stalker), следящий за жертвой, передвигающийся за ней и ожидающий удобного момента для нападения; «находящийся в засаде» (ambusher), нападает на жертву только после того, как она окажется в зоне, находящейся под полным контролем преступника [15, 16].

Исследования по созданию классификационных моделей серийных сексуальных убийц часто связаны с решением прикладных задач криминального профилирования. Специфика поведенческих паттернов в криминальной ситуации в таких моделях рассматривается в контексте типологических особенностей личности преступника (R. Ressler, J. Douglas, 1982, 1988; J. Meloy, 1994, 2000; F. Gerard, 2007) [11].

Одна из наиболее ранних и известных моделей подобного рода раз-

рабатывалась специалистами ФБР (R. Ressler, J. Douglas, A. Burgess, 1982, 1988, 2006) [4, 13, 14]. Их исследование проводилось в трех аспектах: анализ криминалистических характеристик отдельных категорий серийных преступлений, выявление личностных и поведенческих особенностей отбывающих наказание серийных преступников, а также установление статистически значимых связей между признаками криминального события и характеристиками лица, его совершившего. Итогом этой работы стало выделение «организованного» и «неорганизованного» типов сексуальных убийц, предполагающего различие в уровнях поведенческой сложности, проявляемой в криминальной деятельности.

Организованный преступник — среднего уровня развития интеллекта, социально хорошо адаптирован, красноречив и внешне скорее выглядит неприметно. Он планирует преступления за длительное время и выбирает свою жертву, с которой он преднамеренно начинает общаться, по определенным критериям — пол человека, внешний вид, возраст, профессия, образ жизни или одежды. Преступлению часто предшествует серьезный стресс в форме финансовых, профессиональных, партнерских (супружеских) проблем. В своем супружестве преступник не находит сексуального удовлетворения. Для него значимы его агрессивные и сексуальные фантазии, которые он реализует в виде ритуала при преступлении. Его побуждением является желание тотального доминирования над жертвой. Для этого он прибегает к пыткам и связыванию. Преступление планируется, совершается в заранее определенном преступни-

ком месте, в котором жертва потом легко устраняется.

В противоположность этому, неорганизованный преступник, как правило, низкого интеллектуального уровня развития, социально неприспособленный, живущий один и малоконтактный. Он совершает преступления спонтанно. Нападение совершается молниеносно, жертва он убивает быстро. Если он вообще допускает общение, то только минимальное вербальное взаимодействие. Этот тип преступника может наносить посмертные увечья и/или совершать сексуальные действия над телом жертвы, особенно над половыми органами. В ряде случаев он разделяет тело на части и забирает их с собой. Они имеют значение трофея или фетиша, которые позднее дают возможность вновь пережить преступление. Труп и следы преступления оставляются на месте преступления [12].

В дальнейшем исследования указанных специалистов послужат основой для разработки метода криминального профилирования, позволяющего посредством анализа преступной деятельности убийцы создать предположительный портрет преступника, содержащий его поисковые признаки, и определить главные направления его розыска.

Дихотомичная типология серийных сексуальных убийц, предложенная специалистами ФБР, в течение долгого времени определяет рамки исследовательского подхода других ученых к изучению личности и поведения рассматриваемой категории преступников (W. Myers, 2002, 2004; M. Safarik, 2002; J. Meloy, 2000; F. Gerard, 2007) [11].

Так, F. Gerard (2007) на основе анализа уголовных дел по раскрытым пре-

ступлениям выделяет два типа поведения серийных убийц: *оппортунистически-импульсивный* (opportunistic-impulsive) и *садистски-расчетливый* (sadistic-calculator). Первый тип поведения характерен для спонтанного преступника, действующего с минимальной рефлексией. Второй — проявляется у планирующего преступника, склонного к садизму.

J. Meloy (2000), изучавший серийных преступников, заключенных в тюрьму или специализированные госпитали, разделяет серийные сексуальные убийства на «*компульсивные*» и «*кататимные*». Для «компульсивных» убийств характерны организованные места преступлений. У лиц, их совершивших, выражен сексуальный садизм и антисоциальные (или нарциссические) проявления личностных расстройств. Такие преступники — хронически эмоционально обособлены, с выраженными чертами психопатии и не имеют личного опыта переживания травм. «Кататимные» убийства характеризуются неорганизованными местами преступлений. У лиц, их совершающих, диагностируются шизоидные и аутичные личностные нарушения. Они менее психопатичны, имеют в прошлом физическую и/или сексуальную травму.

Однако в последние годы данная типологическая модель была подвергнута критике. Так, по мнению D. Canter (2004), организованные и дезорганизованные модели поведения серийного сексуального убийцы не являются дихотомическими категориями, противоположными по своему значению, а вероятнее всего дезорганизованная модель — часть (этап развития) организованных [17]. В работах F. Neubacher (2003) и G. Salfati (2005), рассматривающих су-

ществующие классификационные модели, в качестве недостатков большинства из них указывают: их избирательность, статичность, размытость границ между описанием отдельных типов преступников и частые совпадения в их поведенческих характеристиках [12, 17]. В целом разработка классификационных моделей западными исследователями — важный шаг в изучении серийных сексуальных убийц, демонстрирующий неоднородность данной популяции преступников, расширяющий представление об их типологических особенностях и специфике проявлений последних в криминальных паттернах поведения.

Как альтернативу классификационным моделям G. Salfati (2005) в своих работах предлагает «тематическую модель», различающую *инструментальную* и *экспрессивную* криминальные агрессии [17]. По его мнению, серийные сексуальные преступники могут быть дифференцированы по тематическому преобладанию в поведении конкретного стиля агрессии. Инструментальная криминальная агрессия определяется необходимостью преодоления сопротивления жертвы для достижения иных целей — сексуальной близости, реализации фантазий по отправлению определенного ритуала. Насилие над жертвой является средством. Экспрессивная криминальная агрессия определяется стремлением к переживанию определенных эмоциональных состояний при совершении убийства жертвы; насилие при взаимодействии с ней — это цель преступления. В поведении серийного сексуального убийцы инструментальная агрессия определяется по таким признакам, как оставление жертвы голой или частично одетой, исполнение ритуальных

действий, расположение тела в определенной позе, на открытом пространстве. «Эмоциональная атака» как главное содержание экспрессивной агрессии проявляется в криминальном поведении в виде пыток, нанесения увечий жертве, ее удушения, использования режущих предметов, взятия с места преступления трофеев, уничтожения улик, скрывания тела. Результаты исследования G. Salfati, проведенные на основе анализа архивных материалов банка данных по раскрытым серийным убийствам, показывают относительное постоянство убийц в рамках серии по типу агрессивного поведения. Общая тенденция, выявленная в процессе дифференциации серийных убийств, связана с преобладанием среди них преступлений по экспрессивному типу.

В настоящее время, судя по зарубежным источникам, по-прежнему актуальна область исследований, связанная с профилированием (портретированием) личности неустановленного серийного сексуального преступника. Целенаправленно метод профилирования применяется с 1970-х годов сотрудниками отдела поведенческих наук Академии ФБР в США. Разработкой данной проблемы продолжают активно заниматься специалисты США, Великобритании, Канады. Методический подход к портретированию, которого придерживаются западные исследователи, основывается на «статистическом» принципе, заключающемся в выявлении достоверных связей между криминалистическими признаками преступления и признаками личности преступника, установленными после его задержания и осуждения.

В современных исследованиях B. Snook, R. Cullen, A. Mokros, S. Har-

bord (2005); E. Beauregard, D. Rossmo, J. Proulx (2007); E. Beauregard, J. Field (2008), результаты которых важны прежде всего для практики криминального профилирования, изучаются пространственные решения серийных сексуальных убийц и определяющие эти решения факторы [2, 3, 18].

В работе B. Snook, R. Cullen, A. Mokros, S. Harbord анализируются данные о связях между пространственным поведением преступника (проявляющимся в степени удаленности места его проживания от места преступления) и такими характеристиками его личности, как хронология серии, возраст, интеллектуальные способности, профессиональный и семейный статус убийцы, мотив убийства, вид используемого транспорта [18]. Показывается достоверная связь между удаленностью от дома до места преступления и различными факторами (наличие автомобиля, возраст и интеллект преступника). Серийные убийцы, использующие автомобиль, оставляют тела жертв дальше от своего дома, чем преступники, не имеющие в личном распоряжении автотранспорта. Лица с более высоким интеллектом избавляются от тел жертв на большем расстоянии от своих домов, чем лица с низким интеллектом. Серийные убийцы, старшие по возрасту, оставляют тела ближе к своему дому, чем их молодые коллеги. Достоверно значимого влияния на пространственное решение указанных факторов (хронология серии, статусы, мотивация) не выявлено.

В исследованиях E. Beauregard и др. проводится статистический и качественный анализ влияния личностных и ситуационных переменных и на принятие преступником решения в целом, и на выбор

конкретных паттернов поведения, связанных с размещением тел жертв [2, 3].

Месторасположение тел жертв, по мнению E. Beauregard, J. Field, отражает сознательные пространственные решения убийц, обусловленные личностными и ситуационными факторами. Научный интерес этих исследователей направлен на получение эмпирических доказательств различий в личностных и ситуационных характеристиках при совершении сексуальных убийств преступниками, перемещающими тела жертв и оставляющими их на месте. Характеристики личности и криминального поведения в процессе исследования собирались криминологами и психологами посредством полуструктурированного интервью заключенных тюрем и анализа уголовных дел. В качестве личностных параметров рассматриваются: возраст, степень организованности преступника, его зависимость (независимость) от времени, наличие (отсутствие) у него работы, является (не является) преступник антисоциальной личностью. В качестве ситуативных — возраст жертвы, характеристики жертвы (была ли она знакомой преступнику, одинокой, проституткой), употребление убийцей до преступления алкоголя или наркотиков, наличие у него конфликта с жертвой до преступления, время совершения преступления.

Результаты исследования относительно характеристик личности достоверно показывают, что преступники с организованными психологическими характеристиками, имеющие антисоциальное нарушение личности, зависящие от времени преступления, перемещают тело жертвы после убийства. Влияние ситуационных факторов сказывается следующим образом: преступники

достоверно чаще оставляют тела жертв на месте преступления, если с жертвой перед преступлением возник конфликт, если преступление совершается ночью, когда жертва пожилого возраста, живет одна и работает проституткой [3].

Обсуждая полученные результаты, исследователи отмечают факт существования значимых зависимостей между паттернами поведения преступника относительно размещения тел жертвы и особенностями его личности, а также факт изменения способа данного поведения в ряде случаев под влиянием некоторых ситуационных факторов. По мнению E. Beauregard, J. Field, полученные ими данные могут помочь специалистам правоохранительных органов в установлении некоторых обстоятельств убийства, реконструкции событий и определении круга подозреваемых.

В работе E. Beauregard, D. Rossmo, J. Proulx (2007) на основе изучения информации из отчетов полицейских исследований, а также данных, полученных в ходе полуструктурированного интервью преступников, проводится качественный анализ алгоритма принятия решения серийными сексуальными преступниками в процессе их деятельности. Результатом такого научного анализа является создание основанной на рациональном выборе «описательной модели» их криминального поведения («охоты») [2].

Ее исходной посылкой выступает предположение, что преступник совершает криминальное поведение, когда оценивает свое положение, как выгодное. Эта рациональная оценка проводится преступником с учетом имеющейся у него информации, времени, которым он

располагает, степени необходимых для достижения криминальной цели усилий. В этом контексте становится важным исследовать ситуационные параметры и их выбор преступником, чтобы понять истинную природу различных личностно-ситуационных взаимодействий в ходе преступления.

Модель охватывает основные составляющие преступного поведения и дает возможность оценить выборы, сделанные преступником во время «охоты», и факторы, определяющие эти выборы. Полученные в исследовании результаты позволяют выявить, какие параметры ситуации преступления являются наиболее значимыми для формирования у преступника криминального намерения, а также как меняется стратегия поведения в процессе реализации этого намерения в зависимости от типа жертвы и их реакции, ситуационного контекста преступления и окружающей среды.

Информация, систематизированная в рамках указанной модели, представляет, помимо научного, безусловный практический интерес для решения задач профилактики указанного вида преступлений, а также профилирования лиц, их совершающих. Во-первых, различные компоненты модели могут использоваться для стратегий предупреждения преступления, чтобы адаптировать реакцию жертвы на различное поведение нападающих. Зная, почему преступник действует определенным образом, можно помочь потенциальным жертвам избежать нападения, выработать оптимальные стратегии поведения, чтобы противостоять преступнику. Во-вторых, описательная модель дает возможность представить «внутреннее криминальное мышление» преступника, от-

вечая на вопрос: почему серийный преступник действует определенным способом в процессе «охоты»? Эта информация может быть полезна при проведении профилирования.

Изучение параметров криминальной деятельности серийного сексуального убийцы имеет огромное прикладное значение не только для выявления их связей с особенностями личности, используемых в дальнейшем в целях профилирования, но и для определения признаков поведенческого постоянства преступника, необходимого для идентификации серии.

Вопросам изучения поведенческого постоянства серийных убийц уделялось большое внимание в работах зарубежных авторов [5–7, 9].

J. Douglas, C. Munn (2002), изучая криминальное поведение серийных убийц, разграничивают способ действия преступника (*modus operandi*) и его так называемый подчерк или автограф (*signature*) [5]. Под способом действия ими понимается операциональная сторона преступной деятельности, ее динамичная (меняющаяся под влиянием опыта) и адаптивная (подверженная влиянию ситуативных факторов) составляющая. В подчерке проявляется индивидуализирующая, личностно-смысловая сторона криминального поведения, она более постоянна во времени и ситуационно устойчива. Если операциональная сторона представляет собой систему действий и приемов преступника, выполняемых для достижения своих криминальных целей, то индивидуализирующая составляющая характеризуется действиями, реализуемыми преступником в процессе совершения преступления, но не явля-

ющимися необходимыми для достижения конечной цели.

В своей работе J. Douglas, C. Munn обосновывают необходимость анализа подчерка (*signature analysis*) серийного убийцы, в ходе которого посредством психологической интерпретации данных о преступлениях открывается возможность выявления в ряде криминальных актов признаков, свидетельствующих о схожем смысловом контексте преступных действий, что указывает на их совершение одним лицом.

Согласно другим зарубежным исследованиям (R. Keppel, 2000; G. Labuschagne, 2006), результаты анализа подчерка серийного сексуального убийцы могут использоваться не только на этапе расследования для решения задачи идентификации серии, но и в ходе судебного разбирательства в качестве косвенного доказательства причастности преступника к совершению эпизодов в рамках серии, по которым возникли трудности в процессе полицейского расследования со сбором доказательной базы [7, 9].

Проблемы установления поведенческого постоянства сексуальных убийц на протяжении серии рассматриваются в работе специалистов Министерства внутренних дел Великобритании — D. Grubin, P. Kelly, Ch. Brunson (2001) [6]. Изучение поведенческой согласованности серийных сексуальных преступников проводилось ими в рамках реализации исследовательского проекта, направленного на создание метода анализа криминальной деятельности в целях идентификации серии и разработку компьютеризированной скрининговой системы, позволяющей в национальном масштабе систематически проводить сравнение тяжких насильственных преступле-

ний, объединяя их на основе поведенческого сходства.

Для получения объективных и количественных тестовых показателей сходства между преступлениями исследователями разрабатывается мультивариативный метод оценки, в соответствии с которым каждое преступление было структурировано по нескольким поведенческим сферам. В качестве таких составляющих выделяются: управление и контроль (control) — поведение, направленное на рациональный контроль за жертвой, включая способ выбора, преследования и подхода к жертве, чтобы сексуальное нападение могло быть осуществлено; секс (sex) — поведение, связанное непосредственно с сексуальными действиями; покидание места преступления (escape) — поведение, связанное с оставлением места и избеганием возможности обнаружения; стиль (style) — поведение, которое отражает личность преступника или стиль преступления, но не является необходимым для успешности реализации преступного замысла.

Исследователи, используя в качестве эмпирической основы полицейскую базу данных Англии и Канады по преступлениям на сексуальной почве (в том числе серийным), находят подтверждение предположению о поведенческом постоянстве (как по одной, так и по нескольким поведенческим сферам), проявляемом в криминальной деятельности серийных сексуальных преступников. Поиск согласованности среди поведенческих компонентов не означает, что это поведение статично. Перемещение между элементами поведенческих компонентов отражает влияние опыта и растущей уверенности, а не поведенческой непоследовательности. При из-

учении динамики криминального поведения в рамках серии обнаруживаются некоторые особенности «поведенческой эволюции». Наличие точных образцов «эволюции» поведенческих компонентов может дать полезную информацию, на каком этапе криминальной карьеры находится преступник.

Результаты исследования D. Grubin и др. подтверждают наличие в криминальном поведении сексуальных преступников, реализующемся в течение серии, согласующихся паттернов. Оценивая эффективность метода составления профиля личности преступника, D. Grubin указывает, что для надежного определения типа преступника в процессе профилирования необходимы не только анализ криминалистической картины преступлений, но и согласование профилей от разных преступлений, направленное на изучение поведенческого постоянства на протяжении всей криминальной карьеры.

Итак, несмотря на многолетнюю зарубежную историю изучения личностных и поведенческих особенностей серийных сексуальных убийц, некоторые направления исследований в этой области не исчерпали своей актуальности. Западными специалистами продолжают развиваться идеи о гетерогенности понятия серийный сексуальный убийца, включающего различные типы такого рода преступника; многофакторной природе и поэтапности формирования криминальной сексуальной агрессии; необходимости рассмотрения динамики криминального поведения в контексте взаимодействия личностных и ситуационных переменных. Большой объем зарубежных исследований касается психолого-криминалистических аспектов анализа

деятельности серийных убийц, связанных с решением прикладных задач криминального профилирования по выявлению устойчивых связей между личностными особенностями преступника и криминалистическими характеристиками его преступной деятельности, а также идентификации серии посредством поиска поведенческой согласованности. Одна из целей подобного рода исследований направлена на создание экспертных систем поддержки принятия решения для сотрудников системы правоохранительных органов, использующих компьютерные базы данных по насильственным преступлениям в процессе выявления криминальных серий, определения поисковых признаков убийц и выбора системы оптимальных мероприятий по их обнаружению.

Литература

1. *Arndt W., Hietras T., Kim J.* Critical characteristics of male serial murderers // American journal of criminal justice. — 2004. — Vol. 29. — № 1. — P. 117–131.
2. *Beauregard E., Rossmo D., Proulx J.* A Descriptive Model of the Hunting Process of Serial Sex offenders: A Rational Choice Perspective // Journal of Family Violence. — 2007. — Vol. 22. P. 449–463.
3. *Beauregard E., Field J.* Body Disposal Patterns of Sexual Murderers: Implications for Offender Profiling // Journal of Police and Criminal Psychology. — 2008. — Vol. 23. — P. 81–89.
4. *Douglas J., Burgess A., Burgess A., Ressler R.* Crime Classification Manual. — (2nd Ed.). N.Y., 2006.
5. *Douglas J., Munn C.* Modus operandi and the signature aspects of violent crime // Douglas J., Burgess A., Burgess A., Ressler R. (Eds.). Crime Classification Manual. — N.Y., 2002.
6. *Grubin D., Kelly P., Brunsdon Ch.* Linking Serious Sexual Assaults Through. — L.: Great Britain, Home Office Research, Development and Statistics Directorate, 2001. — Research № 215.
7. *Keppel R.* Signature murders: A report of the 1984 Cranbrook, British Columbia cases // Journal of Forensic Sciences. — 2000. — Vol. 45 (2). — P. 500–503.
8. *Kohler D.* Die Persönlichkeit von Serienmördern // Kriminalistik. — 2002. — № 2. — P. 92–95.
9. *Labuschagne G.* The Use of a Linkage Analysis as Evidence in the Conviction of the Newcastle Serial Murderer, South Africa // Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling. — 2006. — № 3. — P. 183–191.
10. *Levin J., Fox J.* Normalcy in Behavioral Characteristics of the Sadistic Serial Killer // Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes. R.N. Kocsis. — 2008. — P. 3–14.
11. *Morgenbesser L., Kocsis R.* Sexual Homicide: An Overview of Contemporary Empirical Research // Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes. R. N. Kocsis. — 2008. — P. 103–117.
12. *Neubacher F.* Serienmörder: Überblick über den wissenschaftlichen Erkenntnisstand // Kriminalistik. — 2003. — № 1. — P. 43–48.
13. *Ressler R., Burgess A., Douglas J.* Criminal profiling research on homicide. Unpublished research report. — N.Y., 1982.
14. *Ressler R., Burgess A., Douglas J.* Sexual Homicides: Patterns and Motives. — N.Y., 1988.
15. *Rossmo D.* Geographic profiling // J.L. Jackson, D.A. Bekerian (Eds.) Offender profiling: Theory, research and practice. 1997.
16. *Rossmo D.* Geographic profiling. — Boca Raton, FL: CRC Press, 2000.
17. *Salfati G., Bateman A.* Serial Homicide: An Investigation of Behavioural Consistency // Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling. — 2005. — № 2. — P. 121–144.
18. *Snook B., Cullen R., Mokras A., Harbord S.* Serial Murderers Spatial Decisions: Factors that Influence Crime Location Choice // Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling. — 2005. — № 2. — P. 147–164.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГА В НЕГОСУДАРСТВЕННОМ ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Г. П. Иванов

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы профессионального становления психолога в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: профессионал, профессионализм, субъективная активность, личностно-профессиональное становление, профессиограмма практического психолога.

The summary: the questions of professional development psychologist at the university.

Keywords: professional, professionalism, a subjective activity, personal and professional development, professionogramme practical psychologist.

За последнее время наряду с увеличением внимания к исследованиям в области психологии развития личности, ее жизненного и профессионального пути, генезиса мотивационно-потребностной сферы, способностей, а также в связи с разработкой и внедрением концепций деятельностного, личностного и системного подхода при решении комплексных задач совершенствования, оптимизации структур организации деятельности возрос интерес к проблеме формирования личности профессионала. В психологии развития и акмеологии предпринимаются попытки сформулировать законы личностно-профессионального развития, самовыражения личности в профессии. Термин «профессионал» в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова определяется как «человек, избравший какое-либо заня-

тие своей профессией; специалист своего дела». Следовательно, в обыденном понимании определение профессионала связывается с фактом принадлежности к какой-либо профессиональной деятельности.

Профессионализм — это совокупность, набор личностных характеристик человека, необходимых для успешного выполнения трудовой деятельности. Необходимо подчеркнуть, что профессионализм человека — это не только достижение им высоких профессиональных результатов и производительность труда, но и непременно наличие психологических компонентов — его внутреннего отношения к труду, его состояния. Мы исходим из положения о том, что основу профессионального роста составляет личность человека, поэтому при становлении профессионала необходимо опираться на его общее психологическое развитие.

Данная статья посвящена изучению психологических и личностных качеств студентов, обучающихся на психологическом факультете. В целом наше исследование носит поисковый характер, в котором мы попытались выявить качества личности студентов, так как обучение в вузе — один из главных этапов профессионального становления значительной части будущих психологов. В то же время психологические и личностные особенности студентов являются системообразующими факторами становления будущего психолога, развития его профессионализма.

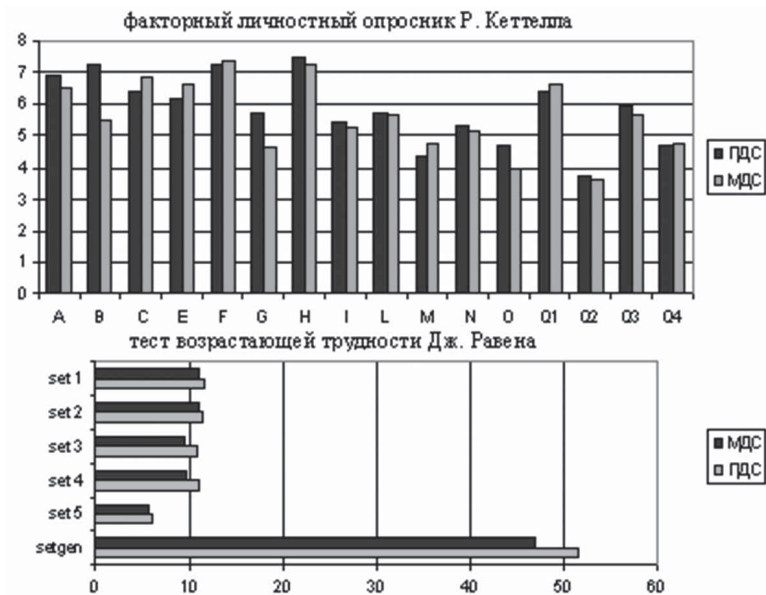

Рис. 1. Графическое представление средних показателей психологических и личностных особенностей структуры личности выпускников психологического факультета и факультета менеджмента

В связи с этим основная проблема нашего исследования — влияние образовательного процесса на развитие профессионализма личности.

Теоретический анализ изучения профессионализма личности студентов высшего учебного заведения позволяет сделать вывод, что составление психологического портрета должно быть основано на реализации идеи системно-структурного подхода к исследованию личности.

Для решения поставленных задач исследования и проверки исходных положений был использован набор (батарея) диагностических методов. Для анализа полученных эмпирических данных были использованы методы первичной обработки и ряд статистических методов: корреляционный и факторный анализы.

Анализ и интерпретация полученных результатов позволили обозначить следующую структуру личности студентов процессе профессионального образования с I по V курсы. Нами был выявлен ряд психологических и личностных характеристик, отражающих своеобразие личности студента: жизнерадность, общительность, открытость внешним контактам, гибкость, дружелюбие, устойчивость интересов и выбранных ценностей в жизни (здоровье, любовь и желание иметь верных друзей), самостоятельность, активность, образованность, достаточно высокое интеллектуальное развитие. Нами было выявлено, что психологические и личностные качества студентов в процессе обучения в вузе имеют как сходство в исходном уровне развития качеств, так и

Рис. 2. Графическое представление средних показателей психологического и личностного развития студентов V курса психологического факультета, полученных по отдельной группе учащихся и успешных учащихся за 2005 г.

различия: в наличии периодов прогрессивного развития одних качеств, периодов скачкообразной динамики других и даже регресса третьих на отдельных этапах (курсах) профессионального становления.

Групповой психологический портрет выпускников психологического факультета немного отличается от ранее полученного нами группового психологического портрета факультета менеджмента. Полученные данные представлены на рисунке 1:

Успешные учащиеся V курса отличаются от остальных членов группы более высоким интеллектуальным развитием, спокойствием и серьезным отношением к жизни, наглядно такую закономерность можно представить в виде графиков (рис. 2 и 3).

Следует выделить не только отличия успешных студентов, но и черты личности, характерные для них. К ним относятся такие характеристики, как: гибкость, открытость, готовность к контактам с окружающими, эмоциональная лабильность, самостоятельность, высокое интеллектуальное развитие, жизнерадостность, активная жизненная позиция, развитое воображение, самоконтроль, ответственность. Выделенные психологические и личностные особенности успешных студентов могут послужить в качестве эталонных в процессе профессионального обучения и на их основе мы смогли описать профессионально важные качества и составить модель психолога-практика. Полученный личностный профиль психолога-практика представляет собой личность с активной

Рис. 3. Графическое представление средних показателей психологического и личностного развития студентов V курса психологического факультета, полученных по отдельной группе учащихся и успешных учащихся за 2007 г.

жизненной позицией, жизнерадостную, открытую к внешним контактам, открытую, общительную, с разнообразными интеллектуальными интересами, эмоционально лабильную, имеющую развитое чувство ответственности.

При проведении факторного анализа был выявлено 9 латентных факторов, обозначающих психологическое и личностное развитие студентов в период обучения в вузе и получивших следующую интерпретацию: «общее интеллектуальное развитие», «интимно-личностной сфера личности», «саморуководство», «реактивная агрессивность», «контактность», «внутренняя конфликтность»; «самоконтроль поведения», «практичность», «ответственность».

Учитывая действия указанных факторов, можно охарактеризовать профес-

сиональное становление психолога как развитие и расширение интеллектуальной сферы личности (общие мыслительные и интеллектуальные особенности), развитие социальных (самоутверждение, общительность, контактность, открытость, гибкость) характеристик личности и более зрелое отношение к жизни (уверенность, ответственность, самооценочность). Однако следует обратить внимание на некоторый скачок агрессивности как к окружающим (раздражительность, импульсивность), так и к себе (самокопание, самообвинение). Вероятно, эти специфические черты в нашем случае не задаются изначально, а формируются в процессе обучения в высшем учебном заведении.

Анализ и интерпретация полученных данных подтвердили связь профессио-

Таблица 1

Профессиограмма практического психолога

1. Общая характеристика труда		2. Требования профессии к качеству подготовки		3. Требования профессии к личностным качествам		4. Диагностические методика и противопоказания	
Содержание и основные операции (действия)	Условия и характер труда	Знания	Умения и навыки	Интересы и склонности	ПВК	Рекомендуемые методики	Медицинские противопоказания
1	2	3	4	5	6	7	8
<p>На промышленных предприятиях, в медицинских и научных учреждениях, учебных заведениях, учебных заведениях, системе СМИ осуществляет научно-практическую, педагогическую, исследовательскую, методическую и информационно-библиографическую деятельность. Разрабатывает методы управления личностью и коррекции ее развития, дает экспертные оценки состояний и отдельных психических функций человека, предлагает и внедряет рекомендации по оптимизации процессов трудовой и учебной деятельности и условий труда, была и отдала людей, ведет наблюдение индивидов и коллективов, составляет анкеты, вопросники и т. д. Выполняет исследования по оптимизации психологического климата в социальных коллективах (семья, производство) и изучает проблемы адаптации личности к различным условиям и режимам жизнедеятельности. Занимается социальным тренингом, ведет профилактическую работу</p>	<p>Работа в помещении, нормированный рабочий день, составлен график труда на неделю/год. Работа связана с постоянным общением, решением психологических задач руководства трудовыми коллективами, совершенствованием подбора и расстановки кадров, повышением качества профессиональной подготовки</p>	<p>Должен знать: основы законодательства в области здравоохранения, образования, занятости населения, охраны труда, методические нормативные и др. Знать материалы по практической психологии, общей и специальной психологии, основы психодиагностики, психологического консультирования, методы социально-психологического тренинга общения, диагностики и коррекции развития личности</p>	<p>Коммуникативные способности, умение слушать, вербальные способности (умение говорить четко, ясно, выразительно), ораторские способности, находчивость, разносторонность, любознательность и обучаемость, эрудированность</p>	<p>Склонность к умственному труду и работе с людьми, стрессоустойчивость-Интерес и уважение к другому человеку, Стремление к самопознанию, саморазвитию Склонность к сопереживанию</p>	<p>Хорошо развитые коммуникативные способности, тактичность, чувство ответственности, умение сопереживать, наблюдательность, аналитический ум, эмоциональная устойчивость, развитая словесно-логическая и образная память, внимательность</p>	<p>16 PF, РР1, МИС, тест возрастной трудности Дж. Равена Тест Амтхауера Тесты на стрессоустойчивость Проективные методы изучения личности Опросник ценностных ориентаций М. Рокича</p>	<p>Нервные и психические заболевания, а также инфекционные заболевания. Профессия не рекомендуется людям с дефектами зрения и слуха</p>
	<p>Эффективность деятельности определяется тем, насколько успешно психолог смог определить причины того или иного психологического явления, а значит, проникнуть во внутреннюю, скрытую от непосредственного наблюдения психологическую реальность</p>	<p>Критерии тяжести</p>	<p>Логическая сложность</p>	<p>Сложность «индивидуального» подбора методик и обязательная персональная работа с каждым клиентом (даже если он состоит в психотерапевтической группе)</p>			

нального становления личности студентов в процессе обучения с определенным уровнем личностных и психологических особенностей, а сравнительный анализ личностных и психологических особенностей успешно обучающихся студентов, студентов-выпускников психологического факультета и факультета менеджмента позволил составить профессиограмму психолога — модель профессионального становления психолога-практика (табл. 1).

Нами была описана модель практического психолога посредством составления профессиограммы. Эта модель была теоретически обоснована, уточнена и дополнена эмпирическим и экспериментальным путем (проведен сравнительный анализ студентов-выпускников психологического факультета и факультета менеджмента, а также проанализирован личностный профиль успешно обучающихся студентов выпускников).

Общий вывод о специфических психологических и личностных особенностях студентов психологического факультета:

1. Набор специфических личностных характеристик: общительность, образованность, доминантность, гибкость,

склонность к чувству вины и зависимости от группы, добросовестность, смелость, рационализм.

2. Развитый интеллектуальный уровень.

3. Среди *инструментальных ценностей* наиболее предпочтительными являются: здоровье, любовь и желание иметь верных друзей; а наименее предпочтительными — красота природы и искусства, развлечения и счастье других; среди *терминальных ценностей* наиболее предпочтительны: образованность, воспитанность, жизнерадостность, а наименее — непримиримость к недостаткам, высокие запросы и чуткость.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. — М.: Наука, 1997. — 380 с.

2. *Бодалев А.А.* Акмеология как учебная и научная дисциплина. — М.: Рос. акад. управления, 1993. — 25 с.

3. *Держач А.А., Кузьмина Н.В.* Акмеология: пути достижения профессионализма. — М.: Луч, 1993.

4. *Крягжде С.П.* Инструментальная трактовка профессиональных интересов как существенного компонента психологической устойчивости профессиональной деятельности // Психология устойчивой профессиональной деятельности. — М.; Одесса, 1984. — С. 84–88.

5. *Петровский А.В.* К пониманию личности в психологии // Вопр. психологии. — 1981. — № 2. — С. 40–46.

ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ В УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ»

А. В. Датий, Д. Е. Дикопольцев, А. А. Федосеев

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в пяти учреждениях проходит пилотный проект по перепрофилированию ВК в воспитательный центр (ВЦ) — иной вид исправительного учреждения для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте.

На 1 мая 2011 г. в ВК содержался 3541 осужденный. Тенденция сокращения количества осужденных в ВК сохранилась и в 2011 г.

В 2011 г. возрастной состав осужденных выглядел следующим образом: 14–15-летние — 175 чел. (4,9%), 16–17-летние — 2646 (74,7%), 18–19-летние — 720 чел. (20,4%). Сохраняется тенденция, наметившаяся в 90-е годы прошлого столетия: сокращение в ВК численности осужденных мужского пола, при одновременном увеличении осужденных женского пола.

Отмечается высокий уровень поступления в ВК лиц, страдающих наркоманией, алкоголизмом, токсикоманией. Характерно увеличение числа случаев привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности после начала наркотизации.

Таким образом, подростки, поступающие в ВК, характеризуются крайне низким уровнем физического и психического здоровья. Большинство из них

страдают сочетанной патологией. Среди причин плохого состояния здоровья значительная роль отводится предшествовавшему образу жизни, низкому общекультурному уровню, а также недостаточным знаниям вопросов гигиены и санитарии.

В 2011 г. в ВК в основном отбывали наказание осужденные, совершившие умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, соответственно 2207 чел. (62,3%) и 1131 чел. (31,9%). Доля осужденных, находящихся в ВК за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, возросла и составила 94,2%.

В воспитательных колониях отбывают наказание лица, осужденные впервые. Однако есть и те, кто уже отбывал наказание в виде лишения свободы и находился в ВК. Осужденных повторно следует содержать отдельно от других, применяя дифференциацию по степени криминальности. Подобное положение предусматривается Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, а также моделью ВЦ.

Как правило, несовершеннолетние совершают преступления в группе (60,2%). Значительное количество групповых преступлений объясняется особенностями подросткового возраста, в том числе стремлением несовершеннолетних к общению в любой сфере, включая криминальную.

В ВК поступают осужденные с высоким уровнем социальной и педагогической запущенности, не имеющие учебных, трудовых и профессиональных навыков. Это обусловлено социально-демографической характеристикой осужденных.

Изменения, происходящие и наблюдаемые у осужденных в процессе их обучения в школе и профессиональном училище (ПУ) ВК, можно считать важными показателями ресоциализации личности. Все осужденные, находящиеся в ВК и обязанные по закону обучаться в школе и ПУ, вовлечены в учебный процесс.

Одной из эффективных мер, позволяющих снизить количество отрицательно характеризующихся осужденных, злостных нарушителей режима содержания и лиц, поставленных на профилактический учет, является изменение существующего в настоящее время в ВК принципа организации осужденных. Отход от отрядной системы, коллективного содержания осужденных позволит организовать эффективную индивидуальную работу с несовершеннолетними, выстроить систему профилактики правонарушений в процессе отбывания наказаний.

Особое внимание при организации работы с несовершеннолетними осужденными уделяется их психологическо-

му состоянию. При этом важное место занимает предупреждение такого негативного явления, как агрессивное поведение несовершеннолетних, и особенно одного из его видов — аутоагрессии — агрессии, направленной на самого себя.

Для этого сотрудниками психологических лабораторий разрабатываются программы сопровождения осужденных, у которых выявлена склонность к аутоагрессивному и, в частности, суицидальному поведению. Основными факторами, затрудняющими развитие указанной деятельности, являются высокая латентность проблемы аутоагрессии осужденных в местах лишения свободы, недостаточный профессиональный уровень сотрудников исправительных учреждений, слабое материально-техническое оснащение подразделений ИУ, трудность изучения самой проблемы.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года большое внимание уделяется организации учебного процесса в школе и профессионального образования осужденных, обучению их социально значимым профессиям, востребованным на рынке труда. Это бесспорно окажет позитивное влияние на процесс ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

В рамках рубрики «Научная жизнь» мы открываем новую дискуссионную тему истории новейшей и современной юридической психологии, так как этот вопрос не только имеет историческую важность, но и является первостепенным для решения фундаментальных вопросов, которые обсуждались на страницах нашего журнала и семинарах, проводимых совместно с Институтом психологии РАН, я имею в виду вопросы формирования и структурирования собственной методологии юридической психологии как науки, определения ее объекта, предмета, системы принципов и методов. В этом номере мы предлагаем материал ведущего научного сотрудника НИИ ФСИН России кандидата психологических наук, доцента Б.Г. Бовина ¹.

ИСТОРИЯ ОДНОГО БЕССЛЕДНО ИСЧЕЗНУВШЕГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА МВД РОССИИ В ПЕРИОД РАСПАДА СОВЕТСКОЙ НАУКИ (РАНЕЕ НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ С.В. СТЕПАШИНУ)

Уважаемый Сергей Вадимович!

Официальное обращение к Вам в июне 1998 г. руководства Института психологии Российской академии наук, обеспокоенного судьбой психологических исследований в МВД России, и предложения от Научно-исследовательского центра проблем медицинского обеспечения, направленные в Управление кадров и кадровой политики в рамках развития концепции единой психологической службы, привели к печальному результату. 3 сентября сего года последовал Ваш приказ № 544: «Ликвидировать государственное учреждение Научно-исследовательский центр проблем медицинского обеспечения (НИЦ ПМО) Министерства внутренних дел». Причем никакой преамбулы и объяснения причин по поводу такого жесткого решения относительно целого направления в ведомственной науке ни в прика-

зе, ни за его пределами мы до сих пор не услышали. Все наши попытки что-либо изменить в этой ситуации натолкнулись на стену непонимания и отчуждения как со стороны руководителей Медицинского управления, так и со стороны руководителей МВД России. Весь драматизм ситуации заключается в том, что мы никогда не занимались проблемами медицинского обеспечения, и название центра, придуманное руководством Медицинского управления, постоянно вводит непосвященных в заблуждение.

Первоначально это была Центральная научно-исследовательская психофизиологическая лаборатория МВД СССР, организованная 30 апреля 1981 г. Постановлением Совета Министров СССР с целью научно-методического обеспечения профессионального отбора, диагностики, коррекции и профилактики психических расстройств среди сотруд-

¹ Редакция журнала не всегда поддерживает мнение публикуемых авторов.

ников органов внутренних дел. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 июля 1985 г. Лаборатория стала головной организацией в СССР по вопросам, связанным с научными исследованиями по структуре, распространенности, профилактике и коррекции психических состояний, вызванных стихийными бедствиями, техногенными катастрофами и социальными конфликтами. Сотрудники Лаборатории для сбора экспериментального материала выезжали практически во все районы стихийных бедствий и военных столкновений (землетрясения в Таджикистане, Молдавии и Армении; взрыв в г. Арзамасе; смерч в Ивановской области; межнациональные конфликты в Киргизии и Узбекистане, Азербайджане и Армении; Чернобыльская катастрофа; осетино-ингушский конфликт, военные операции в Чеченской Республике и другие события последних лет). В лабораторию стекалась почти вся исследовательская информация от других научных институтов, занимающихся проблемами экстремальной психиатрии и поведением человека в особых условиях. В 1990 г. Лабораторию преобразовали в Научно-практический центр психофизиологии и психологии труда МВД СССР, были добавлены новые научные направления, связанные с профессиографическим изучением основных видов деятельности в органах внутренних дел, повышением психологической устойчивости личного состава с помощью психофармакологических средств, психологической реабилитацией сотрудников, побывавших в экстремальных ситуациях. В это же время были начаты исследования суицидов, алкоголизма и наркомании среди личного состава.

Центр имел обширные связи с ведущими научными и образовательными учреждениями МВД России и аналогичными структурами ФСБ, Министерства обороны, Федеральной пограничной службы, а также со многими научно-исследовательскими учреждениями Российской академии наук и зарубежными научными центрами. Несколько научных сотрудников были приглашены в США, где в течение 6 месяцев проходили обучение.

Постепенное свертывание научных исследований произошло как только Центр во второй раз попал под непосредственное подчинение Медицинского управления МВД России и катастрофически этот процесс усилился с приходом из внутренних войск полковника медицинской службы, а затем генерал-лейтенанта внутренней службы В.М. Морозова. Враждебное отношение к науке, а в особенности к психологии и психиатрии, проявилось очень скоро. В 1996 г. была созвана межведомственная комиссия из представителей научных и образовательных учреждений МВД, Министерства обороны и ФСБ России. Цель акции была ясна — дать обоснованное заключение о неэффективности деятельности и нецелесообразности существования нашего научно-исследовательского учреждения в МВД России. Однако итог был иным, нежели чем тот, на который рассчитывал начальник Медицинского управления. Комиссия дала высокую оценку наших научных исследований.

После этого была изменена тактика борьбы с наукой. Несмотря на значительное количество прикладных разработок — около 30 методических пособий, аналитических обзоров и руководств и

другой научной литературы, посвященной проблемам личного состава ОВД и вышедшей лишь в 1997 г., был насильственно отправлен в отставку 47-летний начальник Центра — В.И. Савченко, кандидат медицинских наук, руководитель с безупречной репутацией, работавший ранее в Институте авиационной и космической медицины. Ушел в отставку его заместитель кандидат медицинских наук Ю.И. Андриенко, поскольку В.М. Морозовым были прекращены исследования по гомеопатической рефлексотерапии и биорезонансной терапии, которыми ученый успешно занимался около 10 лет. Стали уходить и другие сотрудники. Из 35 научных сотрудников осталось 20 человек. Руководство Медицинского управления запретило прием сотрудников в Центр. На протяжении 1998 г. Центр оставался без руководителей и вспомогательных служб. В связи с кадровым кризисом, спровоцированным руководством Медуправления, была полностью прекращена работа по компьютеризации современных психодиагностических методик, которыми мы обеспечивали практически всю психологическую службу МВД России, включающую около 2 тыс. психологов. Полностью прекратились регулярно составлявшиеся ранее обзоры иностранной литературы по психологическому отбору в полицию зарубежных стран. Была прекращена работа электронной почты, а ведь мы были пионерами этой связи в МВД России. С прекращением работы электронной почты мы лишились возможности быть в курсе новейших научных разработок, проводимых у нас и за рубежом, и участия в международных электронных конференциях. Резко снизилось количество конференций, симпозиумов, семи-

наров, в которых участвовали сотрудники Центра. Даже на внутриведомственные конференции с персональным приглашением нас не отпускало руководство Медуправления.

Однако несмотря на катастрофические условия, созданные руководством Медуправления, Центр продолжал научно-исследовательскую деятельность, которая держалась в основном на энтузиазме преданных науке людей. В начале 1998 г. была выпущена коллективная монография «Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе ОВД» объемом в 360 страниц, которая вызвала большой интерес у психологов. По заявкам она была направлена почти во все регионы России (тираж 2 тыс. экземпляров). Совместно с ВНИИ МВД России Центр подготовил Рабочую книгу пенитенциарного психолога, предназначенную для психологов уголовно-исполнительной системы. Была проведена научно-исследовательская работа по разработке системы обследования кандидатов в процессе отбора на службу и учебу по медико-психологическим критериям годности к основным видам профессиональной деятельности в ОВД. Работа была остановлена на завершающем этапе.

Центром были выпущены Методические рекомендации о мерах по профилактике травматизма, гибели и самоубийств сотрудников ОВД. Совместно с Академией управления МВД России были выпущены Рекомендации по тактике обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД и предупреждения ранений и гибели при столкновениях с правонарушителями. В рамках выполнения плана научно-исследовательской рабо-

ты совместно с региональными центрами психодиагностики был собран беспрецедентный по своим масштабам экспериментальный материал о качественном составе, психологических особенностях и уровне профессиональной пригодности сотрудников всех основных служб органов внутренних дел. Работа по обработке этого уникального материала прекращена.

Разработан компьютерный макет психодиагностики личностных особенностей по 130 признакам почерка. Эта методика предназначалась для кадровых работников, которые в течение 5–10 минут по написанной автобиографии могли бы получить общую психологическую характеристику кандидата на службу в ОВД. Работа осталась незаконченной. Планировалась исследовательская работа по анализу спектральных и фонетических характеристик голоса, что дало бы возможность распознавать возраст, образование, психическое состояние, интеллектуальный уровень и личностные характеристики абонента.

Совместно с Институтом психологии РАН планировалась работа по созданию фоторобота на основе регистрации биопотенциалов головного мозга. Это уже технологии 21 века. Знало ли руководство Медицинского управления об этих разработках? Уверен, что не имело никакого представления. Медицинские работники не проявляли ни малейшего интереса к исследованиям Центра, особенно в области психологии. За весь период со дня назначения В.М. Морозова никто из управления не присутствовал на обсуждении законченных тем и не читал наших трудов. Наши отношения осуществлялись лишь на административно-командном уровне. Являясь генераль-

ным заказчиком научных исследований и не затрачивая на это ни копейки (Центр финансировался по смете на научные исследования непосредственно из Финансового управления МВД России), Медицинское управление даже не понимало всей выгоды подобного положения и, естественно, не ценило тот научный потенциал, который был в его распоряжении. (В Центре в 1996 г. было 13 кандидатов наук).

За 17-летний период существования Центра было защищено 9 кандидатских и 2 докторские диссертации. Следует учесть, что в составе Центра было немногим более 30 научных сотрудников. Если еще принять в расчет, что это был период крупнейших техногенных катастроф и преобразований в стране, сопровождавшийся длительным пребыванием сотрудников в зоне чрезвычайных событий, то эти законченные научные исследования могли быть получены только в результате фанатичного отношения к науке сотрудников Центра. Научный потенциал плюс гигантский материал, собранный в командировках, позволяя Центру проводить исследовательскую работу в интересах почти всех основных главных управлений Министерства. В среднем около 80% научных исследований Центра выполнялось по заданиям этих главков. Являясь головной организацией по психологическому отбору в МВД России, Центр взял на себя работу по научно-методическому обеспечению всей психологической службы МВД России. Методические материалы разрабатывались и представлялись психологам муниципальной милиции, уголовно-исполнительной системы, вневедомственной охраны, оперативных подразделений и образователь-

ных учреждений. Центр, располагая финансовой независимостью от Медицинского управления, был единственной организацией, безвозмездно распространяющей научно-методические материалы среди огромной армии практических психологов системы органов внутренних дел. Одновременно психологи Центра пытались оценивать информативность применяемых психодиагностических методов и осуществлять, по мере своих возможностей, контроль за их использованием.

Нужно ли это было Медицинскому управлению? Как показали последние события, руководство отрицательно и враждебно относилось к этому направлению научно-практической деятельности Центра тем более, что до последнего времени полностью сохранялся только психологический отдел Центра, в котором было 4 кандидата психологических наук, длительное время занимавшихся психологическими проблемами личного состава ОВД. Нужна ли была деятельность этого подразделения Министерству внутренних дел? Если судить по ликвидационному приказу, то нет. Однако как понять то внимание, которое Министерство уделяло развитию единой психологической службы в органах внутренних дел, объединяющей работу многочисленных ее элементов (центры психодиагностики, группы психологического сопровождения учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях, психологические лаборатории и группы в уголовно-исполнительной системе, противопожарной службе, практические психологи УВД). Был создан координационно-методический совет по психологическому обеспечению деятельности ОВД и внутренних войск, чле-

нами которого до последнего времени являлись психологи Центра, принимавшие активное участие в разработке концепции психологической службы МВД России. Летом 1998 г. Центр внес предложения о развитии следующих основных направлений, связанных с психологическими проблемами личного состава ОВД:

- разработка критериев психологической пригодности к различным видам профессиональной деятельности в ОВД;
- выявление причин и разработка мер по предотвращению профессиональной деформации в ОВД;
- исследование причин гибели сотрудников ОВД и разработка психопрофилактических мероприятий по снижению травматизма и потере личного состава;
- психопрофилактика суицидов и других чрезвычайных происшествий в ОВД;
- разработка методов повышения психической устойчивости личного состава, а также его бое- и работоспособности с помощью психофармакологических средств;
- разработка системы психологического отбора лиц, направляемых в спецподразделения МВД России;
- психологическая реабилитация сотрудников после работы в экстремальных условиях.

Перечисленные направления должны были послужить программой, ориентирующей деятельность практических психологов ОВД, научно-методическое руководство которой брал на себя Центр, имеющий семнадцатилетний опыт исследований этих проблем. Однако необходимо было вывести НИЦ ПМО МВД России из непосредственного подчинения

ния Медицинскому управлению и назвать его Научно-исследовательским центром проблем психологического обеспечения МВД России, каковым на самом деле он и являлся в течение всего периода своего существования. Это легко можно доказать, проанализировав названия разрабатываемых руководств, рекомендаций, пособий, справочников и другой научно-методической литературы.

Ответом на эти предложения был ликвидационный приказ от 3 сентября. Создается впечатление, что руководство МВД России было дезинформировано начальником Медицинского управления В.М. Морозовым, постоянно твердившим, что это подразделение не представляет никакой ценности для медицинской службы, состоит из лиц пенсионного возраста, отличается низким уровнем научных исследований и зря расходует бюджет Министерства.

Попробуем ответить на эти обвинения. В.М. Морозов, конечно же, не знает, что Центр стоял у истоков создания службы медико-психологического отбора в МВД СССР и с самого начала осуществлял научно-методическое обеспечение центров психодиагностики (их более 50 в МВД России), находящихся, к сожалению, под эгидой медицинской службы. Кроме того, проводил в течение 15 лет регулярное обучение (два раза в год), постоянно консультировал и организовывал стажировку, осуществлял научное руководство диссертационными исследованиями.

Несколько слов по поводу возрастного состава психологов Центра. Возраст большинства психологов Центра относился к самому продуктивному периоду научной деятельности от 30 до 50 лет.

Только начальнику психологического отдела, подготовившему докторскую диссертацию и опубликовавшему ключевые ее разделы в упомянутой уже книге о психологической пригодности к службе, на момент увольнения в связи с ликвидацией было 59 лет. К этому нужно добавить, что спортивная жизнь в Медуправлении держалась, в основном, на сотрудниках Центра, постоянно выступавших на соревнованиях и занимавших призовые места в первенстве по МВД России, то есть это был коллектив энтузиастов со сплавом молодости и опыта.

Теперь о низком уровне психологических исследований в Центре. Для оценки исследовательской деятельности существует, как известно, наукометрические критерии. Вот некоторые из них применительно к деятельности Центра только за последних 5 лет:

- количество методических рекомендаций, пособий, справочников, руководств и других аналитических материалов составляет 52 научно-методические работы;

- количество опубликованных материалов приближается к 100–120 работам, из них около 10 % — публикации в материалах международных конференций, симпозиумов, съездов.

Материалы Центра регулярно публиковались в сборниках трудов и журналах основных научных учреждений МВД России (ВНИИ МВД, ВНИИПО, Известия методического центра, журналы образовательных учреждений и т. п.), следовательно, Центр участвовал в формировании научного мировоззрения по многим психологическим проблемам личного состава в ОВД.

Центр осуществлял тесное сотрудничество с ведущими научными и об-

разовательными учреждениями России (Институт психологии РАН, факультет психологии МГУ, МГТУ имени Баумана, Психологический институт, Институт социальной и судебной психиатрии имени Сербского и др.), его часто приглашали на конференции, в том числе международные. Кстати, руководство Министерства не ответило на обращение к Вам директора Института психологии РАН (июнь 1998 г.), в котором Вас информировали о характере научного сотрудничества ИПРАН и НИЦПМО МВД России, научной ценности проводимых совместных исследований и нежелательности прекращения этих исследований. Следует добавить, что сотрудничество осуществлялось практически без финансовой основы.

Что касается бюджетных ассигнований на научную деятельность НИЦПМО, то они не шли ни в какое сравнение с общим объемом затрат по смете на научные исследования в МВД России. Они составляли около 1% от общих ассигнований на науку в нашем ведомстве. Много ли получило Министерство, ликвидировав Центр и тем самым сократив десятые доли процента из ассигнований на науку? А что потеряло? Во-первых, хорошо технически оснащенное научное психологическое подразделение, укомплектованное квалифицированными специалистами-психологами с университетским образованием и учеными степенями. Следует сообщить Вам, что большинство практических психологов в системе МВД России не имеет психологического образования (если не иметь в виду краткосрочные курсы в Академии управления) и очень нуждаются в квалифицированном научно-методическом руководстве. Во-вторых, ликвидация го-

ловной организации по психологическому отбору открыла возможность бесконтрольного и неквалифицированного использования различных тестовых методик, которых в настоящее время насчитывается несколько тысяч, и ориентация в этом потоке затруднена даже для специалистов по психодиагностике. Мы сотрудничали с ведущими психодиагностическими центрами Москвы и были в курсе новейших тестовых разработок, апробировали их, давали заключения, рекомендовали к применению наиболее информативные из них, обучали их использованию практических психологов. В-третьих, можно сказать, что Министерство потеряло гигантский банк информации о психологических характеристиках личного состава, занятого основными видами деятельности в ОВД. Этот материал собирался с 1978 г. (еще во ВНИИ МВД) и представлял собой ценность, соизмеримую с ценностью государственных научных архивов. К сожалению, он в значительной мере не систематизирован и не был введен в персональные компьютеры. Мы этой работой занимались, но не успели ее закончить. Разбираться с этими массивами экспериментальных данных на десятки тысяч сотрудников ОВД медицинским работникам будет очень трудно. Скорее всего, этот материал для спокойствия души наследников будет назван хламом и также ликвидирован, что уже и произошло. В-четвертых, приостановлены и, вероятнее всего, будут незакончены актуальные для ОВД темы, которые в 1997 г. были включены в План научно-исследовательских работ МВД России и должны были бы завершиться в декабре 1998 г. Даже в этой кризисной ситуации мы были готовы завершить их,

хотя бы ради научного интереса, но получили странный ответ от В.М. Морозова, в котором сообщалось, что эти темы заказчики сами и закончат!!!

Еще более удивительным сообщением, содержащимся в ответе, было заявление, что основная часть задач по научно-практическому обеспечению ведомственного здравоохранения, возложенных ранее на НИЦ ПМО, успешно реализуется главными специалистами, а также Главным центром психологической диагностики МВД России. Чтобы разобраться в той терминологической путанице, в результате которой психологи занимались медицинским обеспечением, а медицинские работники — психологической диагностикой, вводя в заблуждение руководство МВД России, необходимо понять, что психология и медицина — это очень далекие друг от друга области человеческого знания, даже если под медициной понимать только психиатрию.

Назвать бывший Научно-практический центр психофизиологии и психологии труда МВД России сначала Лабораторией медицинских проблем, а затем НИЦ проблем медицинского обеспечения, существенно не изменив направления исследований и практически сохранив прежних научных сотрудников, среди которых оставалось значительное число психологов, можно только по профессиональному недомыслию или сознательно, для каких-то своих, неясных нам целей.

В то же время назвать подведомственное подразделение, которое на 90 % укомплектовано специалистами с медицинским образованием, Главным центром психодиагностики (а как известно психодиагностика — это отрасль психо-

логической науки, достаточно лишь открыть любой справочник) можно только в связи с психологической некомпетентностью руководства Медицинского управления.

Теперь, что же происходит в результате этой терминологической неразберихи? Профессиональных психологов, которые якобы занимались медицинским обеспечением, ликвидируют как ненужный аптечный киоск, а врачи центра психологической диагностики будут, естественно, заниматься психологическим отбором и другими психологическими проблемами личного состава органов внутренних дел.

Необходимо отметить, что как психолог не может определять и контролировать работу врача любой специальности, так и врач не может и не должен выполнять работу профессионального психолога. Совершенно непохожее образование у тех и других, разные задачи, решаемые этими специалистами; да и объект у них различный: у одного — больной, у другого — здоровый. Даже в профессиональном отборе, в котором заняты и те, и другие, у первых стремление рассматривать индивида через призму диагноза, у второго — рассматривать личность с точки зрения прогноза его профессионального развития.

Это непонимание различий между задачами врача и психолога явилось одним из весомых факторов, в результате которого органы внутренних дел стали укомплектовываться соматически и психически здоровыми индивидами (в этом, естественно, видели свою задачу врачи), но в психологическом отношении в ОВД стало поступать значительное количество посредственных кандидатов. Речь идет об их низ-

кой интеллектуально-мотивационной готовности к службе, нравственной неразвитости, наличии асоциальных установок, выраженной агрессивности и враждебности к людям, отсутствию необходимых профессионально-важных качеств к оперативной работе. И надо отдать должное медицинским работникам — качество медицинского отбора при поступлении на службу в ОВД следует признать вполне удовлетворительным. Ежегодно по состоянию соматического или психического здоровья в течение первых трех лет службы увольняется не более 2-х человек на 10 тыс. освидетельствованных.

Иная картина наблюдается, если рассматривать служебное и внеслужебное поведение сотрудников ОВД. За последнее время ситуация с личным составом еще более ухудшилась. Отмечается значительное увеличение сотрудников, привлеченных к ответственности за нарушение законности и совершение преступлений (в 1995 г. к уголовной ответственности было привлечено 3 тыс. сотрудников). Причем наблюдается резкий рост доли лиц, совершивших преступления и должностные проступки при незначительном сроке службы. В 1992 г. было допущено 120 тыс. случаев серьезных нарушений служебной дисциплины, в 1993 г. — уже свыше 140 тыс., и эта тенденция к росту продолжается. Факт резкого роста доли лиц, совершивших проступки и преступления при незначительном сроке службы в ОВД, свидетельствует о явном несовершенстве существующей системы профессионального отбора и в значительной степени его психологического аспекта. Однако в материалах совещания руководящего состава Централь-

го аппарата МВД России от 4 ноября 1995 г. в качестве одной из основных причин создавшегося положения называется «отсутствие тщательного отбора сотрудников в ОВД и слабое использование в этих целях возможностей медицинских учреждений системы МВД». Опять мы видим отзвуки непонимания различий между психологией и медициной. На фоне этого непонимания и произошла ликвидация по сути своей психологического центра, в течение нескольких лет разрабатывавшего психологический аспект профессионального отбора в ОВД.

Чтобы Медицинское управление окончательно не погубило это важнейшее в настоящее время направление профессионального отбора, руководству МВД России необходимо как можно быстрее принять решение о переподчинении центров психологической диагностики заместителям начальников ОВД по кадрам и расширить круг задач, решаемых этими подразделениями. Кроме того, на научно-исследовательской базе НИЦ ПМО МВД России создать во ВНИИ МВД научно-исследовательскую лабораторию психологических проблем личного состава, куда бы могли войти психологи института, ранее занимавшиеся проблемами пенитенциарной психологии, и часть психологов НИЦ ПМО, разбросанных теперь по различным научным и образовательным учреждениям МВД России. Эта лаборатория могла бы взять на себя исследовательскую работу по психологическим проблемам личного состава ОВД и научно-методическое обеспечение разветвленной и разрозненной психологической службы МВД России.

P.S. В изданной в 2002 г. Энциклопедии МВД России, подготовленной еще при жизни Центра, статья об истории создания и 17-летней научно-исследовательской работе коллектива НИЦ ПМО МВД России так и не появилась. Обезглавив психологическую службу органов внутренних дел, лишив ее научно-методического обеспечения, руководители Министерства уже в 1999 г. попытались исправить допущенную ошибку. На конференции в Академии управления МВД России начальник УК министерства в присутствии нового Министра заверил присутствующих в том, что Центр будет восстановлен. Но, как известно, строить всегда труднее, чем разрушать.

P.P.S. Как выразился Георг Гегель, история учит лишь тому, что ничему не учит. Все повторяется, только на более высоком уровне абсурда. Последнее — это уж про наше время.

Вновь под угрозой исчезновения единственное научное подразделение «отдел психологического обеспечения деятельности УИС» теперь уже в Федеральной службе исполнения наказания, а конкретно в НИИ ФСИН России.

В период с 1999 по 2010 год отдел в составе 6 научных сотрудников (4 кандидата психологических наук) совместно с прежними руководителями психологической службы занимался научно-методическим обеспечением более 3 тыс. практических психологов исправительных учреждений, которые остро нуждались в методических разработках по психодиагностике, психологическом консультировании, психокоррекционных программах, психологических моделях психотерапии и других методических материалах при работе с осужден-

ными и личным составом УИС, а также в научных представлениях об особенностях и закономерностях функционирования субкультуры осужденных. Без этой научно-исследовательской и методической работы отдела по внедрению знаний и методов интенсивно развивающейся современной психологической науки, психологическая служба УИС была бы обречена на застой и превращение в доморощенную и отсталую область корпоративной психологии, к которой уже сейчас проявляется новорожденное отношение. В последние два года появились первые признаки застоя. Все большую силу в УИС набирает тенденция замены понятий научной психологии бытовыми, житейскими метафорами, редукцией сложных психологических проблем к социологическим схемам, обращение к изжившим себя концепциям 100-летней давности, что является, если использовать сравнительную риторику, возвратом от возможностей телескопа Хаббла к непосредственному созерцанию звездного неба.

В проекте новой структуры института уже нет психологического отдела, который в течение 13 лет занимался исследованием проблем пенитенциарной психологии. Только за последние 5 лет отделом подготовлено и разослано практическим психологам исправительных учреждений 15 учебно-методических пособий, методических рекомендаций, монографий, общим объемом 130 п. л. (2080 страниц), которые оказались востребованными и используются в практической работе с осужденными и личным составом, несмотря на публичное высказывание одного из руководителей, курирующего ведомственную науку: «И кому нужна эта макулатура?».

В 2010 г. приостановлен выпуск подготовленных отделом методических работ; психологические исследования прекращены и заменяются псевдосоциологическими опросами, не имеющими никакой научной ценности; разорваны контакты в совместной исследовательской работе с межрегиональными психологическими лабораториями территориальных органов УИС; прекращено сотрудничество с международными исследовательскими центрами и благотворительными организациями; вызывает явное

неудовольствие у кураторов науки УИС участие научных сотрудников в межведомственных конференциях: «Чем вы там занимаетесь? Только водку пьете».

Создается впечатление, что реализацию Концепции развития УИС до 2020 года планируется осуществлять без научного изучения психологических проблем и характера поведенческих реакций почти 800-тысячного контингента осужденных, внимательно следящих за предстоящими революционными изменениями в их жизни.

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

В настоящее время на базе Академии ФСИН России при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области проводятся исследования в области социальной и юридической психологии по следующим научным проектам:

- № 10-06-54902а/Ц на тему: «Коррупционер: социально-психологические портреты и механизмы становления личности», руководитель Е.Е. Гаврина;*
- № 10-06-54901а/Ц на тему: «Социально-психологический портрет молодой преступности в современной России», руководитель Д.В. Сочивко;*
- № 10-06-53401а/Ц на тему: «Социально-психологический портрет внутрисемейного (по отношению к близким родственникам) тяжкого преступления», руководитель О.В. Старикова.*

Следует отметить, что эти исследования систематизированы и скоординированы на психологическом факультете Академии ФСИН России, в частности в рамках работы лабораторий «Криминальная деструктивность личности» и «Профессиональная компетентность специалистов ФСИН России».

Разумеется, что количество поддержанных проектов Правительством Рязанской области гораздо больше, но мы благодарны за поддержку той скромной научной деятельности, которую мы ведем на базе психологического факультета Академии ФСИН России и надеемся на дальнейшее конструктивное сотрудничество.

Приглашаем читателей и авторов к участию в публикациях в нашей рубрике «Научная жизнь».

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D.V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor.

Science section:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor.

Front letters:

A. V. Molostvov, PhD in psychology.

Department of international relations:

L.B. Juskova, PhD in psychology, associate professor.

Executive secretary:

E. A. Schelkushkina, executive secretary of the journal «Applied legal psychology».

Associate editors:

S. K. Bondyreva, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor.

A. Ia. Grishko, doctor of legal sciences, professor.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor.

N. N. Nechaev, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor.

V. M. Pozdniakov, doctor of psychological sciences, professor.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor.

O.V. Starikova, PhD in psychology

A. N. Sukhov, doctor of psychological sciences, professor.

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor.

НАШИ АВТОРЫ

Ананьев Олег Геннадьевич — старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН (psychology@academjust.gyazantelecom.ru).

Бовин Борис Георгиевич — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории изучения проблем работы с осужденными НИИ ФСИН России (niifsin@mail).

Галушкин Петр Андреевич — аспирант Столичной финансово-гуманитарной академии (galu77@rambler.ru).

Гришко Александр Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, профессор Академии ФСИН России (psychology@academjust.ryazantelecom.ru).

Датий Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, заместитель начальника лаборатории изучения проблем работы с осужденными НИИ ФСИН России (4590056av@mail.ru).

Детков Алексей Петрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, профессор Уральской государственной юридической академии (uglaw@yandex.ru).

Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич — научный сотрудник НИИ ФСИН России (525252s@mail.ru).

Журавлев Анатолий Лактионович — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО и член-корреспондент РАН, директор Института психологии РАН. (vshp@psychol.ras.ru).

Зарипов Зарип Саидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Академии ФСИН России (psychology@academjust.gyazantelecom.ru).

Иванов Геннадий Павлович — кандидат психологических наук, доцент, заслуженный учитель РФ, заместитель ди-

ректора по научной работе Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института (amiga@kaluga.ru).

Калинова Ирина Леонидовна — начальник психологической лаборатории ФБУ ИК-5 УФСИН России по Московской области (irinakalinova72@yandex.ru).

Коваленко Елена Федоровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии Калужского филиала Московского гуманитарно-экономического института (amiga@kaluga.ru).

Логунова Ольга Алековна — старший научный сотрудник ФГУ «ВНИИ МВД России» (olga.logunova65@mail.ru).

Лукьянченко Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии Сибирского государственного технологического университета (Luk.nv@mail.ru).

Михайлов Александр Валентинович — аспирант кафедры психологии и педагогической антропологии МГЛУ (valentin_rzn@mail.ru).

Новикова Елена Анатольевна — педагог-психолог ФБУ ИК-22 Дом ребенка (август 2009 — август 2010). (Elenaa.2010@mail.ru).

Поздняков Вячеслав Михайлович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова (rozdnaykov@flc.ru).

Реуцкая Ирина Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГУ «ВНИИ МВД России» (irinareutskaya@yandex.ru).

Рожков Олег Анатольевич — начальник психологической лаборатории ФКУ

СИЗО-1 УФСИН России по Оренбургской области; соискатель Академии ФСИН России (roa77@rambler.ru).

Семенец Марина Юрьевна — сотрудник юридической клиники Академии ФСИН России (semenest@mail.ru).

Старикова Ольга Владимировна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии Академии ФСИН России (olgastar6@yandex.ru).

Тарасиков Михаил Сергеевич — кандидат педагогических наук, заместитель начальника отдела кадров Академии ФСИН России (psychology@academjust.guazantelecom.ru).

Толстикова Светлана Николаевна — кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии, декан факультета педагогики и методики дошкольного образования Московского гуманитарного педагогического института (dochkol@rambler.ru).

Федосеев Алексей Августович — начальник отдела НИИ ФСИН России (525252s@mail.ru).

Хачатурян Сергей Джаванширович — кандидат психологических наук, доцент, преподаватель Владимирского юридического института ФСИН России (sdh63@mail.ru).

Худоконенко Сергей Анатольевич — преподаватель Владимирского юридического института ФСИН России (sdh63@mail.ru).

Хрушкова Кристина Александровна — сотрудник общефакультетской акмеологической лаборатории ФСИН России (olgastar6@yandex.ru).

Юсова Мария Борисовна — преподаватель-методист факультета управления Академии ФСИН России (usova111@mail.ru).

OUR AUTHORS

Ananev Oleg Gennadevich — the senior teacher of chair of social psychology and social work of Academy FSIN (psychology@academjust.ryazantelecom.ru).

Bovin Boris Georgievich — the candidate of psychological sciences, доцент, the leading research assistant of laboratory of studying of problems of work with condemned scientific research institutes FSIN of Russia (niifsin@mail).

Galushkin Peter Andreevich — the post-graduate student of Capital financially-humanitarian academy (galu77@rambler.ru).

Grishko Alexander Jakovlevich — the doctor of jurisprudence, the professor, the professor of Academy FSIN of Russia (psychology@academjust.ryazantelecom.ru).

Daty Alexey Vasilevich — the doctor of medical sciences, the deputy chief of laboratory of studying of problems of work with condemned scientific research institutes FSIN of Russia (4590056av@mail.ru).

Detkov Alexey Petrovich — the candidate of jurisprudence, the senior lecturer of chair of criminal law, the professor of the Ural state legal academy (uglaw@yandex.ru).

Dikopoltsev Dmitry Evgenevich — the research assistant of scientific research institute FSIN of Russia (525252s@mail.ru).

Zhuravlyov Anatoly Laktionovich — the doctor of psychological sciences, the professor, the corresponding member of the Russian Open Society and the corresponding member of the Russian Academy of Sciences, the director of Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. (vshp@psychol.ras.ru).

Zaripov Zarip Saidovich — the doctor of jurisprudence, the professor, the professor of chair of a criminology of Academy FSIN of Russia (psychology@academjust.ryazantelecom.ru).

Ivanov Gennady Pavlovich — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer, the deserved teacher of the Russian Federation, the deputy director on scientific

work of the Kaluga branch of the Moscow gumanitarno-economic institute (amiga@kaluga.ru).

Kalinova Irina Leonidovna — the chief of psychological laboratory FBU IK-5 UFSIN of Russia across Moscow Region (irinakalinova72@yandex.ru).

Kovalenko Elena Fedorovna — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer of chair of applied psychology of the Kaluga branch of the Moscow gumanitarno-economic institute (amiga@kaluga.ru).

Logunova Olga Alekovna — the senior research assistant ФГУ «all-union scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (olga.logunova65@mail.ru).

Lukjanchenko Natalia Vladimirovna — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer; the senior lecturer of chair of psychology of work and engineering psychology of the Siberian state technological university (Luk.nv@mail.ru).

Mihajlov Alexander Valentinovich — the post-graduate student of chair of psychology and pedagogical anthropology the HAZE (valentin_rzn@mail.ru).

Novikova Elena Anatolevna — the teacher-psychologist of FBU IK-22 Children's home (August 2009 — August 2010). (Elenaa.2010@mail.ru).

Pozdnyakov Vyacheslav Mihajlovich — the doctor of psychological sciences, the professor, the professor of chair of the theory and history of the state and the right of the Moscow state humanitarian university of a name of M.A. Sholokhov (pozdnyakov@flc.ru).

Reutsky Irina Evgenevna — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer, leading research assistant FGU «all-union scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (irinareutskaya@yandex.ru).

Rozhkov Oleg Anatolevich — the chief of psychological laboratory of Federal Fiscal Establishment, Isolator of inquiry-1 UFSIN of Russia across the Orenburg region, competitor of Academy FSIN of Russia (roa77@rambler.ru).

Semenets Marina Jurevna — the employee of legal clinic of Academy FSIN of Russia (semeneqm@mail.ru).

Starikova Olga Vladimirovna — the candidate of psychological sciences, the senior teacher of chair of the general psychology of Academy FSIN of Russia (olgastar6@yandex.ru).

Tarasikov Michael Sergeevich — the candidate of pedagogical sciences, the deputy chief of a staff department of Academy FSIN of Russia (psychology@academjust.ryazantelecom.ru).

Tolstikova Svetlana Nikolaevna — the candidate of psychological sciences, the professor of chair of psychology, the dean of faculty of pedagogics and a technique of preschool education of the Moscow humanitarian teacher training college (dochkol@rambler.ru).

Fedoseyev Alexey Avgustovich — the chief of department of scientific research institute FSIN of Russia (525252s@mail.ru).

Hachaturjan Sergey Dzhavanshirovich — the candidate of psychological sciences, the senior lecturer, the teacher of Vladimir legal institute FSIN of Russia (sdh63@mail.ru).

Hudokonenko Sergey Anatolevich — the teacher of Vladimir legal institute FSIN of Russia (sdh63@mail.ru).

Hrushkova Christina Aleksandrovna — the employee of общефакультетской акмеологической laboratories FSIN of Russia (olgastar6@yandex.ru).

Jusova Maria Borisovna — the teacher-methodologist of faculty of management of Academy FSIN of Russia (usova111@mail.ru).

Methodology and theory of legal psychology	
The interaction of fundamental psychology and the psychological practice: areas of development (opening speech). A. L. Zhuravlev	8
Criminological and socio-psychological roots of crime in contemporary Russia. A. Ya. Grishko	13
Criminal legal theory of the criminalization of and demand for the psychology of the development criminal and criminal-executive policy and modernization of the legislation. V. M. Pozdnyakov	17
The theoretical-methodological foundations of the penitentiary conflict studies as a science. A. P. Detkov	28
Applied and experimental research	
The causes and conditions of women's recidivism in the context of the problems of re-socialization convicted women. Z. S. Zaripov, M. Yu. Semenets	41
Psychodinamika personality of HIV infected women convicts in places of deprivation of liberty. I. L. Kalinova	45
Penal system employees` typology of intercommunion between motivation and professional deformation. O. A. Rozhkov	56
The self-determination of students'personality in the conditions of professional formation in the process of study at the University. G. P. Ivanov, E. F. Kovalenko	66
Peculiarities of family identity of women serving sentences in places of deprivation of liberty. N. V. Lukjanchenko, E. A. Novikova	78
Psychological characteristics of parents and adolescents from disadvantaged families. I. E. Reutskaya	85
Features of emotional affinity in families of minors condemned without imprisonment. S. D. Khachaturian, S. A. Hudokonenko	94
Psychological features of the «I» concept convicted of offences against close relatives. O. V. Starikova, K. A. Hrushkova	105
Psychoexperts	
Psychological characteristics of types of self-realization of persons with disabilities. P. A. Galushkin	116
Psychology of deviant behavior	
About the improvement of the educational system of rehabilitation activities for minors. O. G. Ananiev	121
Psychological-pedagogical problems of the development of the system of secondary professional education in modern Russia. A. V. Mihailov	131
The manager assistance	
Tolerance as a value of society and the development of personality. S. N. Tolstikova	141
Ways of increase of efficiency of activity of the psychologist-the practice of criminal-executive system M. B. Yusova	147
Characteristic of basic notions for professional and valuable attitude towards activity of penal staff. M. S. Tarasikov	155

To help the student practice

Some theoretical and practical aspects of personality and behavior research of serial sexual murderers (the review of foreign research). **O. A. Logunova**

163

The study of the professional formation of a psychologist in the non-governmental higher educational institution. **G. P. Ivanov**

175

Scientific life

Internet-conference «the Transformation of the correctional colonies in institutions for the detention of persons having committed crimes before the age of majority».

A. V. Datiy

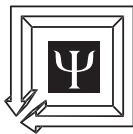
181

The story of one who disappeared without trace scientific-research centre of the Ministry of internal affairs of Russia in the period of the collapse of the soviet science (previously unpublished open letter to the Minister of internal affairs general-colonel Stepashin S. V.).

B. G. Bovin

183

Министерство образования и науки Российской Федерации
**Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский психолого-социальный институт»
(НОУ ВПО «МПСИ»)**

Лицензия на право образовательной деятельности
Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки
Серия А №268558 от 07.06.2007. Регистрационный №8919
Свидетельство о государственной аккредитации Серия АА
№000705 от 07.06.2007. Регистрационный №0683

Год основания МПСИ— 1995.

Обучение в Московском психолого-социальном институте даст Вам **классическое высшее образование** по специальностям:

- Государственное и муниципальное управление
- Дошкольная педагогика и психология
- Логопедия
- Менеджмент организации
- Прикладная информатика в экономике
- Психология
- Социальная работа
- Социально-культурный сервис и туризм
- Теория и методика преподавания иностранных языков и культур
- Управление персоналом
- Финансы и кредит
- Юриспруденция

Формы обучения— очная, очно-заочная (вечерняя), заочная (в том числе группы выходного дня).

Результаты ЕГЭ засчитываются на все формы обучения.

Второе высшее образование.

Сокращенные сроки обучения имеющим среднее профессиональное образование соответствующего профиля.

Обучение в институте платное.

Студентам очного отделения на время обучения предоставляется отсрочка от службы в Вооруженных силах РФ.

Иногородние студенты заочной формы обучения на время сдачи экзаменов обеспечиваются общежитием.

По окончании обучения выдается Государственный диплом.

На базе 11 классов работают подготовительные курсы.

Аспирантура: обучение по специальностям: «Педагогика», «Психология», «Экономика и управление», «Юриспруденция».

Обучение в аспирантуре— платное.

При МПСИ работает **диссертационный совет К 521.027.01** по защите кандидатских диссертаций по специальностям 19.00.01—Педагогическая психология; 13.00.01—Общая педагогика, История педагогики и образования.

Адрес института: 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, дом 9а

Проезд: метро «Шаболовская», далее трамв. 26 до ост. «3-я Рощинская улица»

Приемная комиссия: тел. (495) 232-10-70; 958-19-00

Подготовительные курсы: тел. (495) 958-19-00

Управление по работе с филиалами: тел. (495) 954-31-62

Аспирантура: (495) 958-19-00 доб. 129

http: www.mpsinst.ru, E-mail: mpsi@col.ru

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья — 8–12 страниц, обзор, рецензия, информация — не более 5 страниц, иные материалы — по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. Статья должна содержать аннотацию (2–3 предложения); ключевые слова, а также перевод названия статьи, Ф.И.О. автора (полностью), сведения об авторе на английском языке.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий) — место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы и страница [10, С. 125].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1

Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов

только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30.08.2011. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 12,75.

Тираж 1500 экз. Заказ № 803.

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабалина, 4.

Хочешь развивать мозги - приходи учиться к нам

Московский областной социально-гуманитарный институт

Объявляет прием на первый и последующие курсы в Институт и колледж МОСГИ

Обучение в любой точке России и СНГ, на дому без отрыва от работы

Обучение по индивидуальному плану, по сокращенным и ускоренным программам

Преподают лучшие педагоги столицы

Оптимальный уровень оплаты: за год, за месяц, за семестр

Стоимость обучения всего 2500 рублей в месяц!

Специальности Института:

Юриспруденция Экономика

Коммерция Менеджмент

Социальная работа Журналистика

Педагогика Психология

Прикладная информатика

Специальности колледжа:

Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)

Право и организация социального обеспечения

Правоведение

Менеджмент

Наш адрес: г. Москва, м. "Ленинский проспект", ул. Орджоникидзе, д. 12

Тел.: 972-71-92, 8-90-546-71-92, 8-916-266-67-28

Выпускникам выдается государственный диплом

www.mocgi.ru

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14. Россия, 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды